

Виктор
Шапинов

ИМПЕРИАЛИЗМ ОТ ЛЕНИНА ДО ПУТИНА

Когда национализированная собственность в основном поделена и встает задача стабилизации системы, нужно сильное государство, способное защитить собственность, — тут буржуазия превращает Сталина в патриота-государственника и отчасти даже в «хорошего парня». Все газеты и журналы печатают статьи к сталинскому юбилею. Так «Сталин» помогает «стабилизации».

**Виктор
Шапинов**

**ИМПЕРИАЛИЗМ
ОТ ЛЕНИНА ДО ПУТИНА**

Москва
«Алгоритм»
2007

УДК 338
ББК 66
Ш 23

Оформление серии *С. Груздева*

Шапинов В.В.
Ш 23 **Империализм от Ленина до Путина / В.В. Шапинов. —**
М.: Алгоритм, 2007. — 256 с. — (Левый марш).
ISBN 978-5-9265-0431-3

Буржуазия подходит к историческим образам не менее утилитарно, чем ко всему остальному. Так, имя Сталина она приспособливает под текущие политические нужды. Когда ей нужно было ускорить процесс приватизации и укрепления связей с мировым капиталом — российская буржуазия пугала обывателя сталинскими репрессиями, «сталинизмом», единственным спасением от которых якобы и являлась тотальная либерализация всего и вся. Так «Сталин» помогал либерализации.

Когда государственная собственность в основном поделена и встает задача стабилизации системы, тогда нужно сильное государство, способное защитить собственность. Тут Сталин представляется патриотом-государственником и отчасти даже «хорошим парнем». Все политики, начиная с Путина, поднимают за него рюмочку. Газеты и журналы печатают статьи на сталинский юбилей.

О подобных парадоксах в развитии империализма в XX—XXI вв. можно прочитать в книге В. Шапинова, представленной вниманию читателей.

УДК 338
ББК 66

ISBN 978-5-9265-0431-3

© Шапинов В.В., 2007
© ООО «Алгоритм-Книга», 2007

ЦИКЛ И РЕВОЛЮЦИЯ

Капиталистическое производство циклично: рост сменяется спадом, чтобы уступить место новому периоду роста. Несмотря на то что после преодоления последствий очередного крупного кризиса, когда экономика разгоняется и будущее кажется безоблачным, капитализм объявляется перешедшим в фазу «бескризисного развития», кризисы не исчезают. Они возвращаются в самый неподходящий момент, обрушивают рынки и повергают ~~дельцов~~ в панику.

продиринг... 40.00.00

«Короткий» цикл и классовая борьба

Короткие циклы капитализма, завершающиеся периодическими кризисами перепроизводства, были исследованы Карлом Марксом. Вкратце дело обстоит так.

При капитализме отдельные производители стремятся к бесконечному расширению производства, в расчете продать свой товар на рынке, который кажется им также безграничным. Стремительное развитие производительных сил промышленности и рост производительности труда обещают потенциально беспредельное расширение. Радужные перспективы «прогресса» обычно рисуются общественным сознанием именно в качестве продолжения этой тенденции. Но рынок на деле оказывается не безграничным, и в итоге не на все произведенные товары находится платежеспособный покупатель. Это истина, которую Маркс вывел за не-

сколько десятков лет до того, как она, благодаря Кейнсу, получила право гражданства в буржуазной политической экономии.

Рынок затоваривается, продукт некуда сбыть, хотя производственные мощности какое-то время все еще работают «на склад». Затем следует «сокращение рабочих мест», или, проще говоря: работников, производящих товар, который уже не может найти сбыта, выкидывают на улицу. Это еще больше сокращает платежеспособный спрос.

Капитализм в такие моменты похож на человека, проснувшегося после бурно проведенной ночи с больной головой и трясущимися руками. Он говорит себе: «Больше никогда!» — чтобы вечером снова повторить вчерашнее.

Экономическая статистика за время своего существования зафиксировала десятки таких кризисов, последний из которых в 2001 году поразил самые богатые страны — США, Европу, Японию. До него были: мексиканский, восточноазиатский и российский кризисы.

Казалось бы, напрашивается вывод, что кризисы должны обострять борьбу против капитализма. И такой вывод часто делали популяризаторы марксизма на протяжении всего XX века.

На деле влияние периодов кризиса и подъема на борьбу класса наемных работников сложнее. Кризис вовсе не обостряет «автоматически» эту борьбу. Рабочее движение, напротив, чаще растет в период подъема, и это как раз определяется экономической конъюнктурой. В это время растут продажи и прибыли, нужны новые рабочие руки, а значит, организованные в профсоюзы наемные работники могут выбить максимум уступок. И капиталистам при хорошей конъюнктуре есть за счет

чего повышать зарплату и улучшать условия труда, они легче соглашаются с требованиями работников. Иногда капиталисты даже добровольно идут на улучшение положения работников в такие периоды.

Весь период послевоенного экономического роста в Европе до середины 70-х забастовочное движение росло, также росла и оплата труда наемных работников, качество жизни, улучшались условия труда. Для «автоматического» представления о влиянии кризиса/роста на активность низов это явление не имеет объяснения. И, напротив, с конца 70-х интенсивность организованной борьбы наемных работников начинает падать, в то время как эксплуатация увеличивается, зарплаты падают, безработица растет.

Экономический рост дает почву для борьбы за улучшение своего положения в рамках системы. Кризис и сопутствующее ему сокращение производства, напротив, может вызвать апатию и дезорганизацию среди угнетенного класса. Капиталист не будет идти навстречу требованиям рабочих, у него нет ресурсов для уступок, ему и так угрожает разорение. Наемные работники, в свою очередь, могут перейти в период кризиса от коллективного отстаивания своих интересов к индивидуальным попыткам выжить при плохом спросе на рабочую силу. Часто за счет своих же товарищей по классу, таких примеров немало.

Но классовые организации, созданные в предшествующий кризису период подъема, в этот момент могут поставить под вопрос существование самой капиталистической системы. Условия в период кризиса для этого наилучшие, потому что реформистские поправки заканчиваются, эксплуатация максимально увеличивается в ходе попыток капиталистов выжить в конку-

рентной борьбе. Лозунгом для масс становится: «Потуже затяните пояса». Именно в этот момент революционные организации могут попытаться затянуть пояса на шее у хозяев жизни.

Но не каждый кризис одинаково глубок и разрушителен. И не каждый глубокий кризис вызывает пропорциональную «революционизацию» ситуации. Ключевым здесь является вопрос о классовом сознании пролетариата. Если политическая организация, которая является формой существования этого классового сознания, сумеет использовать активность и структуры, созданные экономической борьбой в период роста, для атаки на капиталистическую систему в целом, то тогда кризис станет революционным кризисом.

Тем не менее не всякий кризис дает возможность для такого превращения даже при наличии революционной организации. Рассмотрим факторы, оказывающие влияние на этот процесс: субъективную активность буржуазного государства и влияние «длинных» циклов капитализма.

Антикризисное регулирование

С определенного исторического момента класс капиталистов перестает просто плыть по течению стихийных рыночных сил. Он пытается противостоять складыванию негативной конъюнктуры активным вмешательством государства в экономику.

Считается, что методы антикризисного регулирования экономики были впервые предложены Джоном Мейнардом Кейнсом, советником президента США Рузвельта. Он выдвинул идею увеличения государственных расходов в качестве средства борьбы с кризиса-

ми. Для выполнения госзаказа, считал он, потребуются рабочие руки, найдут себе применение капиталы, а в денежных средствах государство дефицита не испытывает, оно может просто напечатать дополнительные деньги. Это приведет к росту инфляции и бюджетного дефицита, но, в конечном счете, экономика все равно выигрывает.

Это представление о «мессии Кейнсе», разрубившем «гордиев узел» капитализма, кочующее из одного учебника по истории экономической мысли в другой, игнорирует тот факт, что способ менее тяжелого выхода из кризиса за счет госрасходов был инстинктивно нащупан капиталистической системой еще до Кейнса. Наиболее эффективной формой этого «стихийного кейнсианства» оказалась не организация общественных работ, а война. Увеличение военных расходов приводит к созданию большого количества новых рабочих мест, позволяет рабочей силе «перетечь» из тех секторов, где плохая конъюнктура приводит к масштабным сокращениям.

Она же - война - приводит к краху самой системы

Военное оборудование всегда являлось одним из самых дорогостоящих, его создание требует больших трудовых затрат, а с «потреблением» его проблем не возникает. Это потребление называется войной.

Война уничтожает те производительные силы, которые и без нее были бы уничтожены кризисом, только делает это «с пользой» для большинства капиталистов данной нации. Война, к тому же, решает также и проблему захвата новых рынков сбыта для тех секторов, которые не выигрывают от военных заказов непосредственно, и проблему консолидации общества в случае военных успехов. Военные успехи предотвращают, таким образом, революционную мобилизацию класса

наемных работников. Военные поражения, напротив, увеличивают шансы революционеров. Так было после Первой мировой войны, когда общеевропейская, если не всемирная, революционная ситуация вылилась в революцию в странах, проигравших войну, — России, Германии, Венгрии, Финляндии.

Таким образом, антикризисное регулирование изменяет лишь форму связи между экономическим и революционным кризисами. «Мирное» кейнсианство вообще мало что меняет в этой связи, в отличие от «военного», во всяком случае, оно ничуть не затормозило вызревание революционной ситуации 1968—1975 годов.

«Длинные» капиталистические циклы

Не каждый кризис охватывает все или большинство стран мира. Некоторые кризисы оказываются локальными и не приводят к серьезным разрушениям. А другие, как Великая депрессия 1929—1933 годов, отбрасывают самые развитые страны на годы и десятки лет назад, сокращая объемы производства на четверть, а то и вполовину.

Фактический материал о рыночной конъюнктуре за два столетия исследовал в 1920-е годы советский экономист-статистик Кондратьев. Изучив динамику цен на мировых рынках за этот период, он пришел к выводу о том, что, кроме «коротких» циклов, описанных Марксом, существуют еще и «длинные» циклы капиталистического производства. Если короткие циклы длятся 7—11 лет, то длинные включают в себя около пяти коротких и продолжаются 40—60 лет.

Сам длинный цикл делится на «повышательную» А-фазу и «понижательную» Б-фазу. В А-фазе кризисы

оказываются более разрушительными, чаще происходят войны, социальные потрясения. Б-фаза, напротив, более спокойна. Самые сильные кризисы приходятся на переломные моменты — переходы от А-фазы к Б-фазе и от одного большого цикла к другому. В эти моменты чаще всего начинаются большие войны и поднимаются революционные волны, захлестывающие целые континенты¹.

Теория Кондратьева была первоначально отвергнута официальной советской экономической наукой по политическим причинам, так как она предполагала возможность новых подъемов капиталистической экономики. Однако позже, когда был накоплен большой фактический материал, выводы Кондратьева подтвердились.

«Длинные» циклы связаны с долгосрочными изменениями в структуре производства и вызываемыми ими инвестиционными циклами. Начало нового длинного цикла обусловлено переменами в системе производства, внедрением новых открытий, тем, что сегодня называется научно-технической революцией. В период А-фазы открываются целые новые отрасли производства, где норма прибыли высока. Производственная сфера растет. Экономика испытывает дефицит капиталов.

Затем наступает перелом, цикл вступает в Б-фазу, ресурсы новых отраслей и внедрения новых технологий исчерпываются, норма прибыли в них падает, капитал перетекает в финансовую сферу, пытаются решить проблему снижения нормы прибыли за счет внешней экспансии.

---

¹ Сам Кондратьев выделил следующие фазы длинных циклов: А-фазы 1789—1814, 1849—1873, 1896—1920 и Б-фазы 1814—1849, 1873—1896.

Продуктивно исследовать историю капитализма XX—XXI веков, влияние развития самого капитализма на его «свое другое», революционное антикапиталистическое движение, возможно именно с точки зрения наложения «длинных» и «коротких» циклов.

Таким образом, можно лучше понять, почему революционная политика Коминтерна 20-х — начала 30-х годов, пришедшаяся на «спокойную» Б-фазу, дала так мало практических результатов, а революционным движениям 60—70-х, часто уступавшим Коминтерну в идеологическом и организационном отношении, так часто сопутствовала удача. Почему эпоха неолиберальной глобализации, с ее наступлением на права наемных работников, по части антикапиталистического сопротивления сильно уступает эпохе «социального государства», пришедшейся на А-фазу.

Наконец, такой подход позволит нам дать прогноз будущего капитализма и специфики новой волны мировой революции.

ИМПЕРИАЛИЗМ: 1900—1945

1870—1890-е: становление империализма и «первая глобализация»

XX век начинается с А-фазы «длинного» капиталистического цикла.

Ей предшествовала Б-фаза, начавшаяся кризисом 1873—1878 годов, так называемой «поздневикторианской депрессией», самым долгим кризисом за всю историю капитализма. Заканчивается Б-фаза кризисами 1890 и 1900—1903 годов. Первый из них наибольшие хозяйственные потрясения вызвал в Германии, США и Франции, а второй, более долгий и глубокий, затронул Германию, США и Россию. Переход к Б-фазе 1870—1890-х сопровождался франко-прусской войной, объединением Германии и первым в истории рабочим правительством — Парижской коммуной.

Б-фаза 1873—1890-х гг. стала периодом территориального расширения капитализма. Многие исследователи называют его «первой глобализацией» или «первой волной глобализации», что не совсем верно, потому как капитализм на протяжении всей своей истории стремился к расширению, к тому, чтобы стать действительно всемирной, глобальной экономической системой.

Мировой рынок зарождается как трансатлантический еще в XVI веке, когда торговый капитал Европы впервые осваивает преимущества колониального ограбления Нового Света. Но и эта торговая паутина про-

никала очень неглубоко, ограничиваясь Европой и побережьем Атлантического океана. До этого, в XV веке, сложились торговые пути португальцев, стремившихся в Азию, вокруг Африки.

Все большие территории и все большее население вовлекаются в логику капиталистического рынка, этот процесс превращает экономику в мировую экономику, все части которой связаны в одну систему торговыми цепочками, а история отдельных стран или «цивилизаций» превращается в мировую историю. Соответственно и революционные изменения теперь приобретают всемирный характер.

Сама экономическая система подчиняется логике накопления капитала. Тот, кто владеет условиями и средствами производства — капиталист, — нанимает на работу того, у кого этих средств производства нет, — «свободного» работника. При этом разница между стоимостью израсходованных средств производства и рабочей силы, с одной стороны, и стоимостью произведенного продукта — с другой, составляет прибавочную стоимость. Часть ее идет на удовлетворение разного рода потребностей капиталиста, а остальное снова вкладывается в производство. Этот в пределах бесконечный процесс накопления капитала становится главной движущей силой мировой экономики, которая за несколько столетий проделала путь от весьма скромных капиталов генуэзских купцов до многомиллиардных состояний Джорджа Сороса или Романа Абрамовича, от небольших мануфактур до транснациональных производственных объединений. Общественный прогресс при этом оказывается только побочным продуктом этого экономического регресса mobile, он является настолько противоречивым, что раз

за разом ставится вопрос о том, не слишком ли велика цена прогресса.

Например, расширение «цивилизованной» области за пределы Западной Европы сопровождается уничтожением коренного населения Америки — это от 90 до 120 миллионов жизней. Расцвет капитализма в Западной Европе производит специфические перемены в Восточной Европе, которая становится источником сельскохозяйственных продуктов и сырья для более развитой экономики Запада: здесь «расцветает» самый жестокий за всю историю феодализм, «второе издание крепостного права». В Северной Америке «расцветает» рабовладельческое хозяйство, которое призвано дать хлопок для английской текстильной промышленности. Трансатлантическая работоторговля, которой занимались почти все ведущие «цивилизованные» нации Европы, унесла, по современным подсчетам, 112 миллионов африканцев. К тому же охота за рабами трансформировала социальную структуру африканского общества так, что плоды этого континент пожинает до сих пор. Более развитые прибрежные племена превращались европейцами в поставщиков живого товара, занимавшихся отловом рабов из числа менее развитых племен. Заложенные таким образом противоречия уже в XX веке привели к вспышкам геноцида и этническим войнам.

Индии тоже пришлось заплатить свою цену за интеграцию в мировую экономику. Английские предприниматели, подавляя конкуренцию, разорили местную текстильную промышленность, что привело к голоду в Бенгалии — основном центре хлопчатобумажного производства страны. В 1769—1770 годах голод унес 7 миллионов человек, треть населения региона. Голод вернулся еще раз в 80—90-е годы XVIII века, когда умерла по-

ловина населения — 10 миллионов человек. По мере того как власть англичан распространилась на всю Индию, голод стал общенациональным бедствием. Так, за последнюю четверть XIX века голод унес жизни 26 миллионов индийцев — более миллиона жизней в год.

Чтобы запустить мотор индустриализации и капиталистического накопления, весь мир заплатил очень высокую цену.

К концу XIX века не включенными или слабо включенными в мировой рынок остаются только Африка и Китай. Против них и была направлена внешняя экспансия мирового капитализма, причиной которой стал кризис перенакопления капитала 1870-х годов, «поздневикторианская депрессия».

Внутренние резервы расширения производства на основах, заложенных индустриальной революцией начала XIX века, были к тому времени исчерпаны, а новые технологии, связанные прежде всего с использованием электричества, еще не созданы. Гигантские финансовые ресурсы оказались накопленными, но отсутствовала возможность их производительного использования. Такая возможность была открыта за счет военной экспансии в Африку и военно-политической — в Китай. За 15 лет европейскими державами был поделен континент, который считался до этого диким и никому не нужным. Англия, Франция, Германия, Россия, Япония а также Бельгия и Голландия увеличили в период с 1876 по 1914 год свои колониальные владения в полтора раза. Приобрели колонии и Соединенные Штаты. Причем ни они, ни Германия и Япония ранее колоний вообще не имели, а Франция имела в 10 раз меньше, чем в 1914-м.

Экспансия царской России в Среднюю Азию — единственный внешний рынок, где товары русского капитализма могли не бояться английской и немецкой конкуренции, — стоит в том же ряду, что и раздел Африки империалистами Запада.

В Китай европейский буржуа проник несколько раньше. В 1850—1864 годах США, Франция и Англия помогли династии Цин подавить восстание тайпинов (повстанцы создали в долине Янцзы «Тайпин тяньго» — «небесное государство великого благоденствия»). Однако настоящее масштабное капиталистическое освоение Китая началось позже, когда Поднебесная была разделена «великими державами» на сферы влияния. Помогло в этом усмирение Ихэтуаньского восстания (в Европе его называли «восстанием боксеров»), начатое тайным обществом «Ихэцюань», что означает «Кулак во имя справедливости и согласия». В расправе над повстанцами принимали участие войска Германии, Японии, Англии, США, Франции, царской России, Италии и Австро-Венгрии — настоящий интернационал капиталистов, который мог бы соперничать по представительности с сегодняшней «антитеррористической коалицией», созданной США. В начале XX века Китай окончательно превратился в полуколонию, экономически и политически подчиненную Европе, США и Японии.

Таким образом, к началу XX века мировая экономика впервые в истории стала по-настоящему глобальной, соединив в одну мировую систему практически все страны и регионы планеты. Произошло это совсем не мирным расширением торговли, а открытием новых рынков военными методами, разрушением традиционной системы хозяйства.

Это географическое расширение сопровождало структурную перестройку капиталистической экономики, переход от домонополистической стадии его развития к монополистической. Название же новой стадии дал именно процесс расширения, осуществлявшийся в форме создания колониальных империй — «новый» капитализм был назван империализмом.

Однако основным в нем был не захват территорий, а концентрация и централизация производства, которая привела к монополии. Рост промышленности и быстрое сосредоточение производства приводят к тому, что несколько гигантских компаний занимают господствующее положение и делят между собой рынок. Материальной базой этого перехода было революционное изменение производительных сил общества, произошедшее в результате внедрения электрогенератора, двигателя внутреннего сгорания и паровой турбины.

Формируются монополистические союзы капиталистов: картели, синдикаты и тресты; происходит слияние банковского и промышленного капитала, в результате чего появляется слой финансовой олигархии, которая концентрирует в своих руках экономическую, а значит, и политическую власть. Монополии положили конец идиллическим картинам «свободной конкуренции», рисовавшимся уму вульгарных экономистов XIX века. На место «свободы» встало «господство».

Переход к империализму был принципиальным переворотом в структуре капиталистического хозяйства, которое по этим фундаментальным определениям принципиально не изменилось и до сегодняшнего дня. Лишь монополии стали еще крупнее, превратившись из национальных в транснациональные, а финансовая олигархия стала еще богаче и сильнее.

На протяжении Б-фазы 1873—1890 гг. (временные границы условны, поскольку переход от одного длинного цикла к другому и от А-фазы к Б-фазе внутри цикла растянут во времени иногда на несколько лет), «спокойной» фазы цикла, серьезные экономические потрясения отсутствуют. Кризис 1882 года охватил в основном США и Францию и был не таким глубоким. Политическая жизнь, в отличие от бурной А-фазы (Крымская война, отмена крепостного права в России, революция Мейдзи в Японии, гражданская война и отмена рабства в США, Парижская коммуна), также спокойна. Именно в этот период формируются крупные рабочие партии в Европе, которые оформляются в 1889 году во II Интернационал. Лидеры этих партий, привыкшие к спокойной жизни, часто к жизни парламентских представителей рабочего класса или профсоюзных функционеров-бюрократов, сыграют контрреволюционную роль в ходе следующей А-фазы 1900—1921 годов. Их опорой стал слой «рабочей аристократии», части рабочего класса, который получает от буржуазии определенную прибавку, благодаря чему уровень потребления этого слоя становится выше, чем уровень потребления пролетариата в среднем. Источником этой прибавки являются сверхприбыли, получаемые монополистическим капиталом империалистической нации от эксплуатации рабочей силы других стран.

Впервые такой слой, или, пользуясь современной терминологией, «функциональный подкласс», формируется в Англии середины XIX века, которая пользуется тогда своей промышленной и колониальной монополией. *«Английский пролетариат — пишет Ф. Энгельс в 1858 году, — фактически все более и более обуржуа-*

зывается, так что эта самая буржуазная из всех наций хочет, по-видимому, довести дело в конце концов до того, чтобы иметь буржуазную аристократию и буржуазный пролетариат рядом с буржуазией. Разумеется, со стороны такой нации, которая эксплуатирует весь мир, это до известной степени правомерно»¹. Такое положение сохраняется и в 1882 году: «Здесь нет рабочей партии, есть только консервативные и либеральные радикалы, а рабочие преспокойно пользуются вместе с ними колониальной монополией Англии и ее монополией на всемирном рынке»². Промышленное развитие и приобщение к колониализму других европейских держав распространяет эту тенденцию на другие империалистические страны. На новом этапе В.И. Ленин заключает: «Привилегированная прослойка пролетариата империалистских держав живет отчасти на счет сотен миллионов нецивилизованных народов»³.

1900—1920: мировая война и мировая революция

Начало XX века встречалось с большой помпой. Считалось, что новый век будет веком рациональности, еще большего расцвета науки и культуры, всего того, что связывалось общественным мнением с понятием «прогресса». Колониальные войны шли «где-то там», а Европа казалась спокойной и процветающей. Она вот уже 30 лет жила без войн и революций. Даже

---

¹ Ф. Энгельс. Письмо К. Марксу от 7 октября 1858 года // К. Маркс, Ф. Энгельс. Избранные письма, 1947, с. 105.

² Ф. Энгельс. Письмо Карлу Каутскому. // Цит. по В.И. Ленин, сочинения, 4-е издание, т. 22, с. 270.

³ В.И. Ленин. Империализм и раскол социализма.

социалисты мирно сидели в парламенте, отвоевывая шаг за шагом демократические права и более высокие зарплаты для наемных рабочих.

Но точно те же стремления, которые сделали конец XIX века временем технических открытий и господства идеологии прогресса, временем, когда казалось, что дикость и варварство отступили навсегда, привели в начале XX века к совершенно чудовищной по своим масштабам бойне. Никто не мог подумать, что цивилизованные европейцы начнут убивать друг друга всеми возможными способами, употребляя самые новейшие технические средства умерщвления на земле, на воде, под водой и в воздухе.

Вопреки радужным ожиданиям, новая А-фаза «длинного» капиталистического цикла почти сразу началась с кризисов и революционных потрясений. На нее приходится глубокий кризис 1900—1903 годов. Этот кризис серьезно затронул царскую Россию.

Рост 1890-х годов создал в империи Романовых успешное и наступательное рабочее движение. Но стачечные успехи рабочих рождали не революционное, а, напротив, реформистское настроение, в этот период господствуют «легальный марксизм» и «экономизм». Затем наступает кризис 1900—1903 годов, и «мирные социалисты» сразу теряют поддержку, инициатива переходит к революционерам ленинского направления, которые создают партию уже на основе своих принципов. В европейском движении в тот же период подъема расцветает «бернштейнианство», течение, названное по имени самого решительного и последовательного реформиста социал-демократии — Эдуарда Бернштейна. С наступлением кризиса усиливается критика реформиз-

ма, против Бернштейна выступают Карл Каутский и Роза Люксембург.

Кризис тянет за собой войну. Сначала развязываются локальные конфликты: англо-бурская, американо-филиппинская, итало-турецкая, две балканских войны. Активизируется и революционное движение. В 1905 году происходит буржуазно-демократическая революция в Персии, а после поражения России в войне с Японией и в ней начинается революция. В 1910-м происходят революционные события в Португалии. В 1911 году — революция в Китае.

А-фаза завершается большой войной. Причины Первой мировой подробно исследованы марксистами.

Развитие капитализма идет в разных странах неравномерно. Это привело к тому, что центр накопления капитала стал перемещаться из Британии, новыми центрами становятся Германия и США, которые, вступив на рельсы капиталистического развития позже, могли более эффективно внедрять в промышленности технологические новинки А-фазы. Монополизация и концентрация капитала в этих странах также шла быстрее.

Колониальный раздел мира уже отражал другое соотношение экономических сил европейских великих держав, сложившееся в период раздела Африки. Этот раздел начался на фоне явного промышленного доминирования Англии, которая в 1860 году производила более половины всего чугуна и угля в мире, на нее приходилось около половины мирового производства хлопчатобумажных тканей. К 1912 году доля Англии в производстве чугуна снизилась до 22%, угля — до 13%, хлопчатобумажных тканей — до 23%. В свою очередь значительно выросла промышленная мощь Германии,

которая поздно вступила в фазу промышленного капитализма и практически не участвовала в колониальном разделе планеты. Между 1899 и 1913 годами производство стали в Германии увеличилось в три раза, в то время как в Англии всего на 50%¹. Колонии Германии составляли «всего» 1 миллион квадратных миль, их население составляло 14,7 миллиона человек, против 9,3 миллиона квадратных миль и 309 миллионов человек у Англии.

Рост немецкой промышленности, техническое и структурное превосходство германского капитализма над английским просто требовали силового открытия рынка английских колоний для германских товаров. Разительное несоответствие реальной экономической мощи молодых империалистических стран, прежде всего Германии, и доставшегося им «скромного» куска колониального пирога толкнуло последние на путь передела мира. Так сложился блок Германии, Австро-Венгрии, а также экономически зависимых от них Турции и Болгарии. С другой стороны, старые колониальные страны были заинтересованы в ослаблении своих быстро развивающихся конкурентов и не меньше последних готовились к войне. Британия, Франция и Россия заключили военный союз, названный Антантой.

Война стала признаком того, что для производительных сил рамки национальных государств стали слишком тесными, они потребовали организации на уровне, по крайней мере, Европы, а лучше — всей планеты. Капитал же мог решить эту проблему только путем доминирования одних стран над другими, превра-

---

¹ В. Перло. Американский империализм. М., 1951. С. 29.

щением одного из центров накопления во всемирный центр.

Итогом войны стал не передел мира, а революционный взрыв гигантской силы. Кроме революции 1917 года в России, в том же году завершается революция в Мексике, идущая с 1910 года. Войной обостряются противоречия по всей Европе, распадается Австро-Венгрия, происходят революции в Венгрии и Финляндии, подавленные военной интервенцией. Рабочие занимают заводы на севере Италии, для подавления итальянской революции буржуазия впервые в истории устанавливает фашистскую диктатуру.

Кроме этих, довольно известных событий, происходят забытые или малоизвестные. В 1916 году начинается неудачное антибританское восстание в Ирландии, арабское восстание против Турции, среднеазиатское восстание против Российской империи; в 1917 году — восстания во Французском Индокитае и испанской Каталонии; в 1918 году — «рисовые бунты» в Японии, восстание в Болгарии, крестьянское восстание в Испании, восстание поляков в Германии; в 1919 году — восстания в Венесуэле и Аргентине, антияпонское восстание в Корее, антианглийское в Индии и антифранцузское в Сирии; в 1920 году происходят восстания в Персии, Албании и Палестине. Мировая война вызвала мировую революционную ситуацию.

Однако главные события, определившие вместе с Октябрьской революцией историю XX века, происходят в Германии. В 1918 году там происходит революция. Но социал-демократия в Германии, считавшаяся «образцовой» во всей Европе, помогает спасти капитализм. Ее правые лидеры, такие как Носке, прямо организуют вооруженные отряды для подавления рабочих восста-

ний под лозунгом «порядка». Эти социал-демократические отряды контрреволюции используют свастику в качестве своего символа — раньше партии Гитлера.

Левые социал-демократы, не считавшие нужным формирование собственной организации и продолжавшие работать в рамках социал-демократии (а потом, после раскола на СДПГ и НСДПГ, в организации «независимых» социал-демократов — центристов), оказались не готовыми возглавить революцию, в отличие от своих российских коллег — большевиков, которые с 1912 года образовали самостоятельную партию.

Социалистическая революция в итоге замыкается в одной недостаточно развитой стране, а в наиболее индустриально развитых странах революция терпит поражение. Там, где социализм подготовлен экономическим развитием, он терпит политическое поражение, а там, где экономические условия не готовы, пролетариат берет власть.

Революционеры делают из этих событий важный вывод о необходимости не просто борьбы с оппортунизмом и ревизионизмом, приспособлением рабочих партий к буржуазной системе и отступлением от марксистской теории, но и о необходимости организационного размежевания с носителями этих уклонов. Происходит разделение на II и III Интернационалы, создаются коммунистические партии.

III Интернационал продолжает готовить революцию в Европе, включая прямую подготовку восстания в Германии в 1923 году. Но мир медленно переходит от А-фазы к Б-фазе «длинного» капиталистического цикла, революционная волна схлынула. Коминтерн говорит о «временной стабилизации капитализма».

**1920—1945: революционный антракт,
кризис, депрессия, фашизм и война**

Однако проблема не решена. Германский капитализм снова растет быстрее британского, еще быстрее растет капитализм США. США опережает даже волновые колебания, раньше других переходя к новой производственной структуре, основанной на использовании конвейера и более энергичном использовании электричества. Европа же отстает и ограждается таможенными барьерами. На континенте возобновляется борьба между Францией и Германией за угольные и железорудные месторождения — их расположение практически точно копирует те территории, которые планирует аннексировать германская армия и при кайзере, и при Гитлере. Однако еще большее значение приобретает международная борьба за источники сырья, рынки сбыта.

Колониальные владения Британии, капитализм которой продолжает движение по нисходящей, уже явным образом становятся объектом будущего передела.

Весь период 1921—1945 годов мир движется как бы в противоположном к предыдущему периоду направлении. Если период 1873—1914 годов был периодом мировой экономической интеграции, то новый период стал периодом дезинтеграции. Иммануил Валлерстайн сравнивает это время с Тридцатилетней войной, которая закончилась переносом центра экономической активности из Нидерландов в Англию XVII столетия, имея в виду, что в период 1914—1945 годов решался вопрос о «британском наследстве», за которое боролись Германия и США, и победой последних.

В этой обстановке разразился самый мощный за всю историю капитализма кризис перепроизводства — Великая депрессия. Промышленное производство сократилось в США на 46%, в Великобритании — на 24%, в Германии — на 41%, во Франции — на 32%. Курсы акций промышленных компаний упали в США на 87%, в Великобритании — на 48%, в Германии — на 64%, во Франции — на 60%. Безработица достигла невиданных масштабов — 30 миллионов безработных в основных капиталистических странах, из них 14 миллионов в США.

Интересно отметить, что пострадал больше всего именно тот, кто наиболее интенсивно развивался в предыдущий период, в особенности США и Германия.

Кризис еще больше усилил процессы дезинтеграции центров накопления капитала. Инвестиции иссякли, мировая торговля за время кризиса сократилась на $\frac{2}{3}$. Борьба между долларом, фунтом, иеной и рейхсмаркой как финансовыми инструментами разных групп капитала обостряется.

Глубина кризиса как бы показывает, что базовое противоречие капитализма настолько обострилось, что без масштабного государственного вмешательства в экономику капитализм просто перестанет работать. Наиболее известным примером такого вмешательства остается «Новый курс» Франклина Рузвельта в США, но это также и экономическая политика фашистского правительства в Германии.

Германия и США оказываются пионерами перехода к государственно-монополистическому капитализму, позволяющему эффективно задействовать механизмы кейнсианского регулирования. Фактически — это система использования средств государственного бюдже-

та, государственного кредита и государственных заказов для поправки дел крупного капитала.

То, что войны и военные конфликты всего этого (как и последующего) периода были лишь политическим последствием экономической экспансии крупного национального капитала хорошо известно и доказано. Но не менее важным, а возможно и более важным, для капитализма является возможность преодоления кризиса перепроизводства при помощи милитаризации экономики. Это средство применялось и в 1933-м, и в 1939-м, но и в 2001 году.

Великая депрессия толкает монополистические круги на ряд военных захватов — в 1931 году Япония захватывает Маньчжурию (область на севере Китая), а в 1932-м — Шанхай, а Италия переходит к военным захватам в Африке.

Следующий, менее известный кризис 1937—1939 годов имеет большие политические последствия, он бросает капиталистический мир в пламя большой войны. Начинается она широкомасштабным вторжением Японии в Китай, начатым в 1937 году. Годом раньше, в 1936 году, начинается гражданская война в Испании, где в качестве активных игроков выступают фашистские режимы Германии и Италии. В 1938 году Германия производит аншлюс Австрии, а в 1939 году переходит к прямым захватам: Польша, Чехословакия и т.д. Итальянская армия вторгается в Албанию, а Япония пробует силы своей армии в битве с советскими войсками на реке Халхин-Гол в Монголии.

Наступление блока Германии, Японии и Италии шло под лозунгом борьбы с коммунизмом — факт, который сегодня принято игнорировать. «Антикоминтерновский пакт» в 1936 году подписали Германия и Япо-

ния, затем к нему присоединились Италия, Венгрия, Испания, Болгария, Финляндия, Румыния. Во всех этих странах к тому времени существовали фашистские или близкие к фашизму режимы. Фактически фашистские режимы в 1930-е годы были установлены практически во всех значимых капиталистических странах, кроме Британии, которая имела «подушку безопасности» в виде колоний, и Франции, где коммунисты и социалисты, создав «Народный фронт», смогли остановить фашистскую опасность.

США в те годы только с большой натяжкой могут быть отнесены к демократическим государствам — официальный антикоммунизм, неравноправие и ужасающая нищета негритянского меньшинства, антипрофсоюзное законодательство — все это больше походит на фашистские режимы Центральной Европы, чем на «чистую демократию». К тому же монополистический капитал США вовсе не так единодушно выступал за вступление в войну на стороне антифашистских сил — мощное профашистское лобби было нейтрализовано в США только после атаки японцев, союзников европейского фашизма, на Пирл-Харбор.

Кризис капитализма, который привел к Первой мировой войне, Великой депрессии, имел революционный вариант разрешения — Октябрьскую революцию и реакционный — фашизм. Иные варианты решения были возможны лишь для тех стран, которые тем или иным образом могли смягчить последствия кризиса — за счет эксплуатации колоний, как Британия, или экспортируя свои товары воюющим странам, как США. Идеология и практика режимов, реализующих реакционный вариант выхода из кризиса, поэтому могла быть только антикоммунистической, контрреволюционной.

Поэтому другого научного определения фашизма, кроме как открытой террористической диктатуры крупного капитала, опирающегося на мелкую буржуазию, диктатуры, которая уничтожает организованные формы рабочего движения, — быть не может. Фашизм первым делом уничтожает коммунистические и социалистические партии, профессиональные союзы.

Определяющей была роль коммунизма и в разгроме фашизма. Лишь благодаря участию Советского Союза, во Второй мировой войне победил «демократический» капитал с центром в США. Советский Союз выдержал удар $\frac{3}{4}$ германской армии на западе, а на востоке только разгром советскими войсками Квантунской группировки японской армии, оккупировавшей Китай, дал американцам решающий перевес.

Послевоенная экономическая реорганизация

Чтобы предотвратить конфликты, подобные Первой и Второй мировым войнам, капитал должен был реорганизоваться по-новому. Главной силой теперь становятся Соединенные Штаты. Еще в 1943 году, когда германские армии потерпели поражение под Сталинградом, в администрации Рузвельта начинает обсуждаться вопрос о послевоенном экономическом порядке.

Основные решения принимаются на конференции в Бреттон-Вудсе в июле 1944 года. Они заключаются в том, что после войны доллар США будет функционировать фактически как мировая валюта, а колониальные рынки будут открыты для конкуренции компаний разных стран. Эти меры сработали как нельзя лучше. Вместо нескольких центров концентрации со своими валютами (доллар, марка, иена, фунт), конкуренция ко-

торых неизбежно приводила к мировым войнам, создавалась иерархия центров накопления во главе с США, которые превращались в экономического и военного лидера и гаранта капиталистической мировой системы. Доступ к колониям со стороны монополий всех империалистических стран делал лишней борьбу за них военными средствами.

Переход лидерства в капиталистическом мире к США не был просто политическим решением, он закономерно определялся экономикой. В 1945 году США выпускали 45—50% промышленной продукции капиталистического мира, их экономика, поднявшаяся за годы войны, не шла ни в какое сравнение с разрушенными войной экономиками Европы и Японии.

1944—1949: вторая волна мировой революции

Но Вторая мировая война имела и другие последствия — революционные. Ее прямым итогом стала вторая волна социалистических революций, охвативших гигантские пространства и огромное население. Государственный аппарат буржуазии в Европе был фактически разрушен войной, поэтому не удивительно, что на территории, освобожденной Советским Союзом, появляются социалистические режимы, а на территориях, где после войны оказались армии США и Британии, был восстановлен капиталистический государственный аппарат.

Однако образование социалистических государств на востоке Европы не было простым экспортом советского государственного устройства, как это представляется официальной исторической наукой сегодня. Революции в Болгарии и Чехословакии лишь отчасти опи-

рались на советскую военную помощь, а революции в Югославии и Албании и вовсе произошли без таковой. Наоборот, только вмешательство США и Британии, а также оппортунистическая позиция компартий спасли капитализм в Италии и Франции в первые годы после освобождения — военная сила и симпатии масс были на стороне коммунистов. Также только прямая интервенция английской армии предотвратила революцию в Греции.

Одним военно-политическим противодействием коммунизму дело не ограничилось. Те же монополии, что спонсировали фашистские режимы и оккупационные армии, теперь получали кредиты и инвестиции от Соединенных Штатов по плану Маршалла, фашистские чиновники садились в кресла новой «демократической» власти. Главный экономист Коминтерна Евгений Варга говорит о том, что коммунистическая революция в Европе тормозится возможностью экономической интервенции из Америки.

Победой коммунистической партии над буржуазной партией Гоминдан заканчивается гражданская война в Китае в 1949 году. Коммунисты побеждают в Корее и Северном Вьетнаме, правда, и там и там империализм тут же начинает контрреволюционные войны. Победа коммунистов в Малайе была предотвращена антикоммунистической резней, устроенной английской армией. Коммунистов Филиппин, возглавлявших антияпонское сопротивление, подавили при активном участии США. В то же время завоевать независимость удалось национальной буржуазии Индонезии, под руководством президента Сукарно, и Бирмы.

Революционная ситуация сложилась после мировой войны практически во всех оккупированных Япо-

нией и Германией странах, ей способствовали активность масс, участвовавших в движении Сопротивления, а также дискредитация буржуазии, сотрудничавшей с захватчиками и уничтожение в ходе войны буржуазного государственного аппарата.

Но, чтобы сдержать революцию и преодолеть собственные противоречия, капитализму нужно было произвести экономическую перестройку, прежде всего в Европе. Бреттон-вудские соглашения были лишь первой ласточкой. Переход к новой А-фазе «длинного» цикла требовал более фундаментальных изменений.

Специфика капитализма между двумя революционными волнами: после Первой и Второй мировых войн, оказала несомненное влияние на русскую революцию, которая оказалась замкнута в одной стране и ограничена таким образом в возможности своего развития. В критической литературе этот период называется периодом «сталинизма», хотя связывать этот период только с именем Сталина вряд ли корректно.

Сталин с позиций «домашней нравственности»

В истории господствует дурной стиль: рассматривать «сталинский» период развития советского общества, а шире — развития мировой революции — с точки зрения издержек классовой борьбы. Все ли жертвы и репрессии были оправданны? Все ли подсудимые на московских процессах были виновны? Эти вопросы могли решаться только исходя из конкретно-исторической ситуации того времени, и вся критика *post factum* просто бессмысленна. Конечно, с точки зрения более «спокойных» времен, то, что творилось при Сталине, недопустимо и неоправданно. Но становятся ли для нас сегодня менее значимыми итоги и идеалы Великой французской революции от того, что в ее ходе было срублено такое количество голов, в том числе и выдающихся, таких, как голова физика Лавуазье?

Мы не можем позволить себе роскошь превращать историю социализма и борьбы классов в плохой детек-

а голодомор на Украине?

тив, где есть виноватые и невиновные. На основе сегодняшнего анализа можно оценивать только правильность или неправильность общей политической линии руководства ВКП(б) и Коминтерна в тот период, а не средства и методы, которыми она проводилась.

Это та граница, которая отделяет марксистскую точку зрения от обывательской. Большинство значительных марксистов XX века, живших после смерти И.В.Сталина и его официального осуждения руководством КПСС на XX съезде партии, не стеснялись солидаризироваться со сталинской политической линией. Даже такой известный «антисталинист», как Георг Лукач, пишет в 1967 году безо всякого раскаяния: «В центральном для Советской России вопросе я стоял на стороне Сталина»¹.

С точки зрения реальной борьбы, а не морализаторства подходил к вопросу о сталинской эпохе и Михаил Лифшиц, рецензируя книгу о репрессиях гуру антисталинистов всех времен и народов Александра Солженицына:

«Прав ли против нас, при всех наших худших ошибках и более чем ошибках, прав ли против нас тот старый сытый, благополучный мир, которому и сейчас труднее достигнуть царствия небесного, чем верблюду пройти сквозь игольное ушко? Правы ли кадеты и «веховцы», которые еще до революции шумели о грядущем хае, о неизбежном торжестве формулы «цель оправдывает средства», о революционном цезаризме? Прав ли тот обыватель, который ни в чем не участвовал, коллективизацию не проводил, не делал и многое другое, в чем добро смешивалось со злом иногда в очень невы-

---

¹ Г. Лукач. История и классовое сознание. М. 2003. С. 88.

годных пропорциях? Мне кажется, если воскресить Толстого и Достоевского, эти великие нравственные авторитеты русской литературы скажут, что не прав.

...Историческое дело — скользкая вещь, но его нельзя судить с точки зрения домашней нравственности. Человечество скажет: они сделали плохо и нужно делать снова — до тех пор, пока не сделается лучше».

Сталин в историческом блокбастере новой русской буржуазии

Однако есть определенный сорт «сталинизма», с которым марксизм не имеет ничего общего ни при каких обстоятельствах. Это присущие как части правящей российской буржуазии, так и «оппозиции» попытки представить Сталина добрым русским патриотом.

Сталин-державник, Сталин — строитель Русской Империи, Сталин минус коммунизм, Сталин минус интернационализм, Сталин минус революция — такой Сталин вполне устраивает их, и совсем не устраивает марксистов.

Но является ли Сталин-государственник просто химерой постмодернистского воображения, которая как привидение растворится при первых же лучах света истинного знания? Нет, в этом вопросе у буржуазии есть своя правда. Вот в чем она. Революционный политический лидер действует в объективных условиях, которые он застаёт как данность, он не может повлиять ни на степень развития страны, ни на степень развитости классовых противоречий в данной стране, где начинается его деятельность. Поэтому его действия могут сопровождаться уступками этим обстоятельствам, а тактика может корректироваться в соответствии с ними.

Так, в начале 20-х годов прошлого века ходом мировой истории социализм победил в одной, отдельно взятой стране, причем весьма малоразвитой. Исходя из этого, революционной партии и ее лидеру — В.И. Ленину пришлось пойти на определенное отступление, которое было названо новой экономической политикой. И именно это отступление становится тем звеном, за которое вытаскивают свою ржавую цепь ревизионисты, создавая образ Ленина — сторонника «рыночного социализма». Момент отступления, который был оправдан для отсталой изолированной страны с доминированием мелкокрестьянского уклада, дает оппортунистам массу «фактов» для их теории «рыночного» или «кооперативного» «социализма», которую, якобы, исповедовал Ленин.

Гораздо больше таких моментов отступления приходится на период руководства Сталина. Черета «брестских миров» и «нэпов», навязанных руководству партии обстоятельствами, складывается в общую линию «самотермидоризации» революции. Революция жертвовала частью, чтобы не потерять все.

Отступающая армия революции мало привлекательна для революционера-романтика, но искусство отступления — тоже искусство, и ему тоже нужно учиться. Но именно там, где революция отступала, именно там, где Сталин пошел на уступки силам старого общества, чтобы сохранить главные завоевания Октября и продвинуть революцию дальше в других сферах, он оказывается наиболее симпатичным реакционным «сталинистам». Они расщепляют исторический образ Сталина и выделяют, как соль из раствора, именно эту (по большей части вынужденную) реакционную сторону его практики.

Таков классовый инстинкт: реакционные «сталинисты» хотели бы видеть диктатуру без пролетариата. По линии этого инстинкта корежится историческая правда пролетарской диктатуры. Сделки с империалистами для реакционных «сталинистов» — не вынужденное лавирование, а сознательный отказ от идеалов мировой революции. Переселение народов — не трагическая ошибка, совершенная в трудных обстоятельствах мировой войны, а метод, которым они не прочь воспользоваться и сегодня.

Сталину пришлось руководить движением, когда прыжок в Царство Свободы сопровождается неизбежными уступками Царству Необходимости, а пережитки последнего приводят к тому, что строительство нового общества, по выражению М.Лифшица, вершится делами, в которых добро и зло смешиваются порой в весьма невыгодных пропорциях. На особенностях такого периода строится отношение к Сталину сегодняшней российской буржуазии, делая его двояким.

В историческом блокбастере новой русской буржуазии Сталин — отрицательный герой, но по-своему привлекательный.

С одной стороны, российская буржуазия принимает либеральный миф о Сталине. Ее Сталин до крайности демонизированный, обвиненный во всех возможных и невозможных грехах. Этим, вопреки воле мифотворцев, он оказывается вознесен еще выше, чем при жизни.

Либеральный Сталин — самая жалкая и ничтожная личность в истории, узколобая посредственность. Тем не менее, эта личность — самая могущественная. Исключительно его волей происходят гигантские общественные перемены, начинается и заканчивается террор,

война, голод, стихийные бедствия. В результате получается нечто вроде культа личности наоборот.

Либеральный Сталин виновен во взаимоисключающих преступлениях: в том, что слишком плохо готовился к войне с Германией, и в том, что сам готовился к нападению. В том, что отступил от «ленинского плана построения социализма», и в том, что был фанатичным последователем Ленина и т.д. и т.п. Либеральный Сталин уничтожил очень большое количество людей. Причем никто не знает точно сколько. Сами либералы не могут прийти к единому мнению, называя совершенно разные цифры в пределах от 10 до 100 миллионов. Мотивы либерального Сталина также не ясны: то ли это желание истребить вообще весь народ, то ли борьба с политическими противниками, то ли маниакальная подозрительность, то ли зависть к более умным и талантливым однопартийцам.

Причина адаптации либерального мифа о Сталине в сегодняшнем на первый взгляд патриотическо-имперском самосознании российской буржуазии проста. И это вовсе не сочувствие к «ленинской гвардии» или тяготам крестьянства в годы коллективизации. Причина в том, что именно под руководством Сталина были впервые в истории сделаны крупные шаги к преодолению частной собственности и уничтожению класса частных собственников. Поэтому Сталин до сих пор остается ночным кошмаром последних. Сталин для них — мечь эксплуатируемых, представляющаяся ужасной, беспощадной и кровавой. Как Робеспьер с гильотиной, являвшийся в кошмарных снах аристократам XIX века, Сталин является новой русской буржуазии в часы ночного отдыха после тяжелого рабочего дня. Призрак Ста-

лина мерещится им и в гущи бессловесных и покорных сегодня пролетарских масс.

Частные собственники прекрасно знают, что они сделали и продолжают делать каждый день в погоне за прибылью, они подсознательно ощущают, что когда-то всему этому придет конец. Будущая месть угнетенных оказывается опрокинута в прошлое ужасиками про ГУЛАГ. Жертвы репрессий в версии буржуа обязательно невинны, ведь буржуа не чувствуют себя виновными — при капитализме все происходит «само собой». Буржуа также чувствуют, что их власть не устоит перед организованным выступлением пролетариата. Именно поэтому жертвы репрессий в буржуазном эпосе беззащитны.

С другой стороны, буржуазное сознание адаптирует образ Сталина-патриота-государственника-русского националиста. Полуфабрикат такого Сталина был заготовлен в начале 90-х оппортунистической патриотической левой, сегодня он попал на идеологическую кухню имперской буржуазии путинской России, и из него готовится весьма опасное для дела пролетариата блюдо русского национал-социализма.

Нетрудно заметить, что эволюция образа Сталина проходит по линии вытеснения либерального Сталина патриотическим. Буржуазия подходит к историческим образам не менее утилитарно, чем ко всему остальному. Она приспособливает Сталина под текущие политические нужды (если это возможно, то и пролетарских диктаторов она приспособливает к своей цели максимизации прибыли). Когда ей нужно было ускорить процесс приватизации и укрепления связей с мировым капиталом — российская буржуазия пугает обывателя сталинскими репрессиями, «сталинизмом», един-

ственным спасением от которых и является тотальная либерализация всего и вся. Так «Сталин» помогает либерализации.

Когда национализированная собственность была в основном поделена и встает задача стабилизации системы, нужно сильное государство, способное защитить собственность, — тут буржуазия превращает Сталина в патриота-государственника, и отчасти даже в «хорошего парня». Все буржуазные политики от Путина до Зюганова поднимают за Сталина рюмочку. Все газеты и журналы печатают статьи на сталинский юбилей. Так «Сталин» помогает стабилизации.

Сверхчеловек со знаком «минус»?

Сталин — ключевая и трагическая фигура освободительного движения XX века. Плохо, когда о нем пишут слишком просто.

Эта простота бывает двух видов. Простота панегириков коммунистическо-патриотической прессы, которая не устает перепечатывать похвалы Уинстона Черчилля, Шарля де Голля и т.д. на каждую годовщину рождения или смерти Сталина, забывая при этом, что к похвале врага нужно относиться очень и очень осторожно. И простота либеральная и леволиберальная, делающая из Сталина сверхчеловека со знаком «минус», произвольно меняющего русло реки истории, наперекор воле классов пускающего колесо революции вспять или на пустом месте устраивающего массовый террор и кровавую баню «ленинской гвардии».

В противоположность «простым» подходам, оценка такого явления, как Сталин, возможна только с точки зрения продолжения борьбы, которую он вел. Лю-

бая иная оценка неизбежно свалится в две названные крайности: «зряшное» отрицание или «сталинистскую» апологетику.

«Историей» на Сталина была возложена также определенная задача в области теории. Она сводилась к обобщению того нового, что сделал Ленин, и суммированию опыта большевистской партии и Октябрьской революции. С этой задачей, не избежав при этом примитивизации, Сталин справился.

Этот период можно сравнить с тем, как после завершения теоретической деятельности Маркса и Энгельса, создавших материалистическую диалектику, наступил период II Интернационала, когда марксизм развивался «вширь», а не «вглубь». Победив практически во всех отрядах рабочего класса Европы, он снизил уровень, «популяризировался». Но это создало и условия для нового периода углубления теории, связанного с именем Ленина.

Упрощения и примитивизации, которые более «утонченные» марксисты не могут простить сталинскому периоду, являются следствием, с одной стороны, распространения ленинизма «вширь», с другой — необходимостью закрепить достигнутое в форме «учебника», «формулы», «догмы». Как примитивно ни выглядят сегодня теоретические результаты этого периода, без него и тех задач, которые он решил, не было бы нового прорыва в марксизме в постсталинский период.

Что касается практических задач социализма, то на долю Сталина выпало создание материальной базы нового общества, структурной перестройки экономики отсталой страны. Индустриализация, ликвидация мелкокрестьянского хозяйства — все это не относилось классиками марксизма к задачам социалистического

общества. Предполагалось, что капитализм решит эти проблемы сам. Но они достались в наследство Советскому Союзу от царской империи, находившейся на периферии мирового капиталистического хозяйства. *1926!*

Эти задачи были решены в СССР, причем в условиях изолированного развития, враждебного окружения («социализм в одной стране»), да еще и самой страшной в истории человечества войны.

Объективные условия

К середине 1920-х годов стало очевидно, что быстрой революции в странах Западной Европы не случилось, и что Советские республики на территории бывшей царской империи будут существовать какое-то время в окружении враждебно настроенных капиталистических государств.

Пролетарская власть оказалась изолированной в мелкокрестьянской стране. Вынужденная политика «военного коммунизма», заключающаяся в прямом изъятии продукции сельского хозяйства у крестьян, разбилась о мятежи в Тамбове и Кронштадте. Среднее крестьянство, терпевшее систему продразверстки в период Гражданской войны из боязни прихода «белых», которые могли отнять землю в пользу аристократии, теперь отказывалось подчиняться насилию. Приходилось выстраивать отношения с крестьянством на рыночной основе.

Уступка мелкой буржуазии деревни, социальный компромисс с крестьянством был назван новой экономической политикой. Один из большевистских лидеров, Рязанов, назвал нэп «крестьянским Брестом» в том смысле, что крестьянству в 1921 году пришлось уступить не меньше, чем немцам в Брест-Литовске в 1918 году.

Значительная часть революционной партии считала такую уступку недопустимой, предательской. В начале 20-х среди коммунистов прокатилась волна самоубийств. Но без этой уступки советская власть просто сломала бы себе шею, власть малочисленного городского пролетариата не выдержала бы натиск сельской мелкой буржуазии. Ленин убеждал в этом партийцев, говорил о том, что нэп — мера временная.

Союз городского пролетариата и сельской мелкой буржуазии изменил свою форму. Если в Гражданскую войну крестьянство шло на уступку большевикам, разрешая изымать хлеб взамен на то, что Красная Армия гарантировала село от возвращения помещиков, то теперь большевики шли на уступку, на реставрацию рыночных отношений. Этот союз позволил большевикам продержаться до конца 20-х, пока союз не был разорван кризисом хлебозаготовок.

Интересно, что необходимость социального компромисса с крестьянством в случае задержки мировой революции была предсказана еще до революции. Правда, предсказана «от противного». Троцкий писал в 1906 году:

«Предоставленный своим собственным силам, рабочий класс России будет неизбежно раздавлен контрреволюцией в тот момент, когда крестьянство отвернется от него. Ему ничего другого не останется, как связать судьбу своего политического господства и, следовательно, судьбу всей российской революции с судьбой социалистической революции в Европе. Ту колоссальную государственную-политическую силу, которую дает ему временная конъюнктура российской буржуазной революции, он обрушит на чашу весов классовой борьбы всего капиталистического мира»¹.

---

¹ Л.Д. Троцкий. Итоги и перспективы // Л.Д.Троцкий. К истории русской революции, М.1990. С. 83.

Троцкий выдел выход из «крестьянского тупика» на полях классовых битв Европы, но что делать, если классовые битвы там пока проиграны? Ленин находит выход из тупика в нэпе. Переиздав свою работу 1906 года в 1919 году, Троцкий считал мысли, изложенные в ней, по-прежнему актуальными. В предисловии 1919 года он пишет: *«Ход мыслей в основных своих разветвлениях весьма близко подходит к условиям нашего времени»*¹.

Крестьянство, пишет он, есть *«политическое варварство... социальная неоформленность, примитивность, бесхарактерность. А все это такие свойства и черты, которые никоим образом не могут создать надежного базиса для последовательной активной политики пролетариата»*². После захвата власти *«пролетариат окажется вынужденным вносить классовую борьбу в деревню... Но... недостаточная классовая дифференциация крестьянства будет создавать препятствия внесению в крестьянство развитой классовой борьбы, на которую мог бы опереться городской пролетариат...*

Но охлаждение крестьянства, его политическая пассивность, а тем более активное противодействие его верхних слоев не могут остаться без влияния на часть интеллигенции и городское мещанство.

*Таким образом, чем определеннее и решительнее будет становиться политика пролетариата у власти, тем уже будет под ним базис, тем зыбче будет почва под его ногами. Все это крайне вероятно, даже неизбежно»*³.

Прогноз Троцкого интересен тем, что он и оправдался и не оправдался. Оправдался потому, что проле-

---

¹ Л.Д. Троцкий. Итоги и перспективы, с. 110.

² Там же, с. 100.

³ Там же, с. 100—101.

тариат в конечном счете пришел к столкновению с крестьянством. Но не оправдался потому, что пролетариат вышел из этого столкновения победителем, преобразовав мелкобуржуазное сельское хозяйство на коллективных началах в 1930-е, несмотря на изолированность в капиталистическом окружении. Мысль Троцкого точна, но его политические выводы пессимистичны. За них Троцкого в 1920-е обвиняли в «неверии во внутренние силы русской революции». И это обвинение имело под собой основание, потому что русская революция еще долго держалась на «внутреннем ресурсе», хотя и далось это изолированное социалистическое развитие слишком большой ценой, слишком извилистым путем пришлось ей идти.

Когда нэповский компромисс с мелкой буржуазией был заключен, Троцкий все еще продолжал считать, что на таком союзе далеко не уедешь:

«Но как далеко может зайти социалистическая политика рабочего класса в хозяйственных условиях России? Можно одно сказать с уверенностью: она натолкнется на политические препятствия гораздо раньше, чем упрется в техническую отсталость страны. Без прямой государственной поддержки европейского пролетариата рабочий класс России не сможет удержаться у власти и превратить свое временное господство в длительную социалистическую диктатуру. В этом нельзя сомневаться ни одной минуты»¹.

Троцкий ищет выхода в мировой революции.

Официальная история говорит, что Сталин был сторонником строительства социализма «в одной стране», а Троцкий сторонником мировой революции. На деле

---

¹ Л.Д. Троцкий. Итоги и перспективы, с. 108.

и Троцкий, и Сталин были сторонниками мировой революции. В то же время и Троцкий, и Сталин выступали за строительство социализма в СССР.

Ни в выступлениях, ни в статьях, ни в документах (а следует учитывать значимость *текста* для политики той эпохи) у Сталина мы не встретим отказа или умаления идеи мировой революции. Более того, в отличие от Троцкого, чье видение осталось лишь теоретической схемой, в создании мировой системы социализма от Китая до Восточной Германии мы видим форму реализации этой идеи: Сталин воспользовался мировой войной, чтобы максимально расширить географию социальной революции. (Можно вспомнить хотя бы берлинский кризис, спровоцированный специально, чтобы отвлечь внимание и силы империализма от успехов революционной армии компартии Китая). Различные взгляды на политику коммунистических партий в Германии, Испании, Китае — это различные варианты революционной политики, которые, конечно, дали бы разные результаты. Но это вовсе не отказ от революции со стороны Сталина или Троцкого, хотя обвиняли они друг друга именно в этом смертном грехе.

Троцкий в свою очередь также предлагал определенные меры, которые, по его мнению, могли бы привести к развитию социализма в СССР. В частности, Троцкий и «левая оппозиция» настаивали на развернутой индустриализации раньше, чем та была принята сталинской группой, также он предлагал провести наступление на сельскую буржуазию — кулака, правда, куда более скромное, чем сталинская коллективизация, и не вторгающееся так решительно в отношения собственности на селе.

«Троцкизм» и «сталинизм» — это, прежде всего, |
разные программы развития революции в СССР.

Именно! Программы разные!

Но вернемся к началу 20-х. На X съезде Ленин говорит:

«Социалистическая революция в такой стране может иметь окончательный успех только при двух условиях. Во-первых, при поддержке ее социалистической революцией в одной или нескольких передовых странах. Как вы знаете, для этого условия мы очень много сделали по сравнению с прежним, но далеко не достаточно, чтобы это стало действительностью.

Другое условие — это соглашение между осуществляющим свою диктатуру или держащим в своих руках государственную власть пролетариатом и большинством крестьянского населения»¹.

Революционная власть чуть было не сломала шею, насилуя крестьянство «военным коммунизмом». Потом она пошла на компромисс с мелкой буржуазией, оставив свою собственную социальную базу — пролетариат — без «удовлетворения».

Это сознательным членам партии можно было объяснить, что мы отступаем, чтобы потом пойти вперед. Рабочему, который, вернувшись с Гражданской, увидел, что в городе опять жируют капиталисты-«нэпманы», это объяснить не так просто. Да и в партии не все понимали. Близкая соратница Ленина Александра Коллонтай считала, что в 1921 году советская власть стала «формальной вывеской», «с каждым днем приобретает все большее влияние и значение в политике ... группа крупных воротил капиталистического производства, послушных наемных, великолепно оплачиваемых слуг капитала»².

---

¹ В.И. Ленин. ПСС, т. 43, с. 58—59.

² Цит. по Р. Палм-Датт. Интернационал, М., 1966, с. 403

«Термидор», то есть контрреволюционный переворот, повлекший утрату пролетариатом власти, — *«совершившийся факт!»*, как пишет чуть позже, в 1923 году, член ЦК В.Смирнов. Он считает, что отставание индустриализации, рост кулака и нэпмана в период нэпа, смычка между ними и бюрократией, перерождение партии зашли настолько далеко, что без новой революции возврата на социалистические рельсы быть не может.

Злорадствуют меньшевики: они восприняли нэп как возвращение революции после неудавшегося большевистского эксперимента в «нормальное», буржуазно-демократическое русло.

Вот, например, слова Максима Горького, под которыми могли подписаться и многие члены партии: *«...пока что рабочие являются хозяевами, но они представляют лишь крошечное меньшинство в нашей стране (в лучшем случае — несколько миллионов). Крестьяне же — это целый легион. В борьбе, которая с самого начала революции идет между двумя классами, у крестьян есть все шансы выйти победителями... В течение четырех лет численность городского пролетариата непрерывно сокращается... В конце концов огромная крестьянская волна поглотит все... Крестьянин станет хозяином России, поскольку он представляет массу. И это будет ужасно для нашего будущего»*¹.

Теперь партию раздирает фракционная борьба. Страна представляет собой мелкобуржуазный кисель, в котором, как твердая пробка, плавает национализированная промышленность. Пролетарская диктатура в кризисе.

---

¹ Цит. по: Э.Карр. История Советской России. М., 1990, Книга 1, с. 750.

Основная задача — борьба против мелкой буржуазии. Основные противоречия в партии по вопросу о крестьянстве.

Вначале троцкисты и зиновьевцы выступают за более серьезный нажим на сельскую мелкую буржуазию, чтобы выбить из нее средства на индустриализацию. Партийным большинством, возглавляемым Сталиным и Бухариным, это оценивается как попытка «разрушить рабоче-крестьянский блок». Бухарин в ходе дискуссии справедливо замечает, что *«...в основе нашей дискуссии лежит вопрос об отношении между рабочим классом и крестьянством»*¹.

Трудно говорить однозначно, но, по-видимому, политика Сталина и Бухарина в отношении крестьянства была более обоснованной в этот период, чем политика, предлагавшаяся Троцким и Зиновьевым. Наступление на мелкую буржуазию нельзя было начать просто по указанию партии, — это как раз был бы тот бюрократизм, который справедливо критиковался троцкистами. Для такого наступления нужно было обострение борьбы, которое появилось только после кризиса хлебозаготовок.

Этот кризис стал объявлением войны деревней городу. Вернее, война была объявлена 5—10% богатейших крестьян — кулаков, которые контролировали значительную часть товарного хлеба. И у них был серьезный ресурс для такого противостояния: в европейской части СССР кулаки и самая богатая часть средних крестьян, т.е. около 10—11% семей, осуществляли 56% продаж хлеба в 1917—1928 годах.

---

¹ Бухарин Н.И. Выступление на XIV съезде ВКП(б) // XIV съезд ВКП(б). Стенографический отчет. М., 1926, с. 133.

Кризис завершился победой городского пролетариата (и «бюрократии», здесь их интересы неразделимы) против мелкой буржуазии: теперь он мог опереться и на 7% безземельных крестьян и около 40% бедняков в деревне. Или, как это отразилось в политике, победой Сталина над оппозициями, в особенности над правой оппозицией, настаивавшей на продолжении нэпа и ослаблении в отношении сельской буржуазии.

Примерно этим периодом Л.Д.Троцкий датирует чуть ли не окончание революции (1927). И эту оценку можно понять: из партии исключены он сам, Григорий Зиновьев и основные фигуранты их фракции, так называемой «объединенной оппозиции». Однако с этим выводом сложно согласиться. Как раз тут-то в некотором смысле революция только и начинается; вторгаясь в сферу жизни подавляющего большинства населения страны — крестьянства, — она коренным образом меняет отношения собственности в деревне, проводит коллективизацию. Партия впервые вступает в схватку с мелкой буржуазией. Тут же начинается и развернутая индустриализация, то есть собственно создание технической базы социализма. 1222

Большинство троцкистов, которые в 1920-е действительно были левой оппозицией к партийной линии, в этот период переходят на сторону Сталина, письма в поддержку нового курса руководства пишут практически все бывшие левые оппозиционеры. Первым это сделал Карл Радек, он счел необходимым твердо встать на сторону Сталина в борьбе с правым уклоном. Дополнительным аргументом для перехода троцкистов на сторону сталинского большинства ЦК было то, что Троцкий выступил в буржуазной печати с критикой партии

и СССР, что было расценено многими как беспринципный блок с буржуазией.

Масштабы классовой войны, разразившейся в стране в конце 20-х, не предсказывал никто, ее размах и острота поразили и сталинскую группу, и троцкистов, и тем более бухаринцев. Группировки были дезориентированы, и после «великого перелома» происходит перегруппировка в партии. Сталинское руководство забирает в 1929—1932 годах влево так далеко, что правящая группа оказывается на крайне левом фланге партии, а все остальные группировки выстраиваются правее нее и выступают лишь с правыми программами. Группировки, правда, теперь становятся неявными или вовсе подпольными, поскольку в партии установлено «монолитное единство рядов», а открытое выступление против партийной линии наказывается полицейским порядком. Новый режим в партии тоже стал результатом наступления на мелкую буржуазию — силы пролетариата в стране были слишком маленькими и вынуждены были сорганизоваться чуть ли не военным способом, чтобы идти против крестьянского большинства. Эти «издержки» движения вперед — свертывание сначала советской, а потом партийной демократии — тот пункт критики СССР Троцким, где с ним нельзя не согласиться. Однако это были именно издержки движения, а не полное отступление¹.

---

¹ О таких издержках говорил еще в самом начале социалистической революции Ленин: «Форма принуждения определяется степенью развития данного революционного класса, затем такими особыми обстоятельствами, как, например, наследие долгой и реакционной войны, затем формами сопротивления буржуазии и мелкой буржуазии. Поэтому решительно никакого принципиального противоречия между советским (т.е. социалистическим) де-

Троцкий ошибся в своих оценках развития правящей партийной политики. Внутри СССР, как это ни парадоксально, Сталин оказался большим революционером, чем Троцкий, что признавал позже даже близкий сторонник последнего Исаак Дойчер¹.

Дальнейшая история собственно троцкизма — это история уже совершенно другого политического течения, нежели исторический троцкизм 20-х. Новый троцкизм оппозиционен уже новому, левому курсу руководства, и органически включает в свою программу идеи правой оппозиции. Уже в 1928—1930 годах Бухарин и

мократизмом и применением диктаторской власти отдельных лиц *нет*. Отличие пролетарской диктатуры от буржуазной состоит в том, что первая направляет свои удары против эксплуататорского меньшинства в интересах эксплуатируемого большинства, а затем в том, что первую осуществляют — *и через отдельных лиц* — не только массы трудящихся и эксплуатируемых, но и организации, построенные так, чтобы именно такие массы будить, поднимать к историческому творчеству... именно материальный производственный источник и фундамент социализма — требует безусловного и строжайшего *единства воли*, направляющей совместную работу сотен, тысяч и десятков тысяч людей. И технически, и экономически, и исторически необходимость эта очевидна, всеми думавшими о социализме признавалось как его условие. Но как может быть обеспечено строжайшее единство воли? — Подчинением воли тысяч воле одного. Это подчинение может, при идеальной сознательности и дисциплинированности участников общей работы, напоминать больше мягкое руководство дирижера. Оно может принимать резкие формы диктаторства, — если нет идеальной дисциплинированности и сознательности» (Ленин В.И. ПСС. Т. 36. С. 199—200).

¹ Дойчер Исаак. Троцкий. Изгнанный пророк. М., 2006, с. 121—122.

Троцкий сходились в оценке новой политики Сталина — первый называл ее «чрезвычайщиной», второй — ультралевым авантюризмом.

Высланный из СССР Л.Д.Троцкий предлагает в своем «Бюллетене оппозиции» комплексную общественно-политическую реформу советского строя, которую он обычно называет «*политической революцией*» или «*свержением бюрократии*». Однако прежде чем рассматривать политическую программу троцкизма, следует обратиться к его общественно-экономической программе, то есть к сфере собственно классовых интересов, сфере, в которой в 30-е годы противостояли не «демократия» и «бюрократия», а пролетариат и мелкая буржуазия, интересы которой сталкивались в том числе и внутри бюрократического аппарата, где эти классовые силы находили выразителей своего интереса.

Здесь Троцкий предлагает следующие меры. В области индустриального развития: «*Железной рукой приостановить процесс инфляции, ...и восстановить твердую денежную единицу*», хотя бы ценою «*смелого сокращения капиталовложений*»¹. «*Перевод пятилетки на четыре года был актом легкомысленного авантюризма*», — пишет Троцкий. «*Пытаться насиловать хозяйство путем дальнейшего подстегивания значит усугубить бедствия*». «*Нужно отсрочить второй пятилетний план. Долой крикливый азарт! Прочь ажиотаж!*»² В кризисный для нового левого курса сталинской группы 1932 год Троцкий пишет: «*После авантюристского наступления необходимо как можно более продуманное плановое отступление*». «*Необходимо временное*

---

¹ Л.Д.Троцкий. Преданная революция, с. 64.

² Л.Д.Троцкий. Советское хозяйство в опасности!

отступление в области промышленности, как и сельского хозяйства. Конечную линию отступления нельзя определить заранее»¹. Троцкий призывает остановить «призовую скачку индустрии». Напомним, что именно в 1932 году появляется знаменитая «Рютинская платформа», программа объединенной правой и троцкистской оппозиции, которую склонна была поддерживать часть бюрократии².

В области сельского хозяйства Троцкий призывает распустить значительную часть колхозов и совхозов, большинство которых он считает насильственно созданными бюрократией. «Политика механического раскулачивания фактически уже покинута, — пишет он. — Надо официально поставить на ней крест. В то же время необходимо восстановить политику жестких ограничений эксплуататорских тенденций кулака».

Очевидно, что такая программа из всех социальных сил советского общества 1930-х могла опираться только на мелкую буржуазию. Соответственно, возникает и требование многопартийности. По Троцкому советская система «создает достаточно благоприятные возможности для образования нескольких партий». В другом месте он пишет о легализации всех «советских» партий.

Дело не в том, что Троцкий был контрреволюционером, субъективно он оставался революционером и считал термидорианцем, уничтожающим достижения Октября, своего оппонента — Сталина. Но объективная логика заключалась в том, что левой, революци-

¹ Л.Д.Троцкий. Советское хозяйство в опасности!

² Это подтверждает В.Роговин, который в книге «Власть и оппозиции» подтверждает, что «Рютинская платформа» согласовывалась и правилась троцкистами, зиновьевцами и бухаринцами.

Сказать это мог только человек, который был в курсе событий!!!

онной альтернативы сталинскому курсу по большому счету не было. Ее можно было представить себе теоретически — достаточно было сравнить советскую действительность с теоретическими описаниями движения к коммунизму: «Критикой Готской программы» Маркса и «Государством и революцией» Ленина. Собственно, теоретический троцкизм по большей части и занимался такими сравнениями. Первые же попытки найти опору для антисталинской политики внутри СССР приводили к тому, что единственной общественной силой, на которую можно опереться, оказывалась мелкая буржуазия. Поэтому, хотя теоретические взгляды Троцкого оставались революционными, и он критиковал советский строй за пережитки капитализма, за реальные пороки, его политическая программа оказывалась объективно контрреволюционной по своим возможным результатам.

Независимо от теоретической левизны консолидация оппозиции была возможна лишь на мелкобуржуазной платформе. Спайка «бюрократии» и пролетариата на основе левого курса Сталина просуществовала до 1937—1938 годов. Об этом свидетельствуют неуспехи оппозиции в среде рабочих, которые вынуждены признавать и ортодоксально троцкистские авторы.

Такой поворот слева направо в политике не будет таким удивительным, если принять во внимание, что чисто демократическую линию в русской революции проводили именно партии, испытывавшие сильное влияние мелкой буржуазии — меньшевики и эсеры, в то время как рабочая партия, большевики, с самого начала установили весьма жесткую революционную диктатуру. Социальный компромисс с крестьянством, принятый в начале 20-х, сопровождался жестким полити-

ческим зажимом, запретом мелкобуржуазных партий и даже фракций внутри правящей коммунистической партии. «Великий перелом» конца 20-х, пролетарское наступление в деревне и городе сопровождалось еще большим сворачиванием демократии. Таким образом, «демократическая» линия (даже линия «рабочей демократии») была тогда направлена в противоположную сторону от продвижения к социализму. Но такое противоречивое движение (социализм без пролетарской демократии) стал миной замедленного действия, заложенной в фундамент советского общества, заложенной, однако, не «злонамеренным Сталиным», а в силу неумолимой необходимости, диктовавшей организационные формы диктатуры пролетариата.

Сталин и партия, возглавлявшаяся им, были поставлены в определенные условия, когда, чтобы сделать шаг вперед в одном, приходилось идти на уступки в другом. В это положение СССР был поставлен предательством II Интернационала, просаботировавшего революцию в Европе, прежде всего в Германии¹. Конечно, это объясняет действия коммунистов в то время, но не оправдывает всякий шаг их политики.

Существует соблазн представить противоречие между историческим «троцкизмом» и историческим «сталинизмом» как противоречие между «марксистской схемой» и «реальным движением». Мнение о том, что «идеальная» схема всегда противостоит «прозаической» реальности, конечно, имеет мало общего с нау-

---

¹ Можно найти множество мест у Ленина, где он говорит о вынужденном характере политики большевиков в условиях задержки мировой революции. После смерти Ленина и до победы Китайской революции (1949) и начала социалистических преобразований в Восточной Европе в этом мало что изменилось.

кой. Но в условиях «социализма в одной стране» во многом именно так и происходит. И разрыв между беспомощной «схемой» (троцкизм) и самоограничивающейся, самотермидоризирующейся, но живой практикой (сталинизм) — это трагедия. Троцкизм всегда прав, когда с бухгалтерской точностью подсчитывает все отступления от марксистской программы, совершенные в СССР, когда подмечает все зигзаги «сталинистской» политики. Но когда дело доходит до реальной революционной борьбы — троцкизм показывает свою полную беспомощность.

Разрыв сталинизма и троцкизма — это также разрыв между движением и его самокритикой. В рамках этого разрыва и движение становится догматичным, и самокритика часто превращается в голый скептицизм. Именно поэтому троцкистские движения нигде и никогда не добились практического успеха в революционной борьбе. Именно поэтому троцкизм всегда критиковал практически любую политику Сталина внутри страны или вне ее. Троцкизм стал именно абстрактной, изолированной самокритикой коммунистического движения, выдавленной из него сталинской дисциплиной. Но и коммунистическое движение, лишившись своей самокритики, своего отрицания зачахло, окостенело и сползло в то же болото, куда раньше сполз II Интернационал. Неудивительно, что живая марксистская мысль, представленная в XX веке такими мыслителями, как Георг Лукач, Михаил Лифшиц, Эвальд Ильенков, не находила себе места ни в троцкизме, ни в «сталинизме» в качестве теоретической основы политики, а была загнана в академическое гетто.

Противоречия троцкизма и сталинизма — это даже не противоречие между «рабочей демократией» и «бю-

рократической реакцией», ведь даже самые догматичные из троцкистов не могут не признать революционного характера сталинской коллективизации на селе, победы над мелкой буржуазией. В то же время, это и не противоречие между «верным ленинцем» Сталиным и «отступником» Троцким, потому что даже самый убежденный сталинист не может не признать, что именно Сталин отступил от программы, намеченной в «Государстве и революции» Ленина.

Действительная разница между Сталиным и Троцким заключается не в том, строить или не строить социализм в одной стране (этот вопрос лишен смысла хотя бы потому, что социализм/коммунизм — *«не идеал, к которому нужно стремиться, под коммунизмом мы понимаем действительное движение, уничтожающее теперешнее состояние»* (К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч., т. 3, с. 34), а в том, какими путями, по их мнению, должно было происходить это движение в конкретных условиях победы пролетариата в СССР и поражения в Европе.

В огромной степени разделительной линией служил вопрос об отношении к крестьянству, который стоял очень остро весь период нэповского компромисса. При этом позиция Сталина по этому вопросу развивалась: сначала он стоял фактически на одной позиции с Бухариным, а потом сделал резкий левый поворот, по сравнению с которым, по словам Исаака Дойчера, даже позиция Троцкого выглядела реформистской.

Теоретические мотивы Троцкого почти безупречны: трудно представить себе развитие социализма без прогресса в деле мировой революции. Однако, 30-е годы дают обратную картину — стремительные социальные преобразования в СССР и коричневая, несущаяся к мировой войне Европа.

Не последнюю роль в этом сыграл мировой кризис, известный как Великая депрессия.

1932 год стал кризисным годом левой политики Сталина: в этот год историки фиксируют резкий всплеск антисталинских выступлений в партии, самым крупным из которых была «Рютинская платформа», автор которой был до этого лоялен. Появляются серьезные колебания у многих членов Политбюро, большинству которых Сталин, как явствует из опубликованной переписки с Молотовым, не доверяет. Наконец, в этом году Сталин не выступил ни на одном публичном мероприятии, в том числе на XVII партконференции, а на последовавшем Пленуме ЦК ограничился лишь репликами с места.

После уничтожения частного хозяйства на селе, острие борьбы вновь вернулось в город. Условно можно назвать его противоречием между «бюрократией» и пролетариатом. В бюрократию здесь следует включить не только управляющий слой — государственную и партийную бюрократию, — но и высокооплачиваемых лиц умственного труда, прежде всего хозяйственную бюрократию. Этот слой позже получил название «партийно-хозяйственной номенклатуры».

Период 30-х годов обычно описывается через две штампованные схемы. Первая: бюрократия под руководством Сталина уничтожала одно за другим завоевания революции. Вторая: советский народ под руководством Сталина строил социализм «от победы к победе». Ясно, что ничего общего с реальностью не имеет ни та ни другая схема.

Сторонники первой схемы до сих пор тщетно пытаются вывести все мероприятия, проводившиеся в СССР из «интересов бюрократии». Бюрократия превращает-

ся в волшебную отмычку, при помощи которой можно раскрыть все тайны советской политики и экономики. Достаточно сказать пару фраз о бюрократии, и все становится ясно.

Бюрократия превращается в самого Господа Бога, пути которого, как известно, «неисповедимы». Так же неисповедимы и «интересы бюрократии». По крайней мере, невозможно сказать, почему в 30-е годы эти интересы были именно таковыми, а не другими.

Почему бюрократия поддерживала линию Сталина? Гораздо логичнее с точки зрения действительных интересов бюрократии было бы превратиться в частных собственников или высокооплачиваемых капиталистических менеджеров, поддержав Бухарина. Или, на худой конец, тихо саботировать «призовую скачку индустрии» и прочий «авантюризм», и пожинать плоды тихого и размеренного бюрократического благополучия. Собственно, эти два способа поведения и были избраны советской бюрократией, когда она была предоставлена самой себе — в эпоху Брежнева и Горбачева.

В 30-е годы мы видим прямо противоположное. Вековой уклад, составлявший основу господства старой русской бюрократии, взрывается головокружительными атаками, а затем и вовсе запускается мясорубка большого террора, в котором значительная часть бюрократии гибнет физически.

«В первый свой период советский режим имел, несомненно, гораздо более уравнительный и менее бюрократический характер, чем ныне, — пишет Троцкий. — Но это была уравнительность всеобщей нищеты. Ресурсы страны были так скудны, что не открывали возможности для выделения из массы населения сколько-нибудь широких привилегированных слоев. В то же время «урав-

нительный» характер заработной платы, убивая личную заинтересованность, превратился в тормоз развития производительных сил»¹.

Ускоренная индустриализация заставила такой привилегированный слой выделить: это управленческий (в том числе не только хозяйственное, но и политическое управление, которое было слабо разделено), технический и научный персонал. Или «сталинская бюрократия», если пользоваться привычным уже термином. Эту бюрократию приходилось растить не менее ускоренными темпами, чем проводилась сама индустриализация, а для этого приходилось ее подкупать высокими зарплатами, лучшим жильем и т.п. Это было несомненным отступлением от принципов социализма, но никак по-другому в изолированной стране строить этот самый социализм было просто невозможно.

Не нужно переоценивать эти привилегии. Социолог Л. Гордон пишет: *«Соотношения, при которых практически все инженеры и ученые получали заметно больше рабочих, а последние — больше колхозников, когда на оборонных заводах и у командного состава армии оклады были выше, чем на гражданских предприятиях или в учреждениях культуры и обслуживания, — эти соотношения воспринимались как само собой разумеющиеся. Что же касается наиболее произвольных различий в сфере распределения, имевших характер привилегий, они распространялись в те годы на очень узкий круг работников и находились по существу вне поля зрения народных масс»².*

---

¹ Л.Д.Троцкий. Преданная революция, с. 96.

² Социологические исследования. 1987 год, № 4. Учитывая год написания, вряд ли Гордон преуменьшает привилегии «сталинской бюрократии».

Однако при этом бюрократия обростала связями, окостеневала, входила во все большие противоречия с массами, ее аппетиты росли.

Именно в этой обстановке такие противоречия привели к вспышке террора 1937—1939 годов.

Террор решал, во-первых, проблему производственной эффективности. Бюрократический метод управления давал результаты лишь в определенных пределах. С завершением индустриализации он стал давать сбои, по крайней мере, в крупных городах. В социальном плане это вылилось в противостояние «масс» и «аппарата». Причем самое высшее руководство партии выступило здесь на стороне масс. В условиях, когда материальных условий для уничтожения разделения труда и перехода к самоуправлению еще не было, дело вылилось в погром аппарата, в собственно террор. Движение, которое при других условиях могло вылиться в переход к бесклассовому коммунизму, привело лишь к демократизации и сильному разбавлению аппарата выходцами из низов. Этот аспект террора, даже убежденными антисталинистами отмечается как демократический аспект репрессий.

Место «сталинизма» на пути от капитализма к коммунизму

Касаясь «преданий старины глубокой» коммунистического движения, меньше всего хочется «будить призраков» и участвовать в спорах 80-летней давности, от политических условий которых не осталось и следа. Тем не менее, важно указать действительное место сталинского периода в истории СССР в общем движении от капитализма к коммунизму.

Что такое коммунизм с действительно научной точки зрения? Немногие из коммунистов сегодня задумываются об этом. Большинство удовлетворяется той версией, что коммунизм — это что-то типа теории «социального государства» с примесью патриотизма (по вкусу). Но коммунизм — это вовсе не сборная солянка мелкобуржуазных теорий.

«Коммунизм как положительное упразднение частной собственности — этого самоотчуждения человека — и в силу этого как подлинное присвоение человеческой сущности человеком и для человека; а потому как полное, происходящее сознательным образом и с сохранением всего богатства предшествующего развития, возвращение человека к самому себе как человеку общественному, т. е. человеческому. Такой коммунизм, как завершённый натурализм, = гуманизму, а как завершённый гуманизм, = натурализму; он есть действительно разрешение противоречия между человеком и природой, человеком и человеком, подлинное разрешение спора между существованием и сущностью, между опредмечиванием и самоутверждением, между свободой и необходимостью, между индивидом и родом. Он — решение загадки истории, и он знает, что он есть это решение»¹. При этом, «положительное упразднение частной собственности, как утверждение человеческой жизни, есть положительное упразднение всякого отчуждения, т. е. возвращение человека из религии, семьи, государства и т. д. к своему человеческому, т. е. общественному бытию»².

Общественная сущность человека противостоит ему как индивиду, являющемуся частным собственни-

---

¹ К.Маркс. Экономическо-философские рукописи 1844 года.

² Там же.

ком или представителю частной профессии в системе общественного разделения труда.

Именно поэтому коммунизм назван Марксом **практическим** гуманизмом. В отличие от буржуазного гуманизма, являющегося моральным выражением принципа равенства перед законом, практический гуманизм Маркса есть действительное преодоление противоречия между индивидом и родом и снятие таких форм коллективной деятельности людей, в которых сама эта деятельность противостоит им как нечто чуждое. Таких, как государство, право, религия, семья и т.д.

Это преодоление осуществляется через уничтожение частной собственности и разделения труда — этой основы классового деления общества.

Снятие отчуждения проходит как бы в два этапа, которые можно назвать формальным и действительным уничтожением частной собственности, «неполным» и «полным» коммунизмом.

«Коммунизм есть положительное выражение упразднения частной собственности; на первых порах он выступает как всеобщая частная собственность», — пишет Маркс о первой стадии.

«Отчуждение проявляется как в том, что мое средство существования принадлежит другому, что предмет моего желания находится в недоступном мне обладании другого, так и в том, что каждая вещь сама оказывается иной, чем она сама, что моя деятельность оказывается чем-то иным и что, наконец, — а это относится и к капиталисту, — надо всем вообще господствует нечеловеческая сила»¹.

Формальное обобществление снимает лишь одну сторону отчуждения, существующую в классовом обще-

---

¹ К.Маркс. Экономическо-философские рукописи 1844 года.

Нет! Не каждая!!

щества от низшей ступени к высшей. Каждая ступень необходима и, таким образом, имеет свое оправдание для того времени и для тех условий, которым она обязана своим происхождением. Но она становится непрочной и лишается своего оправдания перед лицом новых, более высоких условий, постепенно развивающихся в ее собственных недрах»¹. Этот фрагмент «позднего» Энгельса как будто специально направлен против анти-сталинистов и поверхностных «сталинистов», которые не видят оправдания для диктатуры пролетариата сталинский период или, напротив, делают из нее мерку для всех времен и народов. Здесь в предельно общей форме выражено и наше отношение к периоду Сталина.

Вопрос заключается только в том, когда же эта система изжила себя? «У нее [диалектики], правда, есть и консервативная сторона: каждая данная ступень развития познания и общественных отношений оправдывается ею для своего времени и своих условий, но не больше»², — пишет Энгельс. Но, когда наступило это «но не больше»? Когда именно «сталинская бюрократия» стала оковами на пути к коммунизму?

Собственно, здесь мы должны выйти за пределы периода жизни Сталина и обратиться к позднесоветским временам, когда, по нашему мнению, были созданы условия перехода к высшим стадиям коммунистического общества.

Коммунизм требует развития производительных сил. Однако производительные силы — это не только и не столько техника и технология. Это — производи-

---

¹ Энгельс Ф. Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии // Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 21, с. 275—276.

² Там же.

стве, но оставляет в силе другую. Над обществом продолжает господствовать, как *нечеловеческая*, сила государства, права, классовой морали и т.п., «вещь оказывается иной, чем она сама» хотя она уже и принадлежит всем (т.е. и мне), а не «другому».

Экспроприация буржуазии ликвидирует ту сторону отчуждения, которая проявляется наиболее зримо, как прямая нищета, отчуждение пролетариата от средств существования, являющихся частной собственностью капиталиста и обмениваемых на рабочую силу пролетария при крайне невыгодных для последнего условиях. В этом смысле Сталин писал, что рабочий класс в Советском Союзе перестал быть пролетариатом, преодолел отчуждение от средств собственного существования. Но эти средства его собственного существования остались средством существования **рабочих** как особого класса в условиях разделения труда. То есть, несмотря на формальное обобществление, рабочий остался рабочим на заводе, профессор — профессором в университете, партработник — партработником в парткоме. (Формальное обобществление названо у Маркса «грубым коммунизмом». Не правда ли поразительное совпадение: Ленин в «Письме к съезду» дает Сталину характеристику «грубого» коммуниста?)

В сталинский период развития советского социализма была решена задача «ликвидация буржуазии, как класса». Буржуазия была экспроприрована, и основные средства производства стали государственной собственностью в руках пролетарской диктатуры. Была решена и более сложная задача — миллионы мелких собственников — крестьян — были объединены в крупные коллективные сельские хозяйства. Однако оставалась другая, гораздо более сложная, задача — ликвидация рабочего класса как класса.

Естественно, что здесь вставала проблема, связанная с изолированным положением социалистической страны и ее отсталым экономическим положением.

Трудность перехода ко второму этапу заключалась и в том, что в Российской империи пролетариату оказалось просто взять власть в свои руки, но весьма не просто решать задачи социалистического преобразования.

Кроме тяжелых процессов индустриализации и коллективизации, создание материальной базы социализма в СССР потребовало предоставления определенных привилегий слою специалистов, необходимых для развития науки, техники, обороны, управления и т.д. Встала задача подготовки кадров — интеллигенции, которая могла бы освоить передовую технику. Для того чтобы быстро, в экстренные сроки такую интеллигенцию вырастить, приходилось вводить и некоторое неравенство. Создавались лучшие условия для жизни «бюрократии». В сталинский период это было вынужденной мерой. Внедрить новую технику, развить производительные силы (без чего бюрократию не уничтожить) невозможно было без бюрократии — такова диалектика.

На этом этапе, который в области взаимоотношения классов может назван решением задачи ликвидации буржуазии и мелкой буржуазии, ^{т.е. крестьянства} интересы рабочего класса и его бюрократии в целом совпадают. В этот период Сталин мог вершить дело рабочего класса руками бюрократии.

Но эти интересы рано или поздно вступают в противоречие. Этот час бьет, когда наступает время перехода к действительному уничтожению частной собственности, ликвидации разделения труда, когда особый слой, освобожденный от непосредственно физическо-

го труда для решения общественных задач (или «бюрократия»), превращается из условия развития общества в его тормоз. *Ах! Этот процесс нечеловеческий*

По-видимому, интересы рабочего класса и его бюрократии впервые столкнулись в конце 30-х годов, что стало причиной трагедии Большого Террора, основным объектом которого, как показывают новейшие исследования, была именно бюрократия. Но террор стал тем, чем он стал именно в силу того, что материальных условий для действительного снятия отчуждения и уничтожения бюрократии, как особого слоя (а не просто физического ее истребления), еще не было.

Так получилось, что имя Сталина ассоциируется именно с тем периодом, когда дело коммунизма двигалось вперед с опорой на бюрократию. Как относится к этому? Хорошо это или плохо?

Как и всякое историческое явление, социалистическая бюрократия — это не хорошо и не плохо, она возникает как необходимое условие становления социализма, особенно в отсталой стране, и должно вместе с государством, деньгами и прочим наследием классовой цивилизации занять свое место в историческом музее рядом с ручной прялкой и каменным топором. Но в определенный период и каменный топор и ручная прялка были серьезными факторами прогресса.

«История так же, как и познание, не может получить окончательного завершения в каком-то совершенном, идеальном состоянии человечества; совершенное общество, совершенное «государство», это — вещи, которые могут существовать только в фантазии. Напротив, все общественные порядки, сменяющие друг друга в ходе истории, представляют собой лишь преходящие ступени бесконечного развития человеческого об-

тельная сила Человека вообще, способность продуктивно преобразовывать природу, общественным образом производя самого себя.

Деятельность человека орудийна, то есть осуществляется при помощи орудий труда, от степени развития которых зависят, в конечном счете, те отношения, в которые вынуждены вступать между собой люди, вся структура общественного организма.

В области развития орудий труда в конце 50-х — начале 60-х происходит революция, которая приводит к созданию вычислительных машин.

Поскольку коммунистические отношения не вызревают в недрах капиталистического общества, а сознательным образом формируются, для социализма особую роль приобретает план, учет, контроль. Вычислительная техника радикально сокращает общественно необходимое рабочее время, которое общество должно резервировать специально на дело администрирования. Более того, сам процесс управления обществом упрощается, переходит с «кустарного» на «фабричный» способ своего осуществления.

Таким образом, уже после смерти Сталина общественная производительная сила доросла до той стадии, когда возможность действительного уничтожения частной собственности замаячила на горизонте. Но тут руководство КПСС сделало все, чтобы не дать этой возможности превратиться в действительность. Наоборот, было ликвидировано и формальное обобществление средств производства, реставрация капитализма.

В таком подвешенном состоянии, когда возможность прорыва в Царство Свободы уже появилась, а сила Царства Необходимости все еще велика, общество поразило небывалое до тех пор напряжение. Совет-

ское общество стало невыносимым, зависнув на полпути в коммунизм. *«Действительное отчуждение человеческой жизни остается в силе и даже оказывается тем большим отчуждением, чем больше его сознают как отчуждение...»*¹ — пишет Маркс.

В предыдущий, «сталинский» период возможности еще не было. Поэтому и тяготы бюрократического способа управления обществом и жертвы сносились обществом с точки зрения современного наблюдателя чрезвычайно легко. Эти жертвы оправдывались не только «диалектикой» для «определенной степени развития», но и общественным сознанием. Вовсе не из-под палки рождались положительные образы руководителей-коммунистов в советской литературе и кино тех лет. И вовсе не случайно эти образы стали отрицательными в 60—70-е годы. В брежневском кино, несмотря на то что органы идеологического контроля ничуть не ослабли со времен Сталина, мы найдем не много положительных образов руководителя — все сплошь чинуши, ретрограды, тупицы.

Так общество воспринимало появление возможности перехода к такому способу существования, когда не будет руководителей по профессии, чиновников, когда люди коллективно будут решать вопросы своей собственной деятельности, а не выделять для этого из своих рядов особую касту управленцев. Бюрократия стала реакционной, стала помехой на пути в коммунизм, и искусство почувствовало это быстрее политики.

---

¹ К.Маркс. Экономическо-философские рукописи 1844 года.

КЕЙНСИАНСКИЙ КАПИТАЛИЗМ И РЕВОЛЮЦИЯ 1968 года

Послевоенное тридцатилетие развития капитализма представляется его идеологам «золотым веком» преуспевания и беззаботного времяпрепровождения в «государстве всеобщего благоденствия». И хотя «золотой век» и был географически строго ограничен ведущими государствами Европы и Северной Америки, а остальная часть планеты имеет веские основания назвать этот «век» как-то иначе, тем не менее «социальное государство» существовало. Конечно, оно обладало далеко не всеми теми достоинствами, которые ему приписывались его апологетами, но то, что реально «работало» в западном мире с конца Второй мировой войны до середины 70-х, должно быть понято.

Также должны быть поняты и причины краха «социального государства» в 70-е годы. Они вовсе не сводятся к злой воле Тэтчер и Рейгана, а являются продуктом развития внутренних противоречий кейнсианской экономики. Единственным вариантом разрешения этих противоречий в рамках капитализма и стал неолиберализм. Но был и другой, выводящий общество за рамки капитализма вариант, тот, который существовал в качестве возможности в период всемирной революционной ситуации 1968—1973 годов, но так и не был реализован.

Экономический бум 1945—1973

Основой нового экономического порядка, под знаком которого прошло кейнсианское тридцатилетие, в значительной мере стало перенесение конвейерных технологий, развитых американским капитализмом еще в 1920-е годы, в Европу. Раньше Европа отгораживалась от этой более высокой производительности протекционистскими барьерами. Также были сняты внутренние перегородки для движения капитала и товаров в самой Европе. Создание «общего рынка» началось со снятия таможенных барьеров для продукции угольной и сталелитейной промышленности, конкуренция в которой рождала борьбу за Рурский бассейн между Францией и Германией. Затем таможенные барьеры были сняты для продукции других отраслей.

Эти трансформации заложили основу нового экономического роста, настоящий капиталистический бум, продолжавшийся с 1945 по 1973 год.

Нетрудно заметить, что этот период совпадает с А-фазой «длинного» капиталистического цикла, характерной особенностью которой и стал очень быстрый рост капитализма. Среднегодовой уровень роста 16 ведущих европейских капиталистических стран составлял:

в 1900—1913 гг. — 2,9%,

в 1913—1950 гг. — 2%, а

в 1950—1973 гг. — 4,9%.

Рост производительности труда составил в те же годы соответственно 1,8%, 1,9% и 4,5%.

То, что этот рост был вызван прежде всего экспортом прогрессивных технологий, развитых в США, показывают следующие цифры. С 1913 по 1973 год произ-

водительность труда росла в Соединенных Штатах на 2,4% в год. В то время как в Германии она росла на 1% в год с 1913-го по 1950-й и на 5% в 1950—1973 гг., в Британии, соответственно, — на 1,6 и 3,2%, в Японии — на 1,7 и 7,6% и в Италии — на 1,7 и 5,5%.

Но технологические усовершенствования не будут работать без соответствующих изменений экономической структуры, производственных отношений. «Конвейерный» капитализм требовал качественно иного участия государства в экономической жизни. «Кейнсианство» становится из экстренной меры спасения от кризиса, какой она была в 1930-е годы, нормой.

Капитализм опирается на «левую ногу»

Там, где война не привела к социальной революции, она вынудила правящий класс пойти на социальные реформы. Кейнсианская модель, стала теперь функционировать с опорой не только на военно-промышленный комплекс (хотя эта составляющая осталась важной для капитализма), а на социальную сферу.

«Социальное государство» не было добровольным актом раскаявшихся толстосумов, оно строится под давлением: внешним (существование СССР и соцлагеря) и внутренним (рост рабочего движения). Но строить «социальное государство» руками ультраправых политиков, стоявших у руля в 1930-е годы невозможно. Капитализм вынужден опереться на «левую ногу», по всей Европе к власти приходят социал-реформистские партии. Они приходят не в результате революции или массового выступления. Их призывает сам капитал: в США их включает в свою команду Рузвельт, в Британии капиталисты разрешают лейбористской партии создать пра-

вительство, во Франции реформистские рецепты левых реализует де Голль, также включивший в свое правительство левых, вплоть до коммунистов, в Западной Германии «левые» мероприятия начинают еще оккупационные власти.

Несмотря на то что реформистские меры проводились левыми партиями, они вовсе не были чем-то антикапиталистическим. Наоборот, реформы, такие как национализация британских железных дорог, были востребованы самим уровнем развития производства и концентрации капитала, достигнутым к тому времени. Транснациональные корпорации еще только зарождались, они существовали только в торговой и отчасти финансовой, но не в производственной сфере. Значит, организовать производство на адекватной этой высокой концентрации капитала ступени можно было только при помощи государства. В этом экономический смысл «социал-демократического» капитализма с его государственным регулированием.

В начале 1950-х левые партии, которые выполнили работу по демократическому реформированию капитализма, изгоняются из правительств. «Мавр сделал свое дело, мавр может уходить...» В Британии, Франции и Италии это делается путем организации поражений на выборах, в Германии при передаче власти от оккупационной администрации гражданской, в США, где в период правления Рузвельта левые были фактически частью широкой демократической коалиции, начинается «маккартизм» и «охота на ведьм». Однако результаты реформ, проведенных «левыми» сохраняются.

Сами реформы имеют двойственный характер: с одной стороны, они демократизируют общество и под-

нимают жизненный уровень масс, с другой — помогают капитализму выжить и накопить ресурс для контрреформ.

Революционные подъемы и спады

Революция 1945—1949 годов отступила. Она оставила за социализмом гигантское пространство от Эльбы и Дуная до Янцзы и Меконга, радикально сократив периферийные области мирового капитализма, но сохранила нетронутым его «сердце» — Северную Америку, Западную Европу и Японию.

Общая закономерность революционной динамики заключается в том, что революционные потрясения в «центре» мировой системы возможны только в период высшего подъема революционной волны (как в 1916—1921, или 1944—1949, или в 1968—1974 годах). Во времена спада революции происходят обычно на периферии капиталистической системы.

Эта закономерность не является неким новым «тайным» знанием, открытым разрекламированными теоретиками «мирсистемного анализа» Иммануилом Валлерстайном или Самиром Амином, она была известна уже Карлу Марксу, писавшему: *«В конечностях буржуазного организма насильственные потрясения естественно должны происходить раньше, чем в его сердце, где возможностей компенсации больше»*¹.

На монополистической стадии развития капитализма эта закономерность приобретает конкретно исторические особенности, исследованные В.И. Лениным. В империалистической системе, писал он, *«легче начинается движение в тех странах, которые не принад-*

---

¹ К.Маркс, Ф.Энгельс. Соч. Т. 7, с. 100.

лежат к числу эксплуатирующих стран, имеющих возможность легче грабить и могущих подкупить верхушки своих рабочих»¹.

История опровергает механистический тезис социал-демократии начала XX века о том, что революции должны происходить там, где капитализм наиболее развит и где больше всего пролетариата. В период революционного отлива капитализм успешно экспортирует противоречия на периферию мировой системы, что Ленин описывает теорией «слабого звена» империализма.

Поэтому после отлива революционной волны 1916—1921 годов революции происходят только на периферии и полупериферии — в Китае в 1925—1927-м, на Кубе в 1933-м, в Испании в 1936—1939-м. После отлива революционной волны 1944—1949 годов революции также отступают на периферию. В 1952-м левые офицеры под руководством Гамаль Абдель Насера берут власть в Египте и национализируют Суэцкий канал. В том же году происходит революция в Боливии. В ходе затяжной войны 1954—1962 годов Фронт национального освобождения во главе с Ахметом Бен-Беллой изгоняет французских колонизаторов и берет власть в Алжире. В 1963 году арабские националисты приходят к власти в Сирии и Ираке.

Декolonизация и формирование «третьего мира», «империализм без колоний»

На рубеже 1950—1960 годов происходит деколонизация большей части Африки. До этого, в 1948 году, получает независимость Индия, а до нее — Индонезия.

---

¹ В.И. Ленин. ПСС, т. 35, с. 279.

Появляется огромное количество новых независимых государств, которым суждено составить «третий мир»: обретение независимости не делает бывшие колонии похожими на страны метрополии. Наоборот, разрыв продолжит увеличиваться.

Дело в том, что функция колониализма не ограничивалась насильственным ограблением колоний. Военно-политическое подчинение лишь служило «открытию рынков» колониальных стран, разрушению традиционной экономики для экспансии товаров и капиталов из метрополии. Страны, которые уже были втянуты в мировую систему капитализма, можно было безболезненно освободить от политической привязки к «великим державам» — они уже и без того находились в экономической зависимости, плотно опутанные сетью торговых и финансовых связей. Колониализм сменился неоколониализмом.

Деколонизация зачастую даже подстегивалась империалистическими странами, в особенности США, которым этот процесс открывал доступ к рынкам бывших колониальных стран, которыми раньше монопольно владели англичане или французы.

Система экспорта капитала без прямого военно-административного контроля оказалась даже более эффективной (конечно, учитывая предшествующую «работу» по вовлечению в мировой рынок, проделанную колониальными методами). Особенно эффективным новый «империализм без колоний» стал для США. Прибыль от внешних инвестиций Соединенных Штатов по отношению ко всей прибыли за вычетом налогов, полученной нефинансовыми компаниями, выросла с 10% в 1950 году до 22% в 1964-м.

Неоимпериализм и проблема «центра» и «периферии»

Почему происходит так, что страны, получившие политическую независимость, остаются под экономическим господством империализма?

Во-первых, страны «центра» пользуются своим технологическим преимуществом. Этот факт отмечен еще Карлом Марксом в «Капитале»: «Капиталы, вложенные во внешнюю торговлю, могут давать более высокую норму прибыли, так как, во-первых, здесь имеет место конкуренция с товарами, которые производятся другими странами при менее благоприятных условиях производства, так что страна более развитая продает свои товары выше их стоимости, хотя и дешевле конкурирующих стран... Совершенно так же, как фабрикант, применяющий новое изобретение прежде, чем оно нашло всеобщее распространение, продает дешевле своих конкурентов и все-таки выше индивидуальной стоимости своих товаров, т.е. сравнительно более высокую производительную силу применяемого им труда превращает в прибавочный труд. Он реализует таким образом добавочную прибыль»¹.

Причем рост производительности труда оказывается выше у стран, составляющих империалистический центр. Данные о средней добавленной стоимости на занятого в промышленности за 1980—1984 и 1995—1999 годы дают следующую картину: там, где он был выше \$20 тыс. в год, этот показатель вырос в среднем на 90%, там, где он составил \$10—20 тыс. — на 60%, там, где ме-

¹ Карл Маркс. Капитал. Т. 3, с. 260.

нее \$10 тыс. — на 40%¹. Эти данные, вопреки нелепицам о «выравнивании» развития в мире, свидетельствуют, что разрыв сохраняется и увеличивается. Конечно, этот факт не исключает того, что отдельные высокотехнологичные производства создаются в регионах с дешевой рабочей силой, но в целом производительность труда растет быстрее в богатых странах.

Во-вторых, в зависимых и неколониальных странах, где сохраняются докапиталистические уклады хозяйства, выше степень эксплуатации труда. Это также было известно К.Марксу: «Что касается капиталов, вложенных в колониях и т.д., то они могут давать более высокие нормы прибыли, так как там вследствие низкого уровня развития норма прибыли выше вообще, а в связи с применением рабов, кули и т.п. выше и степень эксплуатации труда»².

Разрушение этих докапиталистических укладов рождает капитал, большая часть которого оседает в капиталистических центрах, а также пролетаризирует население зависимых стран за счет усиления конкуренции на рынке труда, снижая и так невысокую цену рабочей силы.

В-третьих, в рамках мировой капиталистической системы должны существовать центры накопления капитала. Их не должно быть много, иначе будет происходить не накопление, а распыление. Поэтому, даже проводя, часто успешно, «импортозамещающую индустриализацию», развивая высокие технологии, страны «третьего

---

¹ Данные World Development Indicators. Подсчеты Олега Топбасова для 59 стран, где проживает 73% населения планеты и производится 83% мирового ВВП.

² Карл Маркс. Капитал. Т. 3, с. 260—261.

мира» и страны зависимого капитализма по-прежнему в отстающих. Привлекая капитал, они должны одновременно создавать условия для его «оттока», ведь никто не будет вкладывать, если нельзя вывезти. А стекается капитал все равно в страны метрополии. Так страны «третьего мира» попадают в перманентную ситуацию «догоняния» без возможности догнать. Будет

Роль центров накопления лишь усиливается с ростом ТНК. В странах «центра» базируется большинство транснациональных корпораций, здесь живут их владельцы, располагаются главные офисы, отсюда рекрутируется высший менеджмент. Большая часть мировых инвестиций исходит из стран «центра».

1968—1975: ТРЕТЬЯ ВОЛНА МИРОВОЙ РЕВОЛЮЦИИ

В период с 1968 по 1975 год происходит третья волна мировой революции. Она приходится на конец А-фазы «длинного» цикла 1945—1973 и переход к Б-фазе. В странах периферии и странах центра мировой капиталистической системы революционные ситуации складываются по-разному, но они являются следствием одного и того же кризиса, одного и того же процесса.

На периферии мирового капитализма местная буржуазия, получив политическую независимость, интегрируется в мировую систему, подчиняясь империалистическому капиталу. Таким образом, национальная буржуазия теряет свою революционность. В 1965 году происходит контрреволюционный переворот в Индонезии, в ходе которого убито более миллиона коммунистов и заподозренных в сочувствии к ним. Революционные буржуазные и мелкобуржуазные лидеры, такие как Кваме Нкрума в Гане, Патрис Лумумба в Конго, Хакобо Арбенс в Гватемале, отстранены от власти. В Египте власть переходит от Насера к проимпериалистическому политику Анвару Саддату. Индийский национальный конгресс, который так и не довел до конца аграрную реформу, идет на все большие уступки американскому и британскому капиталу. Постепенно сводятся на нет достижения боливийской революции 1952 года. В 1958 году происходит реакционный военный переворот Айюб Хана в Пакистане. В Ираке к власти при-

ходит правое крыло партии БААС. В Бразилии в 1964 году устанавливается правая военная диктатура.

Национальная буржуазия тем быстрее переходила на контрреволюционные позиции, к союзу с империализмом, чем быстрее и мощнее росло рабочее и коммунистическое движение.

В связи с этим только те революции действительно давали возможность вырваться из цепей зависимого развития, которые ставили вопрос о ликвидации капитализма вообще. Такой революцией стала кубинская революция 1959 года, которая буквально за считанные месяцы перешла от буржуазно-демократической к социалистической фазе.

Неоколониальная зависимость, против которой большинство национальной буржуазии уже не выступает, становится предметом атаки со стороны левых революционных движений «третьего мира».

«Мировая деревня» окружает «мировой город»

Волна поднимается в 1968 году. Через год после того, как, проиграв войну с Израилем, египетская буржуазия повернулась лицом к США, а в Боливии наемниками ЦРУ был убит Эрнесто Че Гевара, в Перу к власти приходят прогрессивные военные под руководством генерала Веласко Альварado. Они заявили, что опираются на *«славные традиции освободительной, социалистической и гуманистической мысли»*¹. Левый курс продержится в Перу на протяжении всей революционной волны, до 1975 года. Основные же преобразования, проведенные военными, сведутся к созданию мощного

---

¹ Цит. по: Национализм в Латинской Америке: политические и идеологические течения. М., 1976, с. 218.

государственного сектора. И это не случайно — странам периферии удается остановить «отток капитала» и организовать собственный мини-центр концентрации только в рамках государственного сектора. Дополнением национализации стала аграрная реформа.

В том же 1968 году в результате бескровного военного переворота в Панаме приходит к власти группа генерала Омара Торрихоса, которая выступает против США и добивается пересмотра договора о Панамском канале. Левое офицерство Боливии, по примеру Перу и Панамы, совершает переворот против реакционной хунты. Военные национализируют нефть и вводят госмонополию на торговлю минеральным сырьем. Они продержатся у власти до 1971 года.

Левонастроенные военные взяли власть в начале 70-х годов также в Эквадоре и Гондурасе, но их «социалистичность» была еще скромнее, чем у боливийских и перуанских коллег, соответственно и продержались они у власти меньший срок.

Военно-революционные перевороты происходят в этот период и в Африке: в 1969 году к власти в Ливии приходит полковник Муаммар Каддафи, в 1972 году революционные офицеры производят переворот в Бенине, а в 1972—1975 годах левые военные берут власть и на Мадагаскаре. В 1974 году военные под руководством майора Менгисту Хайле Мариама отстраняют от власти императора Эфиопии и заявляют о переходе на социалистический путь развития.

На другом берегу Аравийского моря в 1967 году провозглашена Народная Республика Южного Йемена.

Так начинается первая, «буржуазно-демократическая», фаза мировой революции. Следующий ход, как известно, должен быть за коммунистами.

Массовое революционное повстанческое движение, новое явление в мировой политике, становится ведущей формой борьбы революционных левых по всему миру. Идут малые гражданские войны, «герильи», начавшиеся в этот период на просторах Латинской Америки. Вдохновляющим примером здесь была Куба, что понятно, но также и маоистский Китай. Из коммунистических партий, подавляющее большинство которых приняло линию Хрущева на мирный путь к социализму через победу на выборах, выделяются революционные группы, которые начинают действовать. Некоторые вооруженные организации возникают независимо от коммунистического движения, но действуют также под знаменем марксизма.

Движение за создание «очагов» партизанской войны начинается еще до 1968 года. Его кульминацией становится попытка создания партизанской базы латиноамериканского масштаба Эрнесто Че Геварой в Боливии, закончившаяся его трагической гибелью. До этого вооруженные группы возникают в Аргентине, Венесуэле, Никарагуа и Перу. За исключением Венесуэлы герильерос нигде не добились серьезных успехов, но и там они были побеждены в середине 60-х.

В 1964 году колумбийская армия разгромила республику безземельных крестьян в Маркеталии. «Резня в Маркеталии», как называли в народе это событие, стала отправной точкой самой длинной в истории Латинской Америки гражданской войны. Во второй половине 60-х в стране появляются сразу несколько крупных партизанских армий — созданные компартией Революционные вооруженные силы Колумбии — Армия народа (FARC-EP), опирающаяся на опыт кубинской революции Армия национального освобождения (ELN).

В 1967 году, когда коммунистическое движение раскалывается на просоветское и прокитайское направления, возникает третья крупная армия — маоистская Армия народного освобождения (EPL). Все партизанские формирования продолжают действовать до сих пор, в 1987 году они объединили свои силы, сформировав Партизанскую Координацию имени Симона Боливара.

Вслед за сельским «очаговым» этапом борьбы активизируются городские партизаны, наиболее известные из которых — «Тупамарос» в Уругвае, «Монтонерос» и Революционная народная армия в Аргентине, Движение 19 апреля в Колумбии.

Самыми известными городскими партизанами стали бразильские антифашисты под руководством Карлоса Маригеллы. Сам Маригелла был ветераном коммунистического движения, членом ЦК компартии Бразилии. В 1967 году он производит раскол в компартии, обвиняя руководство в неспособности сопротивляться военно-фашистской диктатуре и перейти к решительной революционной борьбе. Он говорит, что компартия подчинила политику рабочего класса политике либеральной буржуазии и забыла о революции. В 1968—1969 годах боевики созданной Маригеллой организации «Действие за национальное освобождение» (ALN) осуществили целый ряд боевых операций, но к началу 70-х движение было разгромлено, а сам Маригелла убит.

Разгорается повстанческое движение в Азии. Если в Латинской Америке революционные коммунисты равняются на Кубу и Китай, то в Азии маоизм становится единственным вариантом революционной коммунистической политики в 60—70-х. Подлинного размаха марксистская герилья достигла на Филиппинах и в Индии.

На Филиппинах, где коммунистическое повстанчество после войны было подавлено под руководством американцев, кризис конца 60-х снова начинает гражданскую войну. Теперь ее возглавляют коммунисты-маоисты под руководством Хосе Марии Сисона, который в 26 лет стал генсеком компартии, выкинув из нее всех сторонников просоветской линии. Герилья достигла наибольшего размаха в начале 70-х, но к 1972 году партизаны были оттеснены в труднодоступные сельские районы. Новая народная армия существует и сегодня, насчитывая несколько тысяч бойцов.

В Индии к концу 60-х уже действовали две коммунистические партии — КПИ и КПИ(марксистская), вторая была более революционной и ориентировалась на Китай. Однако обе они были вовлечены в парламентские комбинации и успели побывать в буржуазных правительствах. В 1967 году из КПИ(м) выделилась КПИ (марксистско-ленинская) во главе с легендарным революционером Чару Мазумдаром.

КПИ(м-л) подняла ряд крестьянских восстаний с центром в местности Наксалбари. Положение крестьянства в те годы было очень тяжелым, на селе господствовали феодальные отношения. В 1965 году 100 миллионов индийцев голодали или испытывали серьезную нехватку продуктов питания в результате засухи и средневековой организации производства и распределения.

Маоистам в 1970 году удалось подкрепить развивавшуюся сельскую герилью городским восстанием студентов и рабочими забастовками. Это произошло в Калькутте, одном из крупнейших городов страны. Но к 1972 году движение и здесь было подавлено. Сегодня оно существует в виде многочисленных оскол-

ков КПИ(м-л), часть из которых действует легально, часть пытается продолжать Народную войну. Но восстание также не прошло бесследно, буржуазия была вынуждена идти на уступки: ускорилась аграрная реформа, в тот же период Индира Ганди национализировала 14 крупнейших банков...

В эти же годы возникает и растет партизанское движение маоистского толка в Турции и Северном Курдистане, оккупированном турецким режимом. Организации, появившиеся в те годы, действуют в Турции и сейчас.

Однако наиболее успешным и наиболее трагичным эпизодом революционного движения в странах зависимого капитализма в период третьей волны мировой революции стала Чилийская революция 1970—1973 годов. Она, как известно, победила мирным путем, как будто в подтверждение «нового курса» коммунистических партий, который гласил, что *«в современных условиях»* парламент *«можно превратить из органа буржуазной демократии в орудие действительной народной воли»*, если завоевать там *«прочное большинство»*¹. Правда, в Чили был избран не социалистический парламент, а социалистический президент Сальвадор Альенде от коалиции «Народное Единство». Однако в мирном характере революции заключалась не только ее моральная сила, но и слабость. Власть коммунистической и социалистической партий оказалась связана обязательствами перед буржуазией, которые вынужден был принять на себя Альенде. В их числе были такие важные, как сохранение в неприкосновенности старой армейской структу-

---

¹ Хрущев Н.С. Отчетный доклад ЦК КПСС XX съезду партии. // XX съезд КПСС: Стенографический отчет, т. 1, с. 40.

ры, запрет на создание параллельных органов власти и на вооружение рабочих и т.д.

В итоге Мао Цзэдун и Эрнесто Че Гевара, твердившие, что революция только тогда чего-то стоит, когда умеет защищаться, и что без вооруженной схватки с буржуазией дело все равно не обойдется, оказались правы.

Чилийская революция не смогла защитить себя в вооруженной борьбе и была подавлена фашистским мятежом контрреволюционных военных под руководством генерала Аугусто Пиночета 11 сентября 1973 года.

Чилийская битва за медь, основной природный ресурс страны, была проиграна народом империализму, но всего через несколько недель после мятежа Пиночета разгорелась битва за нефть на Ближнем Востоке. ОПЕК — организация стран-производителей нефти — нанесла империалистическим странам мощный удар, повысив в 4 раза цены на нефть. Но и эта битва была выиграна лишь тактически и проиграна стратегически.

Революционная волна 1968—1975 в странах «центра»

Волна революций, поднявшаяся в 1968 году, захлестнула страны империалистического «центра» не в меньшей степени, чем «периферию» мирового капитализма. Из ведущих капиталистических стран наиболее близки к революции оказались Франция и Италия. Революция произошла в Португалии, рухнули фашистские режимы в Испании и Греции.

Два послевоенных десятилетия родили в революционном движении Европы и Северной Америки пессимизм. Производство росло, с ним росло и благосостоя-

ние рабочего класса. Казалось, что весь рабочий класс будет скоро «интегрирован в систему», станет частью «среднего класса», развращенного «обществом потребления». С таким анализом выступает Герберт Маркузе, который в книге «Одномерный человек» пишет о том, что революционная роль в империалистических странах переходит от рабочего класса к «аутсайдерам»: люмпенам, иммигрантам, меньшинствам и т.п. Определенные основания для такого взгляда есть: все большая часть рабочего класса становится «рабочей аристократией», и вполне комфортно себя чувствует в обществе, распухающем от сверхприбылей притекающих из неокOLONиальных и зависимых стран.

Но так же как неверно представление о рабочем классе как однородной революционной массе, которая только и ждет, чтобы подняться на борьбу за социализм, неверно и представление о поголовно «интегрированном», «обуржуазившемся» рабочем классе. Даже во время послевоенного бума, самого радужного периода за всю историю капитализма Европы и США, значительную часть рабочего класса составляла беднота. Высок был процент мигрантов, чьи условия труда были хуже, а зарплаты ниже, чем у «белого» пролетариата. Лишь 60—80% от зарплаты рабочего-мужчины получали женщины-работницы.

Во Франции, которая стала первой страной, где сложилась революционная ситуация, наиболее остро и резко проявился общенациональный кризис.

Особенностью революционной волны 1968 года стало активное участие, часто лидерство в ней, студентов и молодежи вообще. Многие исследователи на этом основании приходят к выводу, что марксистская теория

классовой борьбы «опровергнута», а молодежь превратилась в «новый революционный класс». Тем не менее, ничего ни принципиально нового, ни тем более опровергающего марксизм в событиях 1968 года не было, если не считать марксизмом «мудрость» хрущевско-брежневских учебников.

Специфика молодого человека в аспекте классовой борьбы заключается в том, что он еще не успел занять устойчивого места в общественном разделении труда, не встал в ту или иную классовую нишу. Его политическая позиция гораздо слабее детерминирована принадлежностью к той или иной социальной группе. Поэтому молодежь, по происхождению принадлежащая к правящему классу, часто увлекается революционными идеями в период кризиса, но так же часто и отказывается от них, заняв мягкие руководящие кресла в конторах и банках, как случилось со многими участниками бунта 1968 года.

Еще сильнее отрывался от классовой пуповины европейский и американский студент. Отделенный от семьи и привычного быта, он был заперт в стенах университетских городков, где быт был приближен к условиям рабочих общежитий, а режим был часто еще строже. Вот слова нантерского социолога Алена Турэна, относящиеся к тому периоду: *«Современный большой университетский городок замыкает в себе студентов подобно тому, как заводские поселки американских компаний замыкают в себе рабочих. Студенческая толпа, такая же плотная и безликая, как рабочая масса, несет свои требования, выдвигает своих лидеров и дышит сознанием своей растущей силы»*¹.

---

¹ Цит. по: Клер Дойл. Месяц революции.

Но само по себе это никогда и нигде не сделало студенчество такой мощной революционной силой, как в 1968 году. Повлиял другой фактор. Дело в том, что научно-техническая революция, кроме того, что она радикально расширила сектор умственного труда и «сферы обслуживания» в экономике, еще и пролетаризировала научно-технические и многие другие профессии. Из солидного мелкого буржуа клерк или инженер становился заурядным наемным работником, чей труд оказывался организован часто тем же конвейерным способом, что и труд рабочего, а заработная плата и сам стиль жизни и вовсе переставал отличаться от квалифицированного рабочего, часто даже уступая ему. Эти сектора родили «новый пролетариат», который буржуазная наука для своего удобства относит к «среднему классу». У «нового пролетариата» появились новые проблемы, в частности, ему гораздо труднее было организоваться в профсоюзы для экономической борьбы, он больше страдал от системы «гибкого графика» и чаще оказывался в ситуации «неполной занятости».

Да, большинство студентов 1968 года происходило из мелкобуржуазной среды (половина французов проживала в конце 60-х в небольших городках с населением до 2 тысяч человек), но после университета им предстояло стать в ряды именно «нового пролетариата». Процесс пролетаризации, как это почти всегда было в истории, делает пролетаризируемые слои куда более революционными, чем даже старые слои рабочего класса.

Молодое поколение 1968 года — это еще и очень многочисленное поколение, дети, родившиеся сразу после войны, в период «бэби-бума». Люди до 20 лет составляли треть населения Франции в конце 60-х. В свя-
Сегодня они входят на пенсию!!

зи с этим значительной части поколения угрожала безработица — в 1968 году половина безработных была моложе 25 лет. (Во Франции с 1960 по 1968 год на 70% увеличилось количество безработных, это более 500 тысяч человек, а по данным профсоюзов — 700 тысяч.)

Поэтому, не случайно, а, наоборот, закономерно, что роль революционного авангарда выпала молодежи. К сожалению, лидеры компартий «проглядели» эти изменения классовой ситуации. Гораздо лучше их поняли аналитики империализма, еще до 1968 года увидевшие в молодежи врага. В инструкции для исполнительной и судебной власти за 1966 год директор ФБР Эдгар Гувер сообщал: *«Американские студенты вовлечены в настоящее время... в опасный заговор. Во многих кампусах молодой человек охвачен непокорностью, которая находит выражение в выступлениях против существующей в стране экономической, политической и общественной системы»*. Три года спустя он только укрепился в своей характеристике: *«Это фанатики, революционеры-анархисты, известные поджогами, актами вандализма, взрывами и разрушениями по всей стране»*¹.

Студенты бунтовали по всему миру. Париж, Марсель и Лион, Западный Берлин и Гамбург, Рим и Милан, Мадрид и Барселона, Лондон, Буэнос-Айрес и Лима... По данным ФБР, в 1968/69 учебном году в США по политическим мотивам было арестовано 4 тысячи одних только студентов, в 1969/70 году — 7,5 тысячи, а только в конце апреля — мае 1971-го в Вашингтоне — 13 тысяч.

Но студенты были далеко не единственными участниками революционного движения. Его массовой осно-

---

¹ Цит. по: Тарасов А. Молодежь как социальный бульдозер.

вой был пролетариат. В бреднем, в 60-е годы среднегодовое число забастовщиков в Западной Европе составляло 7—10 миллионов человек¹. 1968 год сразу дает резкий скачок активности рабочего класса. Только в мае 1968 года и только во Франции бастовало: 18 мая — 2 миллиона, 20 мая — 6 миллионов, 24 мая — более 10 миллионов рабочих². Затем волна забастовочной активности перекинулась на Италию, 14 ноября 1968 года там бастовали 12,5 миллиона человек, а к 5 февраля 1969 года эта цифра увеличилась до 20 миллионов.

В мае 1968 года рабочие перешли от экономических к политическим требованиям. Когда Жорж Сеги, лидер профсоюза ВКТ, член компартии, пошел на сделку с правительством, согласившись прекратить забастовку в обмен на подъем заработной платы, расширение прав профсоюзов и обещание принять меры для ликвидации безработицы, он был освистан рабочими завода «Рено» в Бийонкуре. Рабочие, заполнившие до отказа заводской ангар, отвергли сделку и выдвинули требование «народного правительства». И это не удивительно, ведь рабочие уже две недели, с 14 мая, захватывали предприятия — зачем прибавка к жалованью, если у тебя в руках весь завод?

В США на борьбу поднимаются низы рабочего класса — чернокожее население. Даже в 1974 году средний доход афроамериканской семьи составлял лишь 56% дохода белой семьи, в начале 60-х он был еще меньше — лишь 46%. Более половины из 866 тысяч афроамери-

---

¹ Международное рабочее движение: Вопросы истории и теории. Т. 6. М., 1981, с. 307.

² История Франции. Т. 3. М., 1973, с. 492.

канских семей в сельской местности жили ниже официального уровня бедности.

Доля безработных афроамериканцев была в два раза выше доли безработных «белых», среди «черной» молодежи процент безработных достигал 30%.

В 1967 году восстания чернокожей бедноты вспыхивают в Детройте, самом индустриализованном городе США. Автомобильная индустрия Детройта привлекала афроамериканцев из южных штатов, только за семь лет с 1967 года чернокожая община увеличилась на 15%. Эти новые иммигранты дали 8% от общего количества рабочих-автомобилестроителей города. Автомобильный кризис 1966 года рождает массовую безработицу, которая и приводит к восстаниям — классовым, а вовсе не расовым.

За короткий период движение охватывает многочисленные негритянские гетто США. Их население — это «низы» американского пролетариата, не участвующие в сверхприбылях империалистического капитала, как слой «белой» рабочей аристократии. Негритянская беднота понадобилась американской промышленности в годы Второй мировой, когда США стали «мировой фабрикой». Рядом с гетто выросли новые заводы и вспомогательные производства, негритянское население двигалось с Юга на промышленный Север.

На полицейское насилие, которым правительство США встретило движение за равноправие и гражданские права, негритянский пролетариат ответил созданием вооруженных групп самообороны, объединившихся в партию «Черные пантеры». Идеологией этой партии стал не «черный национализм», она двигалась в направлении революционного марксизма в его маои-

стском варианте и несомненно пришла бы к нему, если бы не разгром и физическое уничтожение лидеров.

Восстания чернокожей бедноты были поддержаны студентами, захватывавшими университеты и выдерживавшими жестокие бои с полицией. Весной 1968 года начинается «марш бедняков», который идет из южных штатов на Вашингтон. Его вдохновитель, популярнейший негритянский лидер Мартин Лютер Кинг, был убит ФБР за месяц до этого в Мемфисе.

Таким образом, в США, цитадели мирового капитализма, в 1968 году тоже вызревает революционная ситуация.

Коммунистические партии в 1968—1975 году

Экономический бум и рост благосостояния рабочих, основной социальной базы коммунизма в империалистических странах, дал новую почву для оппортунистических и ревизионистских теорий. Еще до кризиса 1968 года почти все коммунистические партии стран «центра» принимают доктрину Хрущева о переходе к социализму в рамках буржуазной законности с использованием капиталистического государства вместо создания самостоятельных структур власти трудящихся. Их стратегия включает в себя перед совершением социалистической революции некий этап создания «антимонополистической демократии».

Рабочая аристократия, которая серьезно улучшила свое положение в ходе послевоенных реформ, в значительной степени удовлетворена им. Коммунистические партии, руководство которых уже опирается на этот слой, перестраивают свою работу. Теперь они ориентируются на частичные реформы капитализма, работу в местном самоуправлении, в профсоюзах и т.д.

Конечно, этот поворот в политике компартий не был бы таким тотальным, если бы не определяющая линия руководства КПСС, которое взяло курс на «мирное сосуществование» с империализмом. Брежневская верхушка фактически полностью исключала революционную перспективу в империалистических странах и фактически отказывала революционным силам не только в военной, но и в политической поддержке. Революция в странах «третьего мира» советскими руководителями допускалась и иногда даже поддерживалась, но и тут соблюдался своего рода «раздел сфер влияния» между СССР и США. В частности, революционеры Латинской Америки могли рассчитывать на содействие только Кубы и Китая. Даже Чили Советский Союз оказал весьма скромную помощь.

«Мы хотим дружить и сотрудничать с Соединенными Штатами на поприще борьбы за мир и безопасность народов», — сказал Хрущев на XX съезде¹. Ради этой «дружбы» пришлось пожертвовать «малостью» — революционными принципами.

Новые левые

Новые слои, пришедшие в движение в конце 60-х, — молодое поколение рабочего класса, «новый пролетариат», студенчество, а в странах «третьего мира» — еще и крестьянство, — не были удовлетворены реформистской программой старых коммунистов. То тут, то там от коммунистических партий откалывались группы, недо-

---

¹ XX съезд Коммунистической партии Советского Союза, 14—25 февраля 1956 года. Стенографический отчет, т. 1. — М., Госполитиздат, 1956, с. 32.

вольные оппортунистической политикой. Создавались новые марксистские организации, альтернативные действующим компартиям.

Революционизация студенчества нарастала в течение 60-х годов, достигнув кульминации к концу 60-х — началу 70-х. Лидеры коммунистических партий сплошь просмотрели это. К тому же они уже скорее боялись, чем желали революционного энтузиазма молодежи. Соответственно, молодежь выбирала для себя более революционные варианты марксистской идеологии, в особенности маоизм. Иммануил Валлерстайн в своей статье о 1968-м пишет о *«разнообразных «маоизмах», развившихся в начале 1970-х гг. во всех частях света»*¹. Возник как будто из небытия основательно забытый анархизм, у которого не было почвы, пока политика компартий оставалась революционной. Еще раз подтвердилась мысль Ленина о том, что рабочие партии караются ростом анархизма за оппортунистические грехи.

В ноябре 1967 года многотысячный митинг студентов против правительственного курса в сфере образования стихийно перерос в митинг памяти только что погибшего Че Гевары. Репортаж одной из французских радиостанций: *«Известие о смерти Че Гевары, который пожертвовал своим положением «человека номер два» на Кубе ради того, чтобы погибнуть в забытых богом джунглях за свободу чужой страны, пронеслось по умам студентов подобно урагану. Вот послушайте: они скандируют «Че — герой, буржуазия — дерьмо! Смерть капиталу, да здравствует революция!» — и многие при этом плачут».*

---

¹ Валлерстайн И. 1968-й — революция в миросистеме: тезисы и вопросы. // Валлерстайн И. Анализ мировых систем и ситуация в современном мире. С.-Пб., 2001, с. 233.

Это свидетельство отражает настроение студенчества в ту пору. Социологическое исследование, проведенное в США в те годы, дало неожиданные для современников данные: лишь 18% студентов были согласны с тем, что деньги играют большую роль в жизни, и лишь 12% хотели стать бизнесменами, в то время как 79% — людьми творческих профессий: художниками, музыкантами, учителями, психологами, учеными, изобретателями, журналистами и революционерами. Стихийно молодежь чувствовала, что пришло время социального творчества, революционной перестройки жизни.

Нельзя сказать, что рабочий класс был в стороне от такого настроения — среди арестованных на леваческих демонстрациях в Германии, к удивлению властей и буржуазной прессы, только каждый четвертый оказывался студентом. «Студент» — это скорее собирательный образ молодого бунтаря, восставшего против системы в конце 60-х.

Лозунги революции 1968 года не похожи на лозунги традиционных левых партий. Но непохожесть эта заключается лишь в форме, которая призвана шокировать, эпатировать. Слоганы 1968 года были политическими лозунгами революционного движения, а не просто причудой. Причудой они становятся, когда их повторяют вне массовой борьбы, при совершенно других обстоятельствах.

Лозунги были направлены против капиталистической системы, и в особенности против реформизма и оппортунистических «старых левых»:

Те, кто делают революцию наполовину, роют себе могилу!

Мы не будем ничего требовать и просить: мы возьмем и захватим!

Как ни проголосуешь на плебисците «да» или «нет», из тебя все равно сделают козла! (Plebiscite : qu'on dise oui qu'on dise non il fait de nous des cons. — По ритмике аналогично отечественному: «Голосуй не голосуй, все равно получишь...»).

Не торгуйтесь с боссами! Упраздните их!

Рабочий! Тебе 25 лет, но твой профсоюз из прошлого века!

Будьте реалистами, требуйте невозможного!

Освобождение человечества будет всеобщим либо его не будет!

Один уик-энд без революции проливает гораздо больше крови, чем месяц перманентной революции!

Реформизм — это современный мазохизм!

Границы — это репрессии!

Структуры для людей, а не люди для структур!

Университеты — студентам, заводы — рабочим, радио — журналистам, власть — всем!

Упраздни классовое общество!

Захвати фабрики!

Человечество не будет счастливым, пока последнего капиталиста не задушат кишкой последнего бюрократа! и т.д.

Анархизм «новых левых» был не чем-то органически присущим движению, он был именно реакцией на теоретический догматизм и политический оппортунизм, а также организационную закостенелость и забюрократизованность «старых левых»

Студенты Гарвардского университета во время восстания 1969 года вывесили плакат с цитатой из Маркса:

«Философы лишь различным образом объясняли мир, но дело заключается в том, чтобы изменить его». Мода на марксизм оказалась неожиданной для буржуазных социологов, один из них, американец Сидней Хук, писал в 1966 году: *«Будущий историк будет озадачен явлением второй половины XX в. — вторым пришествием Маркса. В своем пришествии он выступает не в пыльном сюртуке экономиста, как автор «Капитала», и не как революционный санкюлот, вдохновенный автор «Коммунистического манифеста». Он является в одежде философа и нравственного пророка с радостными вестями о человеческой свободе, имеющей силы за пределами узкого круга класса, партии или фракции...»*¹ Сидней Хук награждал будущего историка собственным уровнем понимания исторических процессов и идей Маркса, которые, по его мнению, можно разделить, как именинный пирог, на «экономические», «политические» и «философские».

Лидеры коммунистических партий недалеко ушли от Хука в своем понимании, они не нашли ничего лучшего, чем объявить бунтующих студентов «анархистами», «леваками», «псевдореволюционерами» и т.д. Более того, коммунистические лидеры в большинстве стран присоединились к силам «порядка» против сил «хаоса», фактически поддержали контрреволюцию против революции. Они не только не объединили студенческие комитеты захваченных университетов и рабочих захваченных заводов, но и, согласившись на частичные уступки рабочим, пошли на выборы. Официальные коммунисты выдвинули такой вот «революционный»

---

¹ Цит. по: Хевеши М.-А. Антикапиталистический бунт «новых левых».

лозунг: «Против беспорядков, против анархии — голосуйте за коммунистов!» «Порядок» в те времена был основным лозунгом де Голля. Буквально повторилась ситуация, описанная Марксом для 1848 года: «Все классы во время июньских событий сплотились в партии порядка против класса пролетариев — партии анархии, социализма, коммунизма»¹. Только в составе «партии порядка» оказалась теперь и Французская коммунистическая партия.

Идеология третьей волны: Мао Цзэдун и Эрнесто Че Гевара

Символическими фигурами для революционного течения в коммунизме конца 1960-х — начала 1970-х стали Эрнесто Че Гевара и Мао Цзэдун. Их портреты мелькали над парижскими демонстрациями Красного мая 1968 года, их идеи и их пример вдохновляли тех, кто хотел революции. Они были главными марксистскими идеологами революционной волны 1968—1975 годов. Поэтому, следует показать их действительные воззрения, в противоположность тому, что приписывается им сегодня теми или иными политическими силами в собственных целях. Чтобы сделать это, по необходимости придется прибегнуть к обильному цитированию.

Мао Цзэдун и Эрнесто Че Гевара были теми, кто подхватил знамя Манифеста Коммунистической партии: «Коммунисты считают презренным делом скрывать свои взгляды и намерения. Они открыто заявляют, что их цели могут быть достигнуты лишь путем

---

¹ К.Маркс. 18 брюмера Луи Бонапарта // К.Маркс, Ф.Энгельс. Сочинения. Т. 8, с. 127.

насильственного ниспровержения всего существующего общественного строя»¹, не разменяв его на сомнительные коалиции и соглашения в рамках буржуазной системы.

В противоположность теориям о мирном парламентском пути к социализму Че пишет, что «решимость достичь более справедливой общественной системы должна заставить нас думать главным образом о вооруженной борьбе»². Гимн вооруженной борьбе поет и «Красная книжечка», цитатник, составленный из произведений Мао Цзэдуна в 1967 году для малограмотных солдат Народно-освободительной армии Китая. Парадоксально, но именно он стал непременным атрибутом революционера-интеллектуала Европы и США: «Центральной задачей революции и высшей ее формой является захват власти вооруженным путем, то есть решение вопроса войной. Этот революционный принцип марксизма-ленинизма верен повсюду; он безусловно верен как для Китая, так и для других государств»³. «Марксизм открыто заявляет о неизбежности насильственной революции. Он указывает, что насильственная революция есть повивальная бабка, без которой не обходится рождение социалистического общества, есть неминуемый путь замены буржуазной диктатуры диктатурой пролетариата, всеобщий закон пролетарской революции».

¹ К.Маркс, Ф.Энгельс. Манифест Коммунистической партии // К.Маркс, Ф.Энгельс. Сочинения. Т. 4, с. 459.

² Э. Че Гевара. Тактика и стратегия латиноамериканской революции // Эрнесто Че Гевара. Статьи, выступления, письма. М. 2006, с. 287.

³ Мао Цзэдун. Выдержки из произведений. Пекин, Издательство литературы на иностранных языках, 1967.

Ни Мао, ни Че не отрицают возможностей мирного пути революции, но говорят, что этот путь был бы слишком приятным исключением, чтобы на него рассчитывать: Мао писал, что выдвигать положение о желательности мирного перехода, конечно, «выгодно в политическом отношении, то есть выгодно для завоевания масс, для лишения буржуазии ее аргументов и изоляции буржуазии», но «мы не должны связывать себя этим желанием. Буржуазия не сойдет добровольно с исторической арены, это — всеобщий закон классовой борьбы. Пролетариат и коммунистическая партия любой страны ни в коем случае и ни в малейшей степени не должны ослаблять подготовку к революции. Им необходимо всегда быть готовыми дать отпор налетам контрреволюции, необходимо быть готовыми в решающий для революции момент захвата власти рабочим классом свергнуть вооруженной силой буржуазию, если она прибегнет к вооруженной силе для подавления народной революции (что, как правило, является неизбежным)».

Полемика между Мао Цзэдуном и Эрнесто Че Геварой, с одной стороны, и руководителями КПСС и следовавшим за ними руководством большинства партий, с другой, было полемикой между революционным марксизмом и реформизмом, актуальность которой сохраняется и сегодня. Например, следующие слова китайских тезисов о генеральной линии коммунистического движения вполне можно было бы адресовать современным «коммунистам» из российской или украинской компартий: «Понятие мирного перехода к социализму не должно быть лишь истолковано как завоевание большинства в парламенте. Главное — это вопрос о госу-

дарственной машине. В 70-х годах XIX века К. Маркс считал возможной мирную победу социализма в Англии, потому что Англия представляла собой страну, «в которой тогда всего меньше было военищины и бюрократии». Одно время после Февральской революции В.И. Ленин надеялся, чтобы путем передачи «всей власти Советам» революция одержала победу в ходе мирного развития, потому что тогда оружие находилось «в руках народа». Постановка вопроса у К. Маркса и В.И. Ленина не означает использование старой государственной машины для осуществления мирного перехода. В.И. Ленин неоднократно объяснял следующее известное высказывание К. Маркса и Ф. Энгельса: «Рабочий класс не может просто овладеть готовой государственной машиной и пустить ее в ход для своих собственных целей». «Если военно-бюрократическая государственная машина буржуазии не будет сломана, то большинство мест в парламенте для пролетариата и его надежных союзников станет либо невозможным (буржуазия в любое время может в своих целях изменить конституцию для укрепления своей диктатуры), либо ненадежным (буржуазия может, например, объявить выборы недействительными, объявить коммунистическую партию вне закона и распустить парламент и т.п.)»¹.

«Даже если при определенных обстоятельствах коммунистическая партия сможет выиграть большинство мест в парламенте и в результате победы на выборах принять участие в правительстве, она не изменит буржуазной природы парламента или правительства, еще менее это будет означать слом старой и установление

¹ Полемика о генеральной линии международного коммунистического движения, с. 112—115.

новой государственной машины. Абсолютно невозможно произвести фундаментальные общественные перемены, полагаясь на буржуазный парламент или правительство»¹.

Че Гевара не менее категоричен: «Недостойно поддаваться оппортунистическому искушению и выступать знаменосцами народа, который желает своей свободы, но отказывается от борьбы, к ней ведущей, и ожидает победы, как нищий подаяния»².

Поверхностные критики несправедливо упрекают Мао и Че в особом внимании к крестьянству и даже в переоценке его революционной роли. Особенно этим отличаются псевдомарксистские чистоплюи, предпочитающие называть великих коммунистов-революционеров XX века «крестьянскими вождями» или «народниками». В свое время учение Ленина также считалось подобными «марксистами» применимым лишь к странам с преобладанием крестьянства. Такого мнения придерживались не только социал-демократы, но и часть коммунистических руководителей, например, Григорий Зиновьев.

Мао и Че вполне осознавали ведущую роль пролетариата в борьбе за социализм. Вот мнение Гевары: «Крестьянство — это такой класс, который в силу состояния бескультурья, в котором его держат, и изолированности, в которой он живет, нуждается в революционном и политическом руководстве со стороны рабочего класса и революционной интеллигенции, без

¹ Полемика о генеральной линии... С. 390.

² Э. Че Гевара. Послание народам мира через конференцию трех континентов. // Эрнесто Че Гевара. Статьи, выступления, письма. М. 2006, с. 526.

которых он сам по себе не смог бы подняться на борьбу и одержать победу»¹.

«В национально-освободительном движении необходимо отстаивать гегемонию пролетариата, — добавляет Мао Цзэдун², — только рабочий класс является наиболее дальновидным, бескорыстным и последовательно революционным классом. Вся история революции свидетельствует о том, что без руководства рабочего класса революция терпит поражение, а при его наличии — одерживает победу»³.

Советский Союз, напротив, часто предпочитал оказывать помощь буржуазии, считая ее «вождем» национально-освободительной борьбы, а не коммунистам в странах «третьего мира». Индия, например, стояла на первом месте среди получателей советской экономической помощи, а также на одном из первых мест среди покупателей советского вооружения, в то время как буржуазия Индии уже перешла на контрреволюционные позиции и подавляла коммунистов и восставших крестьян. Стремясь сохранить «дружеские» отношения с Францией, СССР долго не признавал Временного правительства Алжирской республики. Хрущев однажды даже заявил, что Алжир — это «внутреннее дело Франции».

---

¹ Э. Че Гевара. Тактика и стратегия латиноамериканской революции // Эрнесто Че Гевара. Статьи, выступления, письма. М., 2006, с. 293.

² Апологеты неокOLONиализма // Полемика о генеральной линии международного коммунистического движения. Пекин, Издательство литературы на иностранных языках, 1965, с. 219.

³ Мао Цзэдун. О демократической диктатуре народа (30 июня 1949 года). Избранные произведения, т. IV.

Частью глобальной революционной стратегии Мао Цзэдуна и Че Гевары является признание тезиса, что мировая революция первоначально охватит «периферию» мирового капитализма, «мировую деревню», а лишь затем захлестнет «мировой город», развитые империалистические страны.

«Конечная стратегическая цель нашей борьбы — уничтожение империализма, — пишет Че Гевара. — Задача, стоящая при этом перед нашими народами, народами отсталых и эксплуатируемых стран, — это разрушение тыловых баз империализма, пресечение его возможностей черпать отсюда свои капиталы, дешевое сырье, дешевую рабочую силу и дешевых специалистов — и направлять сюда новые капиталы — как орудие своего господства, оружие и прочие средства, призванные содействовать нашей тотальной зависимости»¹. «Каково главное противоречие современной эпохи? Если бы это было противоречие между социалистическими и империалистическими странами или между империализмом и рабочим классом его стран — роль т.н. третьего мира действительно была бы намного меньшей, чем на самом деле. Однако существует с каждым днем все более веские аргументы для того, чтобы считать, что главным является противоречие между эксплуатирующими нациями и эксплуатируемыми народами»².

Исходя из этого анализа, строится соответствующая революционная стратегия, которая прямо анало-

---

¹ Э. Че Гевара. Послание народам мира через конференцию трех континентов // Эрнесто Че Гевара. Статьи, выступления, письма. М., 2006, с. 525.

² Э. Че Гевара. Записки революционной войны: Конго // Эрнесто Че Гевара. Статьи, выступления, письма. М., 2006, с. 501.

гична стратегии Мао Цзэдуна. Вот точка зрения китайских коммунистов по тому же вопросу: «Обширные районы Азии, Африки и Латинской Америки — это районы, где сосредоточены различные противоречия современного мира, самое слабое звено господства империализма, главная зона бурь мировой революции, которые наносят непосредственный удар по империализму ... Антиимпериалистическая революционная борьба народов Азии, Африки и Латинской Америки является отнюдь не региональным вопросом, а вопросом всеобщего значения, касающимся дела мировой революции международного пролетариата в целом»¹.

Из этого вытекает, что именно «революционная буря в Азии, Африке и Латинской Америке ... нанесет решающий и сокрушительный удар по всему старому миру»².

Мао Цзэдун, как и Че Гевара, констатирует становление всемирной революционной ситуации: «Никто не может отрицать, что в Азии, Африке и Латинской Америке ныне сложилась весьма благоприятная революционная ситуация»³. Эта революционная ситуация не ограничится, однако, «третьим миром»: «Мы уверены, что в Западной Европе и Северной Америке — колыбели капитализма и сердцевине империализма — в результате развития противоречий и борьбы между пролета-

---

¹ Апологеты неокOLONиализма. // Полемика о генеральной линии международного коммунистического движения. Пекин, Издательство литературы на иностранных языках, 1965. с. 199—235.

² Мао Цзэдун. Поздравительная телеграмма V съезду АПТ // Цит. по: Теория Председателя Мао Цзэдуна о делении на три мира — огромный вклад в марксизм-ленинизм. Редакция газеты «Жэньминь жибао» (1 ноября 1977 г.). Пекин, Издательство литературы на иностранных языках, 1977, с. 40.

³ Апологеты неокOLONиализма. С. 218.

риатом и буржуазией настанет великий день грандиозных битв. Тогда Западная Европа и Северная Америка несомненно станут средоточием мировой политической борьбы, средоточием противоречий мира»¹.

Глобальная революционная стратегия Мао и Че оказалась верна: революционная буря конца 1960-х действительно началась в странах третьего мира (Перу, Боливия, Панама, Индия, Турция, Филиппины и т.д.). Перекинувшись в 1968 году в страны «центра», она была предана реформистскими лидерами коммунистических партий, и затем снова «отступила» на периферию мирового капитализма, в Латинскую Америку, Азию, Африку.

Еще одной чертой, которой революционный коммунизм Че и Мао отличался от коммунизма руководителей КПСС и большинства компартий, был интернационализм. Этих двух теоретиков и практиков отличает понимание революции именно как мировой революции, а не как замыкающейся в себе «системы социализма», которая «мирно сосуществует» с миром капитала. «В конце концов, мы должны иметь в виду, что империализм — это мировая система и что надо победить его в конфронтации мирового масштаба»², — пишет Че. «Мы должны объединиться с пролетариями всех капиталистических стран, с пролетариями Японии, Англии, США, Германии, Италии и всех других капиталистических государств, и только тогда можно будет свергнуть империализм, добиться освобождения нашей нации и народа, освобождения всех наций и на-

---

¹ Апологеты неокOLONиализма. С. 218.

² Э. Че Гевара. Послание народам мира через конференцию трех континентов. С. 525.

родов мира»¹, — пишет Мао. Национально-освободительное движение для Мао является не просто движением за освобождение от колониальной зависимости, но частью мировой пролетарской революции: «*Независимо от того, какие классы, какие партии и какие отдельные представители угнетенных народов принимают участие в революции, независимо от того, признают они это или нет, понимают они это субъективно или нет, если выступают против империализма, то их революция становится частью мировой пролетарской, социалистической революции и сами они становятся ее союзниками*»². Но революция непременно должна превращаться в социалистическую, иначе неизбежен возврат назад: «Выбора нет: либо революция на континенте будет социалистической революцией, либо это будет карикатура на революцию»³.

Че Гевара предлагает альтернативу мировому капиталистическому разделению труда, складывающемуся начиная с 60-х годов под командованием транснациональных корпораций. Эта альтернатива — экономическая система, включающая социалистические страны и страны «третьего мира», в рамках которой обмен продуктами труда происходит на нерыночной основе. Фактически это — всемирная демократически организованная плановая экономика, «социалистическая глобализация», вместо глобализации при господстве империализма, которая сложилась после кризиса 1973—1974 годов. Такой идеи в «чистом виде» у Че Ге-

¹ Мао Цзэдун. Памяти Н. Бетьюна (21 декабря 1939 года). Избранные произведения, т. II.

² Мао Цзэдун. О новой демократии. Избр. произв., т. II, с. 438.

³ Э. Че Гевара. Послание народам мира через конференцию трех континентов. С. 519.

вары нет, но она является прямым и единственно логичным выводом из его последнего публичного выступления — алжирской речи 1965 года.

В этой речи Че Гевара выдвинул советским руководителям обвинение в том, что они отказываются создавать параллельную экономическую систему со странами «третьего мира», продолжая торговать по «мировым ценам» и фактически проводя политику «социал-империализма». «О какой «взаимной выгоде» может идти речь», — говорил он, — *если по ценам мирового рынка продается сырье, стоимость которого определяется потом и безграничными страданиями народов отсталых стран, и закупается — по ценам того же рынка — оборудование, произведенное на крупных современных автоматизированных заводах*¹. Дело тут, конечно, не в моральной оценке принципов «свободного рынка», а в том, что социалистическая система не предлагала странам «третьего мира» ничего принципиально иного, чем империалисты.

В отличие от КПСС, которая настаивает на внедрении рыночных механизмов в социалистическую экономику (что, в конечном счете, привело к реставрации капитализма), Мао и Че предлагают уничтожение разделения труда и создание нового человека, как необходимый момент становления коммунизма. Цель коммунистического движения по Че Геваре — человек «освобожденный от своего отчуждения»². Мао Цзэдун говорит в связи с этим о революциях в развитых капиталистиче-

¹ Э. Че Гевара. Речь на втором экономическом семинаре солидарности стран Азии и Африки. Алжир, 24 февраля 1965 года // Эрнесто Че Гевара. Статьи, выступления, письма. М., 2006, с. 464.

² Эрнесто Че Гевара. Статьи, выступления, письма. М., 2006, с. 483.

ских странах, где, в отличие от «третьего мира», «степень механизации высока» и «главной задачей после успеха революции будет не продвижение механизации, а преобразование людей»¹. И Че и Мао являются противниками «экономического детерминизма», который достался советским учебникам диалектического и исторического материализма в наследство от Каутского и Бухарина. Коммунизм Мао и Че в политической, практической форме подводил к вопросам, теоретически решенным Марксом в «Экономическо-философских рукописях 1844 года»: снятию отчуждения, присвоению общественным человеком его собственных сущностных сил, действительному, а не только формальному преодолению частной собственности и т.д.

---

¹ Мао Цзэдун. Заметки об учебнике «Политическая экономия».

ПО ТУ СТОРОНУ ЖЕЛЕЗНОГО ЗАНАВЕСА. СССР И КИТАЙ

Эпоха Брежнева: застой или откат назад?

Что же происходило в годы «общества потребления», а затем в годы «бунта против потребления» по ту сторону «железного занавеса»? Какие ответы нашел социализм на вопросы, поставленные капитализмом? Что было в эти годы в СССР?

А в СССР в эти годы был Леонид Ильич Брежнев. Он руководил КПСС с 1963 года и до самой своей смерти в 1982 году. Никакими личными способностями не отличавшийся, даже на фоне в целом серого постсталинского советского руководства, Брежнев, тем не менее, подарил свое имя целой эпохе жизни советского общества.

Эпоха на первый взгляд была такой же бесцветной, как и сам генсек. Советское руководство как будто вдруг приняло на вооружение лозунг: «Живи и жить давай другим». Никаких не то что коллективизаций или индустриализаций с террорами, а даже хрущевской кукурузой перестало насиловать советский народ. За спокойную и в целом благополучную жизнь и вспоминает до сих пор народ добром брежневскую эпоху.

И не только народ. Буржуазии тоже, собственно говоря, ничего плохого сказать нельзя про период застоя. Именно в это время большая часть сегодняшних постсоветских президентов, министров, директоров, оли-

гархов и т.д. начали делать успешную карьеру и вполне могут считать сегодняшнее свое капиталистическое благополучие прямым продолжением благополучия «советского», брежневского.

Кто же в данном случае прав? Богатые или бедные, труд или капитал? Как это ни прискорбно, приходится констатировать правоту капиталистов и заблуждение народа, которое, впрочем, полностью разделяется его официальными представителями в лице «коммунистической» оппозиции.

Будь и вправду наши оппозиционеры коммунистами, то они проанализировали бы, что действительно произошло в СССР в 60—80-х и к чему это привело. Но нашим «коммунистам» нужны голоса избирателей, поэтому они должны хвалить все то, что нравится избирателю, а значит, на критику «брежневского застоя» в КПРФ и КПУ наложен строгий запрет. Те же, кто не связан партийной дисциплиной с подобными организациями и может позволить себе такую роскошь, как критическое мышление, найдет в «золотом веке» советской системы лишь... упущенные возможности и откат назад, каких не знало коммунистическое движение до этого.

За кулисами парадного официоза, демонстрировавшего всему миру мощь советской державы, и неофициального «застолья», обывательского благополучия, которое кажется мечтой современному нашему соотечественнику, попавшему под каток неолиберального капитализма, происходили тектонические сдвиги общественного устройства. До поры до времени они происходили незаметно для «простого советского человека» (благо, что от последнего просто откупились преслову-

той «стабильностью» и «благополучием»), но в середине 80-х они неожиданно вырвались наружу демонами «перестройки». Тот, чье мышление осталось на уровне среднесоветского обывателя, и до сих пор предпочитает не замечать прямую причинно-следственную связь между незаметным накоплением изменений в период правления Брежнева и развалом всей системы при наследниках генсека. На место этой связи такой обыватель, если он не хочет изучать логики превращения социализма в капитализм, вынужден поставить «мировую закулису», «заговор сионистов», в общем мистические, потусторонние силы.

Историческая развилка

Именно на брежневский период пришла очередная историческая развилка, когда решался вопрос, по какой дороге дальше пойдет человечество: по капиталистической или социалистической. Острый революционный кризис 1968—1975 годов ставил именно этот вопрос, и именно в этот период советское брежневское руководство оказалось максимально беспомощным. Оно не смогло эффективно помочь даже победившей чилийской революции, не говоря о том, чтобы своей политикой способствовать развитию революций в других странах. События этого периода и де-факто контрреволюционная роль в них просоветских компартий слишком хорошо известна. Даже обострение политической борьбы в Чехословакии весной 1968 года не было использовано как стимул для углубления социалистических преобразований. Единственное, на что оказался способен брежневский режим, так это ввести танки, чтобы избежать негативного для себя развития событий.

Проиграв по всем статьям уже самые первые битвы назревавшей мировой революции (а тогда бунты и восстания вспыхнули по всей планете, трудно найти такую страну, где в этот период не было бы вооруженных столкновений революционеров и власти, не было бы введено военное положение, не пало бы несколько правительств и т.д.), руководство КПСС оказалось лицом к лицу уже не с «добреньким» Западом времен встреч на высшем уровне в Рейкьявике, а с агрессивным империализмом Рейгана и Тэтчер, объявившим крестовый поход против коммунизма.

Но главная битва, которую проиграло брежневское руководство, произошла внутри СССР (если считать, что лидеры КПСС сражались за дело коммунизма, в чем, мягко говоря, есть большие сомнения). Здесь капитализм окончательно победил коммунизм именно в это время, именно при Брежневе советский народ окончательно свернул на капиталистический путь, «успешно» миновав последний свой шанс свернуть влево на дорогу к бесклассовому обществу.

Великий последний шанс

Ошибки руководителей компартий гораздо опаснее ошибок сапера. Сапер гибнет сам, а коммунистические руководители гибнут вместе со всем движением, которым руководили. Если же считать неиспользованный коммунистический шанс не ошибкой, а сознательным предательством брежневского руководства, то это предательство будет страшнее перехода генерала Власова на сторону фашистов в период Великой Отечественной.

Есть разные версии того, когда Советский Союз пошел «не по тому пути». Кто-то обвиняет Ленина, который «сделал» революцию в отсталой крестьянской стране, кто-то Сталина, который стал строить в такой стране социализм, с неизбежными бюрократическими уродствами, порожденными той же отсталостью и внешним давлением. Как-то забываются те, кто действительно лишил русскую революцию ее международного характера, кто заставил ее биться в национальных рамках долгие годы — лидеров II Интернационала, которые, в отличие от большевиков, европейскую революционную ситуацию разменяли на жалкие реформы и посты в буржуазном правительстве.

Трудности «социализма в отдельно взятой стране» усугублялись тем, что до начала 60-х годов речь шла даже не о создании самого социализма/коммунизма, а скорее необходимых предпосылок для его строительства. И эти предпосылки, несмотря на издержки, создавались. Мелкое крестьянство было переведено на систему крупного коллективного хозяйства, появилась крупная машинная индустрия, побеждена неграмотность, отстроена система качественного среднего и высшего образования. «Попутно» был побежден фашизм, а социалистическая революция расширила свои границы от Восточной Германии на западе до Северного Вьетнама на востоке.

Успокоившись на достигнутом, мы пришли к капитализму. А ведь для рывка в коммунизм было уже буквально все готово: то, что не готово, можно было доделать «по пути». Сегодня сложно воссоздать полную картину борьбы между капитализмом и коммунизмом в этот период. Виноваты тут издержки предыдущего периода: чтобы победить мелкую буржуазию на селе,

свернули внутрипартийную демократию; чтобы произвести индустриализацию, заключили социальный мир с бюрократией, дали ей высокие жалования и прочие привилегии; чтобы победить фашизм, наводили внутреннюю дисциплину террором, восстановили в правах великорусский патриотизм и т.д. В итоге получилась политическая система, где противоречивые тенденции и различные политические силы борются «под ковром» официального единомыслия. То, что всплывает на поверхность, приходится читать между строк. Эта минимальная прозрачность делает весьма трудной работу историка, который хотел бы показать разные политические силы, разные программы, интересы, которые боролись под коркой бюрократической аппаратной дисциплины.

Даже среди противников советского строя большинство разделяет иллюзию советской историографии, которая рассматривает те или иные события истории СССР только как реализацию решений очередного съезда, ЦК, Политбюро или лично вождя. И хотя Л.И. Брежнев оставляет минимальный простор для объяснения исторических перемен личной деятельностью, такое объяснение распространяется и на период его правления. Если оставить эту иллюзию исторического идеализма, перед нами встает задача воссоздать борьбу капиталистических и коммунистических тенденций, которая шла во времена Брежнева.

Борьба между капитализмом и коммунизмом не прекратилась с развалом СССР. Наоборот, история СССР стала полем идейной схватки. Ведет эту борьбу, например, гуру всех левых шовинистов Сергей Кара-Мурза в своей статье «Эпоха Брежнева»:

«Когда сейчас говорят, что Брежневу следовало бы провести демократизацию партии и начать творческий диалог о проблемах социализма, это выглядит наивным детским лепетом.

Вот в 50-е годы на философском факультете МГУ вместе учились Мамардашвили, Зиновьев, Грушин, Щедровицкий, Левада. Теперь об этой когорте пишут: «Общим для талантливых молодых философов была смелая цель — вернуться к подлинному Марксу». Что же могла обнаружить у «подлинного Маркса» эта талантливая верхушка наших философов? Жесткий евроцентризм, крайнюю русофобию, блестящее доказательство «неправильности» всего советского жизнеустройства и отрицание «грубого уравнилельного коммунизма» как реакционного выкидыша цивилизации, тупиковой ветви исторического развития.

Сталинское руководство, не имея возможности отцепиться от марксизма, спрятало от советского общества все эти идеи, сфабриковав для внутреннего пользования вульгарную, очищенную версию марксизма. Но уже к 60-м годам талантливые философы «вернулись» к Марксу, раскопали все эти антисоветские заряды и запустили их в умы трудовой советской интеллигенции. Ну как не быть кризису в идеократическом обществе, в основу официальной идеологии которого положено учение, это самое общество отрицающее!»

Дальше Кара-Мурза пишет, что проблема была в том, что отказ от Маркса и переход на «самобытные» идеологические поделки был произведен советским руководством недостаточно решительно.

19 Сайт русских социал-шовинистов Лефт.ру почти дословно списывает у Кара-Мурзы его выводы. «Когда сейчас говорят, что Брежневу следовало бы провести

демократизацию партии и начать творческий диалог по проблемам социализма, это выглядит наивным детским лепетом. Леонид Ильич не поддался на уговоры «либералов-демократов», которые и тогда своими псевдонаучными рассуждениями пытались навязать руководству СССР порочный курс и тем самым спас от разрушения страну Советов. Чего не смог или не захотел сделать Горбачев».

Что же на самом деле следовало сделать советскому руководству, если бы оно хотело «жить по Марксу»? И в чем состояла действительная заслуга «молодых философов», среди которых стоило бы назвать не соратника Кара-Мурзы по патриотическому болоту А.Зиновьева, а действительно выдающегося марксиста XX века Э.В.Ильенкова? В чем заключался диалог по проблемам социализма, который в СССР приходилось вести эзоповым языком и какие позиции в рамках этого диалога существовали?

Программа коммунистического переворота

Итак, советское общество вплотную подошло в начале 60-х к состоянию, которое Маркс называл «грубым коммунизмом», «формальным уничтожением частной собственности» или «формальным обобществлением». В отличие от Кара-Мурзы, Маркс никогда не считал такой коммунизм «реакционным выкидышем» или «тупиковой ветвью». Напротив, Маркс считал такой коммунизм единственно возможным первым шагом за пределы мира частной собственности, необходимой предпосылкой для «действительного коммунизма», «положительного уничтожения частной собственности» и реального обобществления.

Предпосылка была создана, настало время для движения, потому и появились «молодые философы». Мы не будем говорить о пустоцвете, типа Мамардашвили или о Зиновьеве, будем говорить о том, кто действительно формулировал, пусть довольно общо и избегая прямой «крамолы», программу коммунистического переворота, об Эвальде Ильенкове. Формулировал все это Ильенков примерно так:

«Согласно же Марксу, формально-юридическое «обобществление собственности», учреждаемое политической революцией, есть всего-навсего первый (хотя и необходимо первый) шаг, есть лишь первый этап действительного «обобществления». Он создает лишь формальные — юридические и политические — условия *sine qua non* реального «присвоения человеком отчужденного от него богатства».

Подлинная же задача, составляющая «суть» марксизма, только тут и встает перед ним во весь свой рост, во всем своем объеме, хотя на первом этапе эта задача может вообще ясно не осознаваться. Эта задача — действительное освоение каждым индивидом всего накопленного в рамках «частной собственности» (т.е. «отчужденного от него») богатства.

При этом «богатство», которое тут имеется в виду, — это не совокупность «вещей» (материальных ценностей), находящихся в формальном владении, а богатство тех деятельных способностей, которые в этих вещах «овеществлены», «опредмечены», а в условиях частной собственности — «отчуждены».

Превратить «частную собственность» в собственность «всего общества» — это значит превратить ее в реальную собственность каждого индивида, каждого

т.е. придать в реальном смысле 122 природного ресурса — каждому гражданину через «принудительную» политику г-ва! !

преимущественно физическим трудом. Рядом с этим большинством неизбежно вырастает слой людей, которые освобождены от этой монотонности для занятия управлением, философией, наукой, искусством. При рабовладении, феодализме, капитализме этот слой образует господствующий класс, который, кроме деятельных способностей, концентрирует в своих руках еще и средства производства в качестве частной собственности. При социализме, когда он только выходит из капиталистического общества, сделать всех управленцами, философами, художниками, учеными сначала невозможно, тем более было невозможно сделать это в такой стране, как бывшая царская Россия. Поэтому сначала все эти «привилегированные» профессии оказываются в руках социалистических чиновников на зарплате у рабочего государства. Причем зарплата их оказывается больше, чем у рабочего. Происходит это не по злой воле Сталина, а потому, что нужно заинтересовать бюрократов в учебе и сделать лояльными к новой власти¹.

Таким образом, формально частная собственность стала общественной, но действительного уничтожения еще не произошло. Сын генерала все еще, как прави-

---

¹ «Мы еще не скоро сможем осуществить, но во что бы то ни стало должны осуществить то, чтобы спецам, как особой социальной прослойке, которая останется особой социальной прослойкой впредь до достижения самой высокой ступени развития коммунистического общества, жилось при социализме лучше, чем при капитализме, в отношении и материальном и правовом, и в деле товарищеского сотрудничества с рабочими и крестьянами, и в отношении идейном, т. е. в отношении удовлетворения своей работой и сознания ее общественной пользы при независимости от корыстных интересов класса капиталистов» (В.И. Ленин. Проект тезисов о роли и задачах профсоюзов // В.И. Ленин, ПСС, т. 44, с. 351).

ло, становится генералом, а сын рабочего, как правило, рабочим или, в лучшем случае, «младшим научным сотрудником». Частная собственность на деятельные способности сохраняется. Работа оценивается деньгами, то есть разные виды труда все еще сравниваются друг с другом рыночным методом, таким образом, и распределение происходит в значительной степени через рынок.

Тот, кто получает больше и занимается управлением, рано или поздно станет стремиться к тому, чтобы иметь денежных знаков еще больше, а привилегию управленца превратить в наследственное право частного собственника. Как раз эта тенденция и была реализована полностью в ходе «перестройки» под руководством высшей бюрократии из ЦК КПСС.

Но есть и другой путь. Разделение труда приводит в конечном счете к тому, что производственный процесс разбивается на множество мелких операций, в которых рабочего может заменить машина. Развитие энергетики позволяет освободить рабочего от применения своей мускульной силы для приведения машины в движение. Электроника позволяет освободить человека от наблюдения за машиной и управления ей и отчасти даже от ремонта машины. Человеку в этом случае остается только конструирование машин, составление программ к ним и т.п. То есть работа не монотонная, а творческая, работа не исполнительская, а управленческая.

Чем дальше будет продвигаться эта автоматизация, тем меньше общественного рабочего времени будет уходить на непосредственное участие в материальном производстве. Уже при тогдашнем развитии производительных сил (70—80-е годы) его можно было сократить

они же нашли исполнителей в лице все той же советской бюрократии.

Итак, Ильенков — это левый фланг общественной дискуссии о будущем социализма, которая, благодаря советской бюрократии и к удовольствию Кара-Мурзы, была совсем не открытой. Кто же на правом фланге?

Программа капиталистической реставрации

Именно во времена Брежнева окрепли идеологические конструкции, отражающие интересы бюрократии. Вернее, интерес бюрократии превратиться в буржуазию. Идеи эти высказывались в те годы вовсе не политическими лидерами на съездах и заседаниях ЦК, как то было в 1920-е годы, а в рамках степенной по форме академической дискуссии учеными, далекими от непосредственного участия в политике. Но из-под профессорских шапочек, из-за сухой теории научных монографий выглядывала живая динамика социальной борьбы, где сталкивались интересы разных социальных групп, где шла скрытая классовая борьба.

Там где общественный климат был посвободнее, правые идеи высказывались практически в открытую. Например, польский идеолог Адам Шафф, книги которого публиковались и были широко известны, выступал со следующими «новаторскими» идеями: *«В социалистическом обществе образуется элита власти, которая совершенно естественно пользуется плодами своего привилегированного социального положения», это — «дело совершенно естественное и социально оправданное, так что нет никаких оснований обозначать его фигурами стыдливого умолчания»* (Адам Шафф. Марксизм и человеческий индивид).

Таким образом, то, что левые, вроде Ильенкова, объявляют подлежащим уничтожению в самом ближайшем будущем, правые, устами Адама Шаффа, называют вечным, «естественным» законом социализма. Идеи об отмирании государства, снятии общественного разделения труда и т.д. Адам Шафф объявляет «утопизмом», «гегельянщиной», вредными для дела социализма, почти в духе Кара-Мурзы. Не хватает только обвинений Маркса в «русофобии», — видимо, поляк Шафф был в меньшей степени озабочен этим вопросом, чем его русский коллега. Из этих посылок естественно вытекает следующий вывод: *«Борьбу против бюрократии надо понимать посему как борьбу против плохой, неразумной, некомпетентной, чрезмерной бюрократии, а не как борьбу против управленческого аппарата, то есть не против "бюрократии вообще"»* (с. 172).

Книга Шаффа, как более-менее открытый манифест «правых» сил социалистического общества, послужила для Ильенкова поводом выступить с изложением своих идей, так родилась полемическая статья «О «сущности человека» и «гуманизме» в понимании Адама Шаффа».

Шафф, пишет Ильенков, встал на *«путь апологии всех тех «видов отчуждения» (т.е. форм взаимоотношений между индивидами), которые социализмом по необходимости наследуются от мира «частной собственности» и сохраняются еще долго после того, как революция уничтожила «специфически капиталистические» (т.е. самые развитые и крайние) формы «отчуждения».*

Ведь упразднение специфически капиталистических форм собственности (= «отчуждения») еще вовсе не означает автоматически упразднения всех частнособственнических отношений между индивидами. Даже юри-

дически. Насколько нам известно, на родине Адама Шаффа мелкая — крестьянская — частная собственность вовсе не была ликвидирована социалистической революцией. Эта форма — и очень живучая — частной собственности даже узаконена польской Конституцией. Не будем же говорить о тех формах частнособственнических отношений между людьми, которые — хоть юридически они не узаконены или узаконены под фальшивой вывеской, ... что еще больше затемняет их частнособственническое нутро, — продолжают сохраняться в жизни социалистических стран в силу инерции, которая тем могущественнее, чем ниже был уровень экономического, политического, правового и морального развития масс индивидов, с которого эти страны были вынуждены начинать свое социалистическое развитие».

Борьба против бюрократии, за движение к коммунизму прямо перекликается с лозунгами идущей в то же самое время в Китае «культурной революции». Правда, Ильенков вынужден везде оговариваться, исходя скорее из цензурных соображений, чем из внутреннего убеждения, что он ничего «такого» в виду не имеет, а, наоборот, осуждает «пекинские авантюры». Но самую бюрократию такие оговорки не обманывают, поэтому ответ Адаму Шаффу так и останется рукописью, к печати его не допустят...

Бюрократия прекрасно понимала — стань идеи Ильенкова лозунгом масс, дело очень быстро пойдет по «китайскому» сценарию с вытаскиванием бюрократов, объявивших свое существование «вечным законом» социализма, из уютных кабинетов на суд народных масс, от лица которых бюрократы привыкли говорить.

Итак, закрепив свои успехи в политической по сути дискуссии (которая велась «в одни ворота», потому что «левые» статьи не публиковались, а наиболее смелые «левые» авторы рисковали быть обвиненными в сочувствии к маоизму, исключенными из партии и лишиться работы, а то и оказаться в психиатрической больнице), бюрократия взялась за экономику.

Экономическая дискуссия и экономическая реформа 1965 года

Дискуссия о судьбе товарно-денежных отношений при социализме осталась в народной памяти в виде анекдота:

— Будут ли деньги при коммунизме?

— Югославские ревизионисты считают, что да — будут, китайские догматики, что не будут. А мы подходим к этому вопросу диалектически: у кого будут, а кого нет...

Тем не менее решение этого вопроса в пользу сохранения и развития товарно-денежных отношений оказалось губительным для социализма.

Почему этот вопрос так важен? Дело в том, что речь идет не просто о том, какая «схема» управления экономикой дает большую эффективность: «командно-административная» или «рыночная». Это ходячее представление, сводящее вопрос к выбору экономической стратегии, скрывает истинный масштаб проблемы. Речь идет о преодолении всей предшествовавшей цивилизации, «предыстории человечества», как Маркс называет этот период, самой передовой и последней формой жизни которой и были товарно-денежные отношения.

Первобытная община производит все ей необходимое и распределяет продукт внутри себя. Производство и распределение здесь находятся под контролем всех членов общины¹. Развитие разделения труда приводит к возникновению обмена, а затем и торговли. Продукт, который становится товаром, попадая на рынок, начинает жить своей жизнью, уже не подконтрольной производителю. Объединение производителей теперь происходит совершенно стихийно. В конечном счете, при развитом товарном производстве производители сами становятся товаром «рабочая сила» на рынке труда, сама их жизнь оказывается в зависимости от колебания спроса и предложения². В этом корень «отчуждения», то есть ситуации, когда продукты собственной деятельности и сама эта деятельность противостоят че-

сегодня много изменилось. Сегодня, чтобы не было отчуждения от продукта, достаточно иметь о нем представление и право управлять им.

¹ «Они [производители первобытных общин] знают, что делается с продуктом: они потребляют его, он не выходит из их рук, и пока производство ведется на этой основе, оно не может перерасти производителей, не может породить таинственные, чуждые им силы, как это постоянно и неизбежно бывает в эпоху цивилизации» (Ф. Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства // К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч. т. 21, с. 174).

² «Социальная сила, т. е. умноженная производительная сила, возникающая благодаря обусловленной разделением труда совместной деятельности различных индивидов, — эта социальная сила, вследствие того, что сама совместная деятельность возникает не добровольно, а стихийно, представляется данным индивидам не как их собственная объединенная сила, а как некая чуждая, вне их стоящая власть, о происхождении и тенденциях развития которой они ничего не знают; они, следовательно, уже не могут господствовать над этой силой, — напротив, последняя проходит теперь ряд фаз и ступеней развития, не только не зависящих от воли и поведения людей, а наоборот, направляющих эту волю и это поведение» (К. Маркс, Ф. Энгельс. Немецкая идеология // К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч. т. 3, с. 53).

ловеку как некие чуждые силы, не зависящие от его воли и диктующие ему условия.

Но та же самая сила рынка ставит на место распыленных мелких производителей крупные и крупнейшие заводы, фабрики, агропредприятия, которые объединены в корпорации и холдинги планетарного масштаба. Внутри таких предприятий товарно-денежные отношения уничтожены, продукты разных работ распределяются под контролем менеджеров, администраторов, а на рынок поступает только конечный продукт.

Таким образом, создается возможность взять эти крупные объединения под контроль государства и обойтись без рынка в масштабах всего общества. Деньги тогда превращаются в простые квитанции, свидетельствующие о том, что человек отработал столько-то часов, в обмен на них он может получить определенное количество продуктов потребления. Даже в условиях отдельной страны, такой как СССР, эта система работает эффективнее, чем капиталистическая, если за меру эффективности принять количество бедных, больных, детскую смертность, уровень образования и т.п.

Сложность полного проведения этих мер в СССР заключалась в том, что Союз был социалистической страной во враждебном окружении, поэтому вынужден был тратить значительную часть общественного продукта на военные нужды. Но еще важнее было то, что СССР был страной крестьянской, а мелкое хозяйство крестьянина можно включить в единую систему только через рынок. Даже колхозы торговали с государством и были во многом отдельными хозяйственными единицами.

Предприятия в СССР также формально торговали друг с другом, хотя по сути их отношения диктовались

плановыми органами. Тем не менее, товарная форма отношений оставалась живучей.

Дальнейшее развитие социализма заключалось бы в том, что коллективные хозяйства были бы полностью включены в общий план, а распределение сырья и готовых продуктов между предприятиями стало бы не опосредованным куплей-продажей.

До этого было еще далеко. Во-первых, вся продукция пересчитывалась на так называемые «счетные деньги». Формировалась «фабрично-заводская цена» изделия, в которую включали «чистый доход предприятия». Затем к этой цене прибавлялся «налог с оборота», который поступает в бюджет государства на общегосударственные нужды. «Торговая цена» добавляет к этому еще и торговые издержки. Таким образом, эта система еще далека от того идеала «единой фабрики», в которой не было бы обособленных производств, обменивающихся через рынок, но это уже и не капиталистическая экономика, где есть конкуренция, одни предприятия разоряются, другие — богатеют, где потребности общества целиком определяет рынок и т.д.

Система еще не коммунистическая, а полурыночная. Введена она была в период нэпа и названа хозрасчетом. Это означало, что цены определяются плановыми органами государства, а предприятие, закупаая сырье по фиксированным ценам и сбывая готовый продукт также по фиксированной цене, должно стремиться получить прибыль. Эрнесто Че Гевара назвал эту систему «гибридной».

В «гибридной» системе рыночные механизмы смешаны с плановыми таким образом, что форма может обслуживать качественно разное содержание. (Поэтому, например, в одном из частных писем тот же Иль-

енков предлагает назвать вещи своими именами и четко очертить ту сферу, где рынок все еще господствует, от реально обобществленной сферы: «Тогда и получится ясная картина — картина борьбы взаимоисключающих принципов, а не их «диффузия», что хуже открытой и честной борьбы, ибо диффузия превращает всю эмпирию в одну серую кашу»). Не ясно, где и когда все эти купли-продажи являются лишь рудиментом, оболочкой, доставшейся плановым отношениям от предыдущего этапа, а где они отражают самую суть дела.

Полный переход к распределению означал бы переход к коммунизму¹. Естественно, что всякая «нехватка» при этом означала бы либо неготовность к обобществлению, либо что распределение организовано от-
вратно.

Начинается экономическая дискуссия с появления в «Правде» статьи «План, прибыль, премия» харьковского экономиста Евсея Либермана. До этого Либерман был настолько мелкой научной величиной, что ожидать от него самостоятельного выступления по коренной проблеме экономической практики страны значило бы награждать его смелостью и самонадеянностью, да еще и мужеством, такого размера, которого вряд ли стоило бы

¹ «Труд объединен в России коммунистически постольку, поскольку, во-первых, отменена частная собственность на средства производства, и постольку, во-вторых, пролетарская государственная власть организует в общенациональном масштабе крупное производство на государственной земле и в государственных предприятиях, распределяет рабочие силы между разными отраслями хозяйства и предприятиями, распределяет массовые количества принадлежащих государству продуктов потребления между трудящимися» (Ленин В.И. Экономика и политика в эпоху диктатуры пролетариата. Сочинения, 4-е изд., т. 30, с. 88).

т.е. итес. и госу. 1947 г. Ленин
капитализм!

Тогда альтернатива была та же: либо провозгласить
капитализм, либо национализацию заодно обобществление
всего.

ожидать от скромного экономиста. Раньше самой «фундаментальной» работой Либермана была книга «Хозрасчет машиностроительного завода». Статья харьковского экономиста, несомненно, была пробным камнем куда более весомых общественных сил. В случае сопротивления плану реформы, которая таки была осуществлена в 1965 году, Либерманом можно было пожертвовать.

Но идея «проходит», и ее тут же поддерживают почти все политэкономические «светила» того времени. Сентябрьский пленум ЦК КПСС одобрил план реформы, согласно которой прибыль стала основным экономическим показателем работы предприятия в СССР.

Суть реформы в следующем: многочисленные плановые показатели, задаваемые предприятиям государством, заменить основным показателем прибыли (превышением расходов над доходами по отношению к капиталу), чтобы заинтересовать работников и директоров в этом показателе разрешить часть прибыли переводить в фонд заработной платы.

Такая система (сначала в «экспериментальном» порядке) вводилась на различных предприятиях с самого начала правления Брежнева. Решительное ее внедрение началось с эксперимента «Большевичка» — «Маяк» в июле 1964 года, когда предприятиям легкой промышленности была дана директива следовать не плановым заданиям, а ориентироваться на спрос магазинов. Затем эта система, открыто отрицающая плановый характер экономики, была распространена на 400 предприятий легкой промышленности. Официальным поводом была слабый учет предприятиями потребностей населения, плохое качество продукции. Стоит ли говорить, что никакого радикального улучшения качества

рынок не принес: «нужды трудящихся» (которые можно было учесть и в рамках плановой системы элементарным «маркетинговым» исследованием) были лишь удобным предлогом для введения рынка.

В 1965 году на подобную систему было решено перевести большинство предприятий СССР. В результате стремительно стала снижаться доля прибыли, которую предприятия переводили государству (иногда до 25%) и расти доля, которая шла на премирование и оплату труда (до 50%).

Таким образом, как будто воскрешалась нэповская система государственного капитализма, когда государственные предприятия сдавались в концессию иностранному капиталу, который в обмен на инвестиции получал возможность распоряжаться частью прибыли. Реформа 1965 года тоже как бы сдавала предприятия «в концессию» трудовому коллективу, который получал возможность распределять внутри себя часть прибыли. На деле, конечно, «трудовой коллектив» означал директора, который получал все больше атрибутов собственника.

В своих произведениях Ленин, превращенный к тому времени в безвредную икону, прямо возражал против подобных нововведений: «Величайшим искажением основных начал Советской власти и полным отказом от социализма является всякое, прямое или косвенное, узаконение собственности рабочих отдельной фабрики или отдельной профессии на их особое производство, или их права ослаблять или тормозить распоряжения общегосударственной власти...» (В.И. Ленин. ПСС, т. 36, с. 481). Ленин пишет о том, что даже рабочие отдельного предприятия не могут быть его собственниками, только все рабочие вместе могут владеть всем про-

изводством. В реформе-65 речь шла уже не о рабочих, а все больше о директорах...

В 1966 году директора получили частичное право покупать и продавать средства производства, которые до этого распределялись только государством. «Излишние» машины, сырье, транспорт и оборудование стали предметом торговли на специальных рынках в Горьком и Свердловске.

Хозяйственная номенклатура — такова была социальная база брежневского режима. Она поставила Брежнева к власти, сместив Хрущева с его «волюнтаристскими» экспериментами, не дававшими спокойно жить управленцам. Через два года после «смены власти» брежневская команда дала своей социальной опоре «удовлетворение», разрешив распоряжаться прибылями предприятий по своему усмотрению, в том числе перекачивая значительную их часть себе в карман через фонд оплаты труда и премии. Премия рассчитывалась в процентах от заработной платы, поэтому для управленческого персонала она была существенно выше, чем для рабочих.

Идеалом новой системы становился капитализм, где «инициатива предприятий» и «прибыль» как критерий эффективности достигают своего полного «расцвета». Реформа отодвигала советскую экономику от цели стать «единой фабрикой» к сумме независимых предприятий, связанных через рынок. Открыто сказать о капиталистическом характере этого движения в СССР было нельзя. Спор в науке шел о том, являются ли товарно-денежные отношения органически присущими социализму (как трактовали официальные учебники) или нет (как считали левые экономисты-«антирыночники»). Но такой вывод был сделан к востоку и к за-

паду от границ Советского Союза, — на Кубе и в Китайской Народной Республике.

Несмотря на явный капиталистический характер реформы 1965 года, ее хвалят не только правые. Демагогия с использованием терминов «инициатива снизу», «гибкость», «динамизм» и тому подобными эвфемизмами рыночной конкуренции и анархии производства находит себе благодарную аудиторию и среди левых.

На деле никакой динамизм советской экономике не был возвращен. Напротив, темпы ее развития стали устойчиво снижаться, более того, она дала отрицательную динамику по основным социальным показателям. Если за 1954—1967 годы СССР явно догонял США по производительности труда (с 29,3% она повысилась до 36,2%) и по валовой промышленной продукции (с 30% до 51,2%), то с конца 60-х Советский Союз начинает отставать. Прививка капитализма не замедлила сказать: уже в годы восьмой пятилетки темпы прироста национального дохода снизились с 7,7% до 3,5%, а темпы роста производительности труда с 6,8 до 3%. Материалоемкость народного хозяйства начала увеличиваться (в противоположность тому, что обещали «рыночники») за 1961—1985 годы она повысилась на 60%. Объем потребления материальных благ на душу населения по сравнению с США (в пересчете на доллары) снизился с 36,6% в 1965-м до 25,8% в 1985 году.

С 1965 года начала падать средняя продолжительность жизни (до этого она повышалась). При увеличении числа научно-технических работников стало снижаться количество внедренных изобретений (с 23,1 тыс. в седьмой пятилетке до 8,5 тыс. в десятой), по числу студентов вузов на 10 000 населения СССР с 1970 по 1987 год опустился со второго на 39-е место в мире.

Так что рыночная реформа не принесла никаких положительных результатов никому, кроме верхушки хозяйственной и партийной бюрократии.

СССР глазами Мао и Че

Дискуссия о социализме стала в этот период международной. И проводилась она куда более свободно, чем в Советском Союзе при Брежневе. Появились социалистические страны, руководство которых критиковало СССР справа (Югославия) и слева (Китай и Куба). Последние довольно определенно заявляли о капиталистическом характере реформы 1965-го. Вот позиция Эрнесто Че Гевары: *«Предприятие, которое функционирует на основе потребительского спроса, таким путем измеряющее свою прибыль и эффективность своего руководства, не представляет собой ни большую редкость, ни что-то особо секретное: это обычный образ действий капитализма. Но именно это и происходит сейчас на некоторых предприятиях СССР. Речь идет о специфических экспериментах, и я никоим образом не хочу доказать этим, что в Советском Союзе существует капитализм. Я хочу сказать лишь, что мы являемся свидетелями некоторых феноменов, происхождение которых связано с кризисом теории, а теоретический кризис возник потому, что было забыто о существовании Маркса, и потому, что основываются только на части трудов Ленина...»* (Эрнесто Че Гевара. Экономические рукописи 1966 года // Э. Че Гевара. Статьи, выступления, письма. М., 2006, с. 513).

Свою полемику с советской экономической системой Че Гевара начал еще до реформы 1965 года, которая привела его к таким печальным, но справедливым вы-

водам. Че отслеживал откат СССР назад довольно внимательно еще со времен Хрущева: *«Интересно то, что говорил о Югославии товарищ Хрущев, который посылал туда людей перенимать опыт. Так вот, то, что он увидел в Югославии и что показалось ему таким интересным, — все это в гораздо более развитом виде имеется в Соединенных Штатах, потому что там — капитализм»* (там же, с. 494). *«Начальники получают все больше и больше... У лидеров нет никаких обязательств перед массами...»* — говорит Че после поездки уже в брежневскую Москву в декабре 1964 года.

Экономика СССР еще не была единым предприятием, вроде крупной капиталистической компании, где производственные единицы не обладают хозяйственной самостоятельностью. Тем более она не была единой фабрикой, где между отдельными звеньями существует только технологическая взаимосвязь, но не экономическая. Речь шла пока о характере этой экономической связи, о различиях между экономическими методами того периода, когда разделение труда еще преодолеть невозможно, когда только создаются предпосылки для этого. А эти методы на Кубе и в СССР были разными.

Здесь как бы подтверждалась та истина, что всякая новая революция начинается не «сначала», а с той точки, где остановилась прежняя. Констатировав «застой», если не откат назад, революции в СССР, Че продолжает начатые ей экономические преобразования. При этом он отталкивается от советской системы, противопоставляя ей кубинскую:

«Анализ методов учета, обычно используемых сегодня в социалистических странах, показывает, что между ними и нашими методами лежит концептуальное отличие, сравнимое с тем, которое существует в капи-

талистической системе между конкурентным капитализмом и монополией» (О системе бюджетного финансирования // Э. Че Гевара. Статьи, выступления, письма. М., 2006, с. 383).

Отличия «системы бюджетного финансирования» (или «производственного объединения», так назвал свою модель Че) и хозрасчета следующие:

1. При хозрасчете каждое предприятие является до определенной степени самостоятельной хозяйственной единицей, в системе бюджетного финансирования — нет.

2. Согласно кубинской системе предприятия не имеют собственных фондов, счет предприятия в банке непосредственно контролируется государством, в то время как при советской предприятие имеет собственный фонд, на который не распространяются непосредственные директивы центральных органов и который используется по усмотрению руководства самого предприятия.

3. Хозрасчет делает упор на «материальное стимулирование» как источник роста производительности и заинтересованности работников, система бюджетного финансирования делает упор на «формирование сознания». Сторонники советской системы, пишет Че, «считают, что прямое материальное стимулирование, проецируемое на будущее, сопутствуя обществу на различных этапах строительства коммунизма, не противоречит «развитию» сознания, а по нашему убеждению, противоречит ему» (стр. 387).

Система Че могла быть принята на вооружение в СССР, она была бы шагом вперед по направлению к «единой фабрике», но, как мы знаем, СССР в то время уже делал шаг назад...

На другом конце планеты Мао Цзэдун подходил к вопросу скорее с политической стороны. В силу уже свершившегося разрыва между СССР и КНР, китайские марксисты были более свободными в формулировках, чем кубинцы, и скорее перегибали палку, чем осторожничали.

В советском обществе, говорилось в официальном документе Компартии Китая, образовалась *«привилегированная прослойка»*, которая *«состоит из перерожденцев в среде руководящих кадров партийных и государственных учреждений, предприятий и колхозов и из буржуазных интеллигентов; эта прослойка противостоит советским рабочим, крестьянам и широким массам интеллигенции и кадровых работников»*.

«Эта привилегированная прослойка, присваивая плоды труда советского народа, получает доходы, превышающие в десятки и даже сотни раз доходы рядовых советских рабочих и крестьян. Представители этой прослойки получают громадные доходы в виде высокого жалованья, больших премий, огромных гонораров и всевозможных личных надбавок. Более того, используя свое привилегированное положение, они занимаются различными злоупотреблениями, коррупцией, взяточничеством и хищениями». («О хрущевском псевдокоммунизме и его всемирно-историческом уроке», 14 июля 1964 года).

Последствия

Не отличавшийся ни проницательностью, ни волевыми качествами и полуневменяемый к концу жизни, Брежнев как нельзя лучше подходил в качестве ширмы для закрепления у власти хозяйственной номенклату-

ры. Именно эти слои превратились в правящий класс в ходе открытой контрреволюции 1989—1991 годов. Даже в 1994 году 80% российского бизнеса вело свое происхождения прямо от административно-государственных средств и связей, это был, как тогда называлось, «красный бизнес»¹. В середине 1990-х, по некоторым подсчетам, 87% бывших партийных работников функционировали в коммерческих структурах или органах новой буржуазной власти.

Таким образом, брежневская эпоха была прямой подготовкой капиталистической реставрации. Но подготовкой не в том смысле, что некий тайный комитет заговорщиков действовал по плану, а так, что стихийные силы рынка толкали разлагающуюся номенклатуру, лишенную коммунистического сознания, и при практически полном отсутствии давления масс снизу.

И. Род
от Вернувшись к власти сию же минуту

Маоистский Китай

Если СССР, сначала неосознанно, а затем и вполне сознательно превращался из «могильщика» капитализма в его подпорку, то китайская революция не оставляла попыток перехватить эстафету и стать центром мировой революции.

Чуть больше 40 лет назад, 16 мая 1966 года, Центральный комитет Коммунистической партии Китая объявил о начале Великой Пролетарской Культурной Революции. Эта революция, еще более чем Октябрьская революция 1917 года в России, рассматривается как отклонение от «нормального» пути развития, как «вывих» истории, который ни в коем случае не должен

¹ Колесников В.В. Экономическая преступность и рыночные реформы: политико-экономические аспекты. СПб., 1994, с. 148—150.

повториться, место которому лишь в учебниках в назидание будущим поколениям.

Нам не хватает знаний об этой революции. И, как это часто бывает на рынке идей, при отсутствии достойного продукта дыры затыкаются дешевым суррогатом. Так, на тему китайской революции в 1990—2000-е годы, кроме попсовых западных книжек для обывателя, были изданы в основном «труды» бывших работников пропагандистского аппарата КПСС. Не долго мучаясь, они просто косметически переделали свои антимаоистские агитки, написанные по заказу брежневской партноменклатуры. От этого, конечно, ни ценнее в научном плане, ни познавательнее они не стали. Все те же пропагандистские штампы и затертые обвинения продаются новому покупателю — от замены брежневского варианта «марксизма-ленинизма» на «либеральные ценности» и «права человека» в данном случае мало что поменялось. В них все та же злоба и проклятия в отношении поднявшейся «черни» и ее вождей-«диктаторов».

Реальная же история Культурной революции является одним из лучших учебников по марксизму уже потому, что совершенно не соответствует схемам позитивистского «марксизма-ленинизма» хрущевско-брежневского или догматично-троцкистского разлива. Современные руководители Коммунистической партии Китая, построившие в своей стране самую жесткую неолиберальную модель капитализма под вывеской «рыночного социализма», также проклинаят Культурную революцию. Даже положительная роль «китайского Ленина» — Мао Цзэдуна — признается ими лишь до 1966 года.

Но существует и другое отношение к Культурной революции, отличное от того, которое исповедуют евроатлантические синологи и чинуши из ЦК КПК: «Больш-

шинство моих коллег в элитных университетах и институтах Китая представляет Культурную революцию как солнечное затмение, как время ужасающей тьмы. Но в разговорах с рабочими среднего возраста, живущими в трущобах, с крестьянами из захолустных сел и даже с таксистами в Пекине можно услышать куда более светлые оценки. «Был бы жив Мао, он казнил бы всех коррумпированных чиновников... Был бы жив Мао, американцы не решились бы бомбить наше посольство в Белграде». Эти люди с ностальгией вспоминают «культурную революцию» как время величия, когда Китай был лидером третьего мира, а с рабочими и крестьянами обращались с уважением. Это некая альтернатива псевдомарксистскому неолиберализму, который де-факто превратился в господствующую идеологию в сегодняшней КНР. «Социалистическая рыночная экономика» уже породила недовольство увольнениями, коррупцией, неравенством и социальным расслоением. ... разочарованные крестьяне и рабочие однажды могут попытаться поднять над страной новую красную звезду». (Ричард Мадсен, Калифорнийский университет, Сан-Диего, США).

Интерес к Китаю сегодня растет, Поднебесная стала всемирной фабрикой, где изготавливается около одной пятой всей промышленной продукции планеты. Клеймо «Made in China» перестало означать низкое качество, его не стесняются ставить на свои товары ведущие мировые фирмы — не только производители одежды и обуви, но и микроэлектроники или оружия. Мы окружены товарами, произведенными в Китае. Китайский рабочий сшил нашу одежду, собрал наш компьютер, изготовил обувь и бытовую технику, которой мы пользуемся. Всего несколько десятилетий назад ничего

подобного не было. Китай был «восточным больным», задворками мира и рассматривался лишь как объект экспансии иностранцев. За вторую половину XX века Китай сделал скачок по иерархической лестнице «мировой системы» с одного из последних на одно из первых мест.

Бурное развитие Китая, который в начале XX века был одним из «отстающих» мировой экономической, политической и культурной гонки требует объяснения. Но анализ только текущего момента, сводящийся к описанию современной социально-политической модели страны, где господствует государственно-капиталистический уклад, а правящая бюрократия активно торгует дешевой рабочей силой, привлекая все большие массы транснационального капитала, ничего не объясняет. Об этом говорит и факт, что ни одна страна не смогла повторить «китайский опыт», потому что пыталась копировать сегодняшнее состояние страны и совершенно не учитывала, что же этому состоянию предшествовало. Сравным успехом можно пытаться следовать, например, наполеоновской политике, не понимая, что Наполеон Бонапарт — наследник Великой французской революции и его политика возможна лишь как продолжение революции, а вовсе не сама по себе.

Современный Китай — тоже наследник Великой революции. По своему значению она является второй после Октябрьской революции 1917 года в новейшее время, и именно она на этапе Великой Пролетарской Культурной Революции сломала все общественные отношения старого Китая, как бы расчистив место для современного развития. Маркс называл революции «локомотивами истории». И для Китая это вдвойне верно. Чтобы убедиться в том, что это действительно так, дос-

таточно взглянуть на соседнюю Индию, которая свою культурную революцию так и не доделала.

Интерес к китайской революции, Мао Цзэдуна и его идеям повышается не только как к исторической диковинке. К маоистскому периоду, и особенно к Культурной революции, вообще сложно относиться отвлеченно как к «истории». Настолько ее политические идеи затрагивают интересы ныне здравствующих общественных классов. Это арена политической борьбы, в которой каждый вынужден выбрать сторону, здесь не спрячешься за ширму «объективности».

Вот, например, мнение одного из серьезных исследователей Китая Чэнь Сяонуна, главного редактора журнала «Дандай чжунго яньцзю» («Исследования современного Китая»), США: *«Ее [Культурной революции] наследием стало вовлечение широких масс в социальное движение... Сама по себе «культурная революция» неповторима, но такой путь мобилизации народа на борьбу против правящей элиты может воспроизвестись в будущем. Когда коррупция истощит финансовые ресурсы, легитимность коммунистического режима, элита может столкнуться с тем, что ее главным врагом среди поднимающегося народа будут Мао Цзэдун и его флаг «Да здравствует восстание»».*

И это справедливо, конечно, не только по отношению к Китаю. Подчеркнутый эгалитаризм и антибюрократизм Мао Цзэдуна и его соратников до сих пор пугают одних и воодушевляет других.

«Маленького человека» устоявшегося иерархически организованного капиталистического общества не могут не поражать грандиозные события Культурной революции.

Время, когда, например, Генеральный секретарь ЦК компартии Китая Дэн Сяопин, любитель карточной игры в бридж и других буржуазных излишеств, отправился на тракторный завод проходить трудовое перевоспитание, не может не поражать (опять же, одних — приятно, других — нет). Переродившегося чиновника уровня министра, который, поедая деликатесы в правительственном буфете, уже думал, как бы конвертировать политический капитал в денежный, революционные массы могли спокойно выволочь на улицу, надеть на голову колпак, заставить каяться в контрреволюционных устремлениях, а потом отправить в сельские районы трудиться в поле и изучать марксизм-ленинизм среди простых крестьян.

Кто-то, приучившись не получать зарплату в течение нескольких месяцев и радоваться любой подачке «хозяина», себе такого даже и представить не может. Кто-то боится, что пример окажется заразительным. Наверное, поэтому великая история великой революции оборачивается пугалками и небылицами, рассчитанными как будто на детей младшего школьного возраста, но с серьезным видом повторяемыми серьезными на вид людьми.

Но не следует судить Культурную революцию только по ее результату (фактически: расчистка пространства для буржуазного развития от феодального хлама) или даже по ее «самосознанию». Культурная революция по-новому поставила многие вопросы социалистической теории, такие как соотношение партии и класса, роль бюрократии и борьба против бюрократизма при социализме, проблема воспитания нового человека. Культурная революция поставила эти вопросы практически,

в ходе борьбы, ее лидеры не были высокообразованными марксистами и часто не могли до конца осмыслить собственные революционные практические шаги.

Фактически Культурная революция вынуждена была ставить вопросы ликвидации классов и разделения труда в условиях одной из самых отсталых и густонаселенных стран мира. Задачи, которые назрели в масштабах всего социалистического лагеря, нашли материальную силу и субъективную классовую волю лишь в одной из социалистических стран. Остальные застыли на полпути, превратив частную собственность в государственную, но не сделав второго шага из мира разделения труда к «обобществившемуся человечеству»...

Мао и борьба с бюрократией

Борьба с бюрократизацией партии и государства была для Мао Цзэдуна центральным вопросом политической борьбы в 1960—1970-е гг. Для Мао было очевидно, что СССР пошел по пути бюрократического перерождения, ведущему, в конечном счете, к реставрации капитализма. Тем не менее, свою борьбу с бюрократией проиграл и Мао. В ходе Культурной революции он вынужден был пойти с бюрократией на компромисс, отказавшись от идеи государства по типу Парижской коммуны, а после его смерти бюрократия полностью захватила власть и повела Китай к реставрации капитализма. Почему это случилось?

Китайская революция является продолжением Октябрьской революции. Вернее, она является одним из этапов эпохи социалистических революций XX века, определявшихся двумя фактами: победой социалистической революции в России и поражением социалисти-

ческой революции в Германии. В начале XX века экономические и политические предпосылки социализма созрели не в одной стране, а в разных точках. Германия в 1918 году представляла собой страну образцовой капиталистической экономики, полностью готовую для социализма. Сталин писал по этому поводу, обращаясь к немецким коммунистам: *«Грядущая революция в Германии является важным мировым событием наших дней. Победа революции в Германии будет иметь для пролетариата Европы и Америки более существенное значение, чем победа русской революции шесть лет назад. Победа германского пролетариата несомненно переместит центр мировой революции из Москвы в Берлин»*¹.

Напротив, Россия с точки зрения экономического развития к социализму готова не была. С другой стороны, политически именно в России сложились условия для пролетарской революции.

Сила Октябрьской революции — подкрепление противоречий труда и капитала нерешенными противоречиями докапиталистических способов производства (помещичье хозяйство, военно-бюрократическая машина царизма, зависимость от иностранного капитала, отсталость и т.п.), благодаря которому Россия стала «слабым звеном» в цепи империализма, — заключает в себе ее же слабость. После взятия власти пролетариату пришлось решать по большей части несоциалистические задачи: индустриализация, внедрение крупного производства на селе, борьба с фашизмом. Решение несоциалистических задач (хотя бы и социалистическими методами) наложило отпечаток на всю систему общественных отношений строящегося социализма, видоизме-

---

¹ И. Сталин. Сочинения, т. 17, с. 179.

няя их, и в конечном счете способствуя капиталистической реставрации.

Трудности изолированного развития социализма таят в себе соблазн фаталистически заявить, что строить социализм в одной стране или группе стран невозможно совсем, что такой социализм обречен. На самом деле, исторический шанс прыжка в коммунизм, предоставленный историей в XX веке ряду обществ, предполагал значительное число вариантов развития, определявшихся реальной борьбой реальных социальных сил. Ретроспективно говорить о заранее predetermined исходе этой борьбы, опираясь только на факты, подтверждающие данную концепцию, значит полностью порвать с материалистическим пониманием истории и скатиться к историческому фатализму.

В СССР к концу 1930-х гг. была успешно решена задача построения социализма. Буржуазия была экспроприрована, и основные средства производства стали государственной собственностью в руках пролетарской диктатуры. Была решена и более сложная задача — миллионы мелких собственников — крестьян — были объединены в крупные коллективные сельские хозяйства.

Однако досталось это дорогой ценой. Кроме тяжелых процессов индустриализации и коллективизации, создание материальной базы социализма в СССР потребовало предоставления определенных привилегий слою специалистов, необходимых для развития науки, техники, обороны, управления и т.д. Встала задача подготовки кадров — интеллигенции, которая могла бы освоить передовую технику. Для того чтобы быстро, в экстренные сроки такую интеллигенцию вырастить, приходилось вводить и некоторое неравенство. Необ-

ходимо было создать лучшие условия для жизни «бюрократии». Конечно, это было воспроизведением неравенства, несправедливости (она не идет в сравнение с неравенством и несправедливостью капитализма, но все же), но мерой это было вынужденной. Внедрить новую технику, развить производительные силы (без чего бюрократию не уничтожить) невозможно было без бюрократии — такова диалектика.

Это очень хорошо понимал Сталин: *«Только в том случае, если перегоним экономически главные капиталистические страны, мы можем рассчитывать, что наша страна будет полностью насыщена предметами потребления, у нас будет изобилие продуктов, и мы получим возможность сделать переход от первой фазы коммунизма ко второй его фазе»¹.*

К 1960-м годам материальная база для такого перехода в СССР была подготовлена. Если в 30-е годы лучшее, чем у большинства трудящихся положение бюрократии в массовом сознании воспринималось как нормальное явление, как состояние справедливое, то в 60-80-х гг. привилегии бюрократии стали вызывать сначала глухое недовольство, а потом и открытый протест. В 30-е годы коммунистический руководитель был героем литературных произведений, художественных фильмов, дети хотели быть похожими на него. После 60-х годов образ коммунистического руководителя не только лишился всякой романтики, но и стал прямо негативным образом. Если образ коммуниста-руководителя кинофильмов 30-х годов — это молодой, энергичный руководитель-новатор, то в брежневском кино

---

¹ И.В. Сталин. Соч., т. 14, с. 306.

коммунист-руководитель — это старый бюрократ, тормоз прогресса.

И это не случайно. Еще Маркс отмечал: то или иное общественное учреждение начинает казаться массам несправедливым, когда в недрах общества уже созрели условия для его ликвидации. В сталинский период бюрократия была прогрессивным явлением — рычагом строительства социалистического общества. В брежневский период бюрократия была уже тормозом на пути к коммунизму.

В то же время, как мы отмечали, партийные кадры формировались на решении несоциалистических задач. Соответственно, в руководстве партии к началу 60-х не осталось руководителей, способных даже поставить задачу ликвидации бюрократии и перехода к высшей стадии коммунизма. А остановка на пути ликвидации классов и товарного производства неизбежно привела к процессам «возвратного классовообразования», сращиванию бюрократии с теневым капиталом и, в конечном счете, к реставрации капитализма в 1987—1991 годах.

В Китае же, в период Мао Цзэдуна, наоборот, в наличии была политическая воля к ликвидации бюрократии и перехода к коммунизму. Целая группа высших руководителей Компартии Китая — Мао Цзэдун, Линь Бяо, Чэнь Бода, Чжан Чуньцяо, Яо Вэньюань, Цзян Цин и другие — выдвигала такую программу в ходе Культурной революции. Более того, массы морально и политически были готовы к подобному «скачку». Программа Культурной революции была поддержана широкими массами рабочих и учащихся, объединенных в организации цзяофаней и хунвэйбинов. Но в отсталом Китае с его неразвитыми производительными силами (воз-

можно, кроме Шанхая, наиболее индустриально развитого и наиболее «левого» города страны) отсутствовали всякие материальные условия для действительного уничтожения бюрократии на основе ликвидации разделения труда. «Свержение» со своего поста одного бюрократа приводило к возникновению нового и т.д. Поэтому и процессы Культурной революции вылились в конечном счете в бесплодные столкновения многочисленных группировок, которые вынуждены были прекратить сами левые.

СССР и Китай в 1960—1970-е годы представляли собой как бы две половинки одного целого (как Германия и Россия в 1917—1918 годах). В СССР существовали экономические предпосылки перехода к коммунизму, в Китае — политические. Эта трагическая для мировой истории ситуация привела в первом случае (Германия — Россия) к возникновению фашизма в Германии и тяжелым родовым мукам социализма в СССР, во втором случае (СССР — Китай) — к реставрации капитализма в СССР и Китае.

Как гласит старая китайская пословица: «Одной рукой в ладоши не хлопнешь», развитие общества требует соединения экономических и политических предпосылок, рождаемых всемирной капиталистической системой в одно целое.

Процессы, подобные Культурной революции в Китае, были действительно необходимы в СССР в хрущевско-брежневский период — они дали бы возможность перехода к высшей стадии коммунистического общества. В Китае же они были способны лишь отсрочить реставрацию капитализма и сохранить завоевания национально-демократического этапа революции.

Экономика Культурной революции

Обычно Культурную революцию в Китае рассматривают как чисто политическую кампанию. Это неверно. Культурная революция была прежде всего попыткой социально-экономического переворота гигантского масштаба.

Также, вопреки распространенному мнению, Культурная революция вовсе не была «экономической катастрофой». Как раз наоборот. За разрушительными 1967—1968 годами, когда процессы «захвата власти» и борьба между массовыми организациями хунвэйбинов и цзяофаней действительно дезорганизовали производство, последовали годы бурного роста, которые позволяют назвать период Культурной революции периодом наиболее динамичного развития китайской экономики за всю историю. Это стало, в том числе, и результатом того, что управление производством после побед Культурной революции было организовано на новых основаниях. Управление промышленными предприятиями перешло от инженерно-технических работников к революционным комитетам, большинство членов которых было рабочими.

Как отмечает очевидец событий, француз Жан Делен, руководство предприятиями до Культурной революции характеризовали *«антидемократические методы управления, стремление навязать рабочим выполнение решений инженерно-технических работников без какого-либо их обсуждения»*. Борьба, продолжает Делен, рассказывая об изменениях в управлении Пекинского станкостроительного завода, *«приняла форму соперничества представлений об управлении предприятием; вос-*

торжествовали те, кто сумел навязать свои взгляды большинству рабочих. Те инженерно-технические работники, которые после критики признали свои ошибки, были в конце концов допущены в революционный комитет. Лишь двое из них были наказаны и переведены на работу в цех, где им открывалась возможность «исправить свой образ мышления производительным трудом»². Новое руководство предприятия ставит своей задачей «привлечь всех рабочих к участию в жизни предприятия», отмечает Делен.

Самое важное экономическое мероприятие Культурной революции — прекращение выплат национальной буржуазии. Система выплат была введена после победы народной власти, с целью не допустить резких выступлений буржуазных элементов против нового строя. Бедная на грамотные по части производства инженерные и управленческие кадры, коммунистическая партия вынуждена была часто ставить во главе предприятия бывшего капиталиста. И такая ситуация продолжала воспроизводиться. В 1955 году лишь 28% студентов были выходцами из семей рабочих и крестьян. В 1965-м их доля увеличилась до 49%, что все равно было крайне мало. «Все иностранцы, побывавшие в Китае до Культурной революции, поражались тому, что чаще всего им приходилось иметь дело с представителями администрации непролетарского происхождения. Нередко директором завода бывал ветеран революционных битв, а рядом с ним работал технический директор, принадлежавший к бывшему правящему клас-

¹ Речь идет не о навязывании, а о убеждении большинства рабочих. Вероятно, имеет место неточность перевода.

² Делен Ж. Экономика Китая. М., 1972, с. 130.

су»¹. Естественно, в своей массе бывшие капиталисты сожалели о потерянных классовых привилегиях и надеялись их вернуть. Культурная революция была направлена, тем не менее, своим острием не против представителей национальной буржуазии, а против правых в партии, которые объективно отражали влияние этого слоя на политические процессы. Так, Лю Шаоци и Дэн Сяопин настаивали на «укреплении народно-демократического строя», а то время как Мао Цзэдун настаивал на необходимости «пролетарской культурной революции». Разница очевидна.

Изменение форм управления производством и переход к полностью государственной собственности в промышленности от смешанной (государственно-частной) дало впечатляющие результаты в промышленном производстве. За период с 1966 по 1976 год, то есть за период Культурной революции, валовой национальный продукт вырос с 306,2 до 543,3 млрд. юаней, или на 77,4%. Среднегодовые темпы прироста производства промышленной продукции в 1966—1970 годах составляли 11,7%, что выше, чем в период рыночных «реформ» (около 9%). Рост в тяжелой промышленности был еще выше, в 1966—1970 годах составляли 14,7%, в то время как в период первой «реформаторской» пятилетки (1981—1985) — 9,6%. Следует учитывать, что в период «реформ» Китай интенсивно привлекал иностранный капитал, в то время как в годы Культурной революции развитие осуществлялось за счет внутренних ресурсов. С 1965 по 1975 год добыча угля увеличилась в 2 раза, нефти — в 6,8 раза, газа — в 8 раз, стали — в 1,9 раза, цемента — 2,8 раза, металлорежущих

---

¹ Делен Ж. Экономика Китая. М., 1972, с. 123.

станков — в 4,4 раза, тракторов мощностью более 20 лошадиных сил — в 8,1 раза, а маломощных тракторов — в 52,2 раза, минеральных удобрений — в 3 раза, хлопчатобумажных тканей — на 49,2%¹. В сельской местности Китая в 1973 году было 50 000 малых гидроэлектростанций (для сравнения: в 1949 году — 26); снабжение сельских областей электроэнергией увеличилось в 1973 году на 330% в сравнении с 1965 годом.

В период Культурной революции было построено 1570 крупных и средних промышленных объектов. Китай овладел новейшими технологиями, необходимыми для производства ядерного оружия и космических полетов.

Экономические успехи Культурной революции отмечает и французский экономист Шарль Беттельхейм: *«Никакого длительного застоя или регресса в экономике страны не было. Между 1965 г., последним годом перед Культурной революцией, и последними годами, для которых у нас есть оценки, не было никакого застоя. Производство электроэнергии увеличилось с 42 до 108 млрд. кВт-ч (в 1974 г.), производство стали — с 12,5 до 32,8 млн. тонн (в 1974 г.), угля — с 220 до 389 млн. тонн (в 1974 г.), нефти — с 10,8 до 75—80 млн. тонн (в 1975 г.). Говорить о длительном периоде застоя и даже регресса — значит совершенно расходиться с действительностью и просто становиться жертвой клеветы на саму Культурную революцию».*

Об изменении системы управления и стимулирования труда в сельском хозяйстве в годы Культурной революции рассказывает шведский журналист Ян Мюр-

---

¹ Данные по: 40 лет КНР. М., 1989, с. 522; Энциклопедия нового Китая. М., 1989, с. 217.

даль: «Раньше каждой работе приписывалась некоторая стоимость. Столько-то или столько-то трудодней за каждое задание. В 1963—1965 гг. эта система имела тенденцию развиться в сдельщину.

Это привело к тому, что одни работы были индивидуально более выгодны, а другие менее. Управлявшие работой были также в состоянии — распределяя работу — влиять на доходы отдельных членов бригады...

Произошло следующее: работу стала оценивать небольшая группа руководящих кадровых работников, которые также распределяли задания. И это было плохо. Так как в случае перевыполнения производственного плана выплачивались премии, люди соблазнились занижать плановые цели производства... Это наносило тяжкий ущерб нашей экономике, подрывало ее. Инвестиции делались согласно запланированному производству. Таким образом, некоторые могли присваивать деньги, которые на самом деле должны были пойти на совершенно необходимые инвестиции.

Это было несправедливо. Хотя каждый трудился, некоторые получили более высокие доходы, а некоторые — все меньшие. Каждый работал на себя...

Базой введенной теперь новой системы распределения доходов было то, что все члены, трудящиеся или нет, должны получать основное обеспечение в виде зерна. Доход от труда был дополнением к этому основному обеспечению.

После дискуссий, однако, все формы сдельной работы были отменены. Поэтому не велось никакого учета, ни кем какая работа была выполнена, ни индивидуальной производительности. Отмечалось только ежедневное посещение работ. Это означало, что какую работу ни выбирай, на доходы это не влияет. Вскапываешь или

жнешь, доставляешь удобрения из города или работаешь на фабрике по производству лапши, трудовой день имеет одну и ту же стоимость.

Кроме того, стало возможным покончить с большей частью бухгалтерской работы — таким образом высвободив больше труда для производства.

Но, конечно, люди работают по-разному. И отношение к труду различается. Трудовой день одного человека — не такой, как у другого. Это следовало учесть.

Поэтому личная трудоспособность каждого оценивалась на ежегодном собрании. Эта оценка учитывала не только физическую силу, но также и другие факторы: опыт, бережливость в обращении с коллективной собственностью, политическая сознательность. Оценка не определялась никаким комитетом или группой специалистов. На ежегодном собрании каждый человек вставал и говорил, чего, по его мнению, стоил его трудовой день: 7 трудовых единиц, 9 трудовых единиц. После чего собрание обсуждало точность этой оценки и затем решало, сколько действительно должен стоить трудовой день этого работника...

Но чтобы осуществить эту систему распределения доходов на практике, жизненно необходимо, чтобы работники сознавали, что работают на общее благо. Только если они ставят политику на первое место, труд может вознаграждаться таким образом.

В Лю Лин преобладало мнение, что эта система показала себя работоспособной. Утверждение Лю Шаоци, что каждый человек должен работать на себя, было попросту неправдой. Люди не становились "более ленивыми" только потому, что никто не измерял, сколько они сделали, час за часом. Никто не избегал тяжелой строительной работы только потому, что мог "зара-

батывать так же много", толкая тележку с удобрением. Была доказана ошибка тех, кто предупреждал о "врожденных лени и эгоизме" народа¹.

Таким образом, и в сельском хозяйстве были сделаны попытки перейти к формам вознаграждения за труд, свойственным высоким стадиям развития коммунистического общества. Конечно, материальной базы для такого перехода в Китае еще не было, и долго продержаться такая система не могла. Но само стремление масс к коммунизму показательно. Также, такая система вовсе не была «неэффективной» или «утопичной», она дала вполне ощутимые экономические результаты. Так, валовой сбор продовольственных культур вырос с 214 млн. тонн в 1966 году до 286 млн. тонн в 1976-м, или на 34%, общее поголовье скота выросло за тот же период на 12,8%².

Массы в ходе Культурной революции явно выступили против частнособственнического уклада хозяйства и всего, что с ним было связано. Вот, например, один из документов — «Последний ультиматум хунвэйбинов идей Мао Цзэдуна», выпущенный штаб-квартирой хунвэйбинов средней школы № 66. В нем говорится: «Все таксомоторные парки должны немедленно прекратить работу. Все такси должны быть переданы либо в деревню, либо воинским частям... Все магазины, которые продают гробы и одеяние для мертвых, должны немедленно прекратить работу... Магазины, которые продают товары для новобрачных и подарки, должны быть закрыты немедленно... Все винные погребки и

¹ Jan Myrdal. China: The Revolution Continued, p. 81—83, 104—105.

² 40 лет КНР. С. 527.

чайные, без которых можно обойтись, должны быть опечатаны... Кабинеты частных врачей должны немедленно прекратить свою работу; врачи должны ждать, пока государство их трудоустроит»¹. Хунвэйбины требовали «расправиться с капиталистами», «ликвидировать остатки эксплуатации в стране», «упразднить высокое жалованье капиталистам», «снять капиталистов со всех руководящих и высокооплачиваемых должностей», «выселить всех частных собственников из городов», «немедленно превратить все смешанные предприятия в государственные»².

Важнейшим результатом Культурной революции, далеко выходящим за рамки чисто политических противоречий, является ломка тысячелетия складывавшихся в Китае на базе специфического «азиатского способа производства» институтов общественного сознания, закрепленных в морально-идеологических схемах конфуцианства. Для дальнейшего развития (причем, независимо от того, капиталистического или социалистического) необходим был радикальный разрыв с этой традицией. Но такой разрыв мог быть осуществлен только силами пролетариата, как показывает опыт соседней Индии. Буржуазия этой страны так и не смогла произвести свою буржуазную культурную революцию, и сознание масс по-прежнему подчинено древним верованиям, а общество, интегрированное в мировую капиталистическую экономику, все так же, как и тысячу лет назад, воспроизводит кастовое деление.

Действительную роль процессов Культурной революции, которые европейскому или российскому обыва-

---

¹ Делен Ж. Указ. соч. С. 129.

² Лазарев В.И. Классовая борьба в КНР. М., 1981, с. 170.

телю кажутся нелогичным отступлением от «нормального» развития, являлись на самом деле единственным и самым важным условием дальнейшего развития страны. Это понимали и многие из европейцев. Например, француз Жан Делен писал в своей книге «Экономика Китая»: *«Идеи Мао и их почти чудодейственные свойства, которые им приписывают в Китае, подвергались осмеянию. Действительно, пропаганда режима часто так превозносит их, что мы не можем не поражаться, но катехизис гражданской добродетели, каким является «Красная книжечка», является фактором прогресса. Если ее эффективность трудно постигается представителями западных стран, которые совершали свою «культурную революцию» на протяжении нескольких веков, то это происходит потому, что они плохо понимают, насколько отсталым является сознание крестьян. О проделанных за короткий период преобразованиях свидетельствует заявление директора одной народной коммуны иностранцу: «В старое время (т.е. до 1949 года) крестьяне приписывали болезни растений действиям богов и ничего не предпринимали для борьбы с ними. Сейчас каждая производственная бригада имеет человека, занимающегося выявлением наиболее распространенных болезней и средств борьбы с ними. До Освобождения крестьяне верили, что дождями управляет бог-дракон, а в настоящее время они знают их научные причины»¹.*

Молодые хунвэйбины, свергающие старых партийных бюрократов, и были радикальным разрывом с конфуцианской традицией, тысячелетия закреплявшей авторитет власти, семьи и старшего поколения.

---

¹ Делен Ж. Указ. соч. С. 29.

Радикальный разрыв выступал не только как классовый конфликт пролетариата против национальной и мелкой буржуазии и связанных с ней представителей партийной бюрократии, но и как конфликт поколений, «отцов и детей». Так, одним из результатов Культурной революции стал тот факт, что командные посты заняли представители нового поколения китайцев. Например, в Шанхае в 1974 году из 50 тысяч руководителей административных органов, управлений, заводов, торговых предприятий половину составляли люди моложе 30 лет¹.

Конфуцианская традиция оказалась несовместима с дальнейшей модернизацией страны, с ней невозможно было бы ни социалистическое развитие Китая, ни даже сегодняшние «чудеса» «рыночного социализма». Но, ликвидировав «надстроечные» (т.е. политические, культурные, моральные и т.п.) препятствия для ускоренного движения к коммунизму, Культурная революция столкнулась на определенном этапе с чисто экономической проблемой, которую уже нельзя было решить просто еще большим напряжением сил народных масс, как это делалось раньше.

Проблема индустриализации, частично решенная в годы Большого скачка, все еще очень остро стояла в 60—70-е годы. Но если в период Большого скачка индустриализация осуществлялась за счет поставок оборудования и кредитов из Советского Союза и других социалистических стран, то после охлаждения отношений этот путь индустриализации был закрыт (с этим, а не с «утопизмом» или «волюнтаризмом», собственно, и связан провал экономически обоснованного Большо-

---

¹ Лазарев В.И. Указ. соч. С. 205.

На Украине голод мор с
этим связан.

го скачка). Не мог Китай осуществлять индустриализацию и за счет экспорта продуктов сельского хозяйства, как в начале 30-х делал СССР. Продукция сельского хозяйства едва покрывала потребности быстро растущего населения, и увеличение экспорта сельхозпродукции неминуемо привело бы к голоду. Экспорт сырья также не мог покрыть потребности китайской экономики в современных машинах, так как Китай беден на природные ресурсы.

С начала 60-х до примерно начала 70-х эта проблема могла решаться и довольно успешно решалась путем напряжения внутренних резервов страны. Но к концу 60-х — началу 70-х внутренние резервы были исчерпаны.

В этой ситуации левые и правые силы в КПК предлагали различные пути дальнейшего развития. Правые предлагали пойти на уступки развитым капиталистическим странам и в обмен на изменение внешнеполитических ориентиров получить кредиты и инвестиции. После смерти Мао этот курс полностью восторжествовал в форме продажи партийной бюрократией дешевой рабочей силы международным капиталистическим монополиям. Проблема промышленного развития была решена, но промышленность эта была уже не китайская, а американская, японская, германская и т.д., а если и китайская, то подчиненная через мировой рынок интересам крупнейших империалистических стран.

Левые в КПК не дали удовлетворительного ответа на вставший очень остро в тот период вопрос. Наиболее реалистичное решение было выдвинуто группой Линь Бяо — Чэнь Бода. Фактически они могли предложить лишь пойти на улучшение отношений с СССР и включиться в международное разделение труда в рам-

ках социалистического содружества. Однако это означало бы отказ по крайней мере от части левых политических установок. Таким образом, левые оказались в этот период в ловушке, что отразилось в решениях IX съезда КПК, отвергнувшего курс правых на сотрудничество с капиталистическими странами, но и не открывшего дороги для улучшения отношений с СССР. На деле был закреплен тупиковый курс на внешнеполитическую изоляцию.

В тот период левые в КПК попали в ситуацию, описанную в отношении другого исторического периода Энгельсом: *«Самым худшим из всего, что может представлять вождю крайней партии, является вынужденная необходимость обладать властью в то время, когда движение еще недостаточно созрело для господства представляемого им класса и для проведения мер, обеспечивающих это господство. То, что он может сделать, зависит не от его воли, а от того уровня, которого достигли противоречия между различными классами, и от степени развития материальных условий жизни, отношений производства и обмена, которые всегда определяют степень развития классовых противоречий. То, что он должен сделать, чего требует от него его собственная партия, зависит опять-таки не от него самого, но также и не от степени развития классовой борьбы и порождающих ее условий; он связан уже выдвинутыми им доктринами и требованиями, которые опять-таки вытекают не из данного соотношения общественных классов..., а являются плодом более или менее глубокого понимания им общих результатов общественного и политического движения. Таким образом, он неизбежно оказывается перед неразрешимой*

дилеммой: то, что он может сделать, противоречит всем его прежним выступлениям, его принципам и непосредственным интересам его партии; а то, что он должен сделать, невыполнимо»¹. Перед такой дилеммой встали и левые лидеры КПК, близкие к Мао Цзэ-дуну. Причем, пути решения дилеммы ими были предложены различные, что и привело к расколу в «штабе Мао Цзэдуна». Группа Линь Бяо — Чэнь Бода предлагала делать то, что «должно» делать, члены будущей «банды четырех» — найти определенный компромисс между тем, что «должно», и тем, что «можно».

С ликвидацией группы Линь Бяо — Чэнь Бода восторжествовал компромиссный курс: оставшиеся левые (Мао Цзэдун, Кан Шэн и «четверка» — Цзян Цин, Яо Вэньюань, Чжан Чуньцяо, Ван Хунвэнь) принимали внешнеполитический курс правых на обострение отношений с СССР и восстановление связей с капиталистическими странами, а правые принимали левый внутривнутриполитический и экономический курс.

Дело Линь Бяо

Раскол в руководящей группе левого крыла Компартии Китая произошедший в 1970–1971 годах и приведший к ликвидации группы Линь Бяо — Чэнь Бода стал результатом кризиса политики Культурной революции, выразившегося в противоречии между конечными коммунистическими целями движения и наличными материальными условиями Китая. Линь Бяо и Чэнь Бода составляли крайне левое на тот момент крыло партии, они не собирались отступить от выдвинутой в начале Культурной революции программы и идти на

¹ К.Маркс, Ф.Энгельс. Избр. соч. В 9 т. Т. 3, с. 404—405.

какой-либо компромисс с правыми, даже под давлением объективной необходимости.

Линь Бяо стал знаковой фигурой левого поворота в гомпартии — именно он заменил на их постах лидеров правых — сначала Пэн Дэхуая, а затем Лю Шаоци.

Чэнь Бода (родился в 1904 году) — менее известная, чем Линь Бяо, фигура, однако в истории Культурной революции он также занимает значительное место. Чэнь был выдающимся теоретиком и образованным марксистом. Именно его назначают руководить Группой по делам Культурной революции, он же возглавляет редакцию теоретического журнала партии «Хунци». Чэнь Бода наиболее активно выступает против курса на сближение с капиталистическими государствами. С его ликвидации и начинается поворот вправо. В сентябре 1970 года Чэнь Бода убирают со всех руководящих постов и репрессируют.

Через год — в сентябре 1971 года — при загадочных обстоятельствах гибнет Линь Бяо. Самолет с ним и его семьей разбивается на территории Монголии. Линь Бяо поставили в вину заговор против Центрального комитета и Мао Цзэдуна. Однако эта версия уже тогда не выдерживала никакой критики — Линь Бяо занимал второй пост в ЦК, а сам комитет состоял из его близких сторонников чуть ли не на треть. До этого никаких противоречий между Линь Бяо и Мао не было замечено, председатель сам выдвинул его в качестве своего преемника.

Однако действительная причина состояла в том, что Линь Бяо не был готов принять компромисс с правыми, который предлагал заключить Мао. В обмен на сохранение внутренних результатов Культурной револю-

ции Мао был готов пойти на одобрение правого внешнеполитического курса. Учитывая позицию Линь Бяо и Чэнь Бода, такой компромисс не мог быть реализован кроме как через устранение их группировки.

Показательно, что сам Мао долгое время после гибели Линь Бяо и официального осуждения маршала вообще не высказывался на этот счет. Даже на X съезде КПК доклад о «деле Линь Бяо» читал Чжоу Эньлай. Таким образом, Мао подчеркнуто дистанцировался от всей истории с главнокомандующим.

Именно в этот период начинается улучшение американо-китайских отношений и отход Китая от классовой внешнеполитической линии.

Тупик Культурной революции и поражение левых

В период 1970—1973 годов в руководстве партии произошел сильный правый поворот. X съезд КПК, отчасти закрепивший его результаты, состоялся в августе 1973 года, то есть через два года после устранения Линь Бяо и его группировки с руководящих постов. Тем не менее, только на X съезде правые решились открыто выступить с его критикой. Другой победой правых было то, что с отчетным докладом на X съезде выступил Чжоу Эньлай.

Мао Цзэдун вообще не выступал на этом съезде. Или если выступал, то его речь не была опубликована. Сам Председатель как-то сказал, что на X съезде он стал «идолом в храме королевских предков с трижды зашитым ртом». Компромисс «штаба Мао Цзэдуна» и правых в партии привел к значительному поправлению курса.

На X съезде в число членов Постоянного комитета Политбюро ЦК КПК не были включены левые лидеры Цзян Цин и Яо Вэньюань, из левых туда прошли только Чжан Чуньцяо и Ван Хунвэнь. В тот же период произошла реабилитация около двух десятков старых членов ЦК, подвергнутых критике в ходе Культурной революции. Важным симптомом было и возвращение к власти «каппутиста №2» Дэн Сяопина. Колесо истории начало раскручиваться в обратную сторону.

Правда, экономические результаты Культурной революции оставшимся в руководстве партии левым удавалось сохранить вплоть до 1978 года. Тем не менее, сами эти результаты были противоречивыми. Это понимали и левые. Вот, что писал по вопросу дальнейшего экономического и политического развития страны ведущий теоретик левых Чжан Чуньцяо в 1975 году в статье «О всесторонней диктатуре над буржуазией»¹:

Он отмечает, что «в промышленности, сельском хозяйстве и торговле еще существует доля частной собственности; социалистическая общественная собственность еще не является полностью общенародной, а представляет собой две формы собственности; общенародная же собственность в сельском хозяйстве как основе народного хозяйства еще очень слаба. Маркс и Ленин, предполагая, что в социалистическом обществе уже не существует буржуазного права в сфере собственности, имели в виду, что все средства производства уже принадлежат всему обществу. Очевидно, что мы еще не дошли до этого».

---

¹ Чжан Чуньцяо. О всесторонней диктатуре над буржуазией. Пекин, Издательство литературы на иностранных языках, 1975.

Тем не менее «в вопросе собственности, как и в других вопросах, нельзя смотреть только на форму, надо еще смотреть и на действительное содержание». Здесь, очевидно, есть намек на разделение между формальным и действительным обобществлением, о чем писали и советские ученые, в том числе Э.В.Ильенков.

Поэтому, Чжан Чуньцяо продолжает: «Необходимо также иметь в виду, что теперь у нас осуществляется товарная система... Это положение... за короткий срок не изменишь». Китайский марксист понимает, что переход к бестоварной коммунистической экономике невозможен без развития производства: «Пока общенародная собственность тоже не может обеспечить изобилие продуктов, достаточное для распределения по потребностям среди 800-миллионного населения, можно только продолжать товарное производство, обмен через посредство денег и распределение по труду».

Пока соответствующий уровень производства не достигнут, возможна реставрация капитализма, существует «неизбежность развития капиталистических факторов в городе и деревне и появления новых буржуазных элементов». Борьбаться против этого Чжан Чуньцяо предполагает, призывая массы «осуществлять всестороннюю диктатуру над буржуазией»: «Если не ограничивать этого, то капитализм и буржуазия неизбежно будут развиваться еще быстрее. Следовательно, мы ни в коем случае не должны ослаблять бдительности от того, что мы завоевали великую победу в преобразовании собственности и провели однажды Великую пролетарскую культурную революцию. Необходимо иметь в виду, что экономический базис у нас еще не прочен, что буржуазное право в области собственности еще не со-

всем ликвидировано, еще крепко держится во взаимоотношениях людей и господствует в области распределения». Не следует «ни в коем случае останавливаться на полпути», подчеркивает он.

Этот совершенно верный анализ проведен уже тогда, когда левые не являются ведущей группировкой в КПК. Шанхайская группа и Цзян Цин еще держатся у власти, хотя частично уже и оттеснена правыми. Кан Шэн умер в конце 1975 года. Мао Цзэдун серьезно болен и не имеет физической возможности заниматься политикой в прежних объемах, с ним считаются все меньше и меньше.

К тому же анализ Чжан Чуньцяо не дает никакого ответа на вопрос, вставший острейшим образом еще в 1970—1971 годах: откуда же взять средства для продолжения промышленного развития, чтобы смогло возникнуть *«изобилие продуктов, достаточное для распределения по потребностям»?* Вероятно, Чжан Чуньцяо, выступивший в данном случае рупором левой группировки КПК, рассуждал следующим образом: развитие контактов с капиталистическими странами и уступки правым в этом вопросе в настоящий момент неизбежны, но, чтобы все эти процессы не привели к реставрации капитализма, правых нужно поставить под контроль *«всесторонней диктатуры над буржуазией»*, которая будет осуществляться массами под руководством левого крыла КПК.

В реальности эта схема оказалась не более чем теоретической абстракцией, не имевшей реальной базы в существующих общественных отношениях Китая и раскладе классовых сил в стране и мире.

На деле оказалось невозможным сохранить экономические формы, рожденные Культурной революцией.

9 сентября 1976 года умирает председатель ЦК КПК Мао Цзэдун. Его смерть мало что меняет в соотношении политических сил — тяжело больной председатель уже давно почти ничего не решает — смерть Мао становится сигналом противоборствующим группировкам в КПК к открытому выступлению.

Левые к тому времени, как видно из статьи Чжан Чуньцяо, уже не видят дальнейших перспектив и, кроме попыток «ночь простоять да день продержаться», ничего не предпринимают. Их политика периода 1966—1971 годов уже зашла в тупик — та ее часть, что нужна была для модернизации страны и ликвидации пережитков феодализма была выполнена, а та часть, которая предполагала переход к коммунизму, не могла быть выполнена в силу полного отсутствия материальных условий.

Левые оказались в ситуации, похожей на ту, в которую попали большевики по окончании Гражданской войны — созданная в тот период экономическая система «военного коммунизма» уже перестала работать, революция в развитых странах Европы потерпела поражение, и большевики вынуждены были пойти на отступление в форме новой экономической политики. Но устроить «китайский нэп» левые не могли по той причине, что массы, на которые они опирались, были все еще захвачены уравнительными идеями Культурной революции и не приняли бы такого поворота. Этот поворот предстояло совершить правым, а знаковой фигурой «китайского нэпа» стал вернувшийся к власти Дэн Сяопин.

В ночь с 6 на 7 октября 1976 года Чжан Чуньцяо, Ван Хунвэня, Яо Вэньюаня и Цзян Цин просто напросто арестовывают. Какое-то время их арест держится в тайне, по стране прокатываются волнение, но в целом правым удается удержать ситуацию в своих руках. Некоторое время пытаются сопротивляться шанхайские левые, делая громкие заявления, что им нужно «как Парижской коммуне» продержаться несколько дней, пока не поднимется вся страна. Однако страна не поднялась, если не считать отдельных столкновений, порой даже вооруженных, рабочих организаций с силами правых. В общем-то правым сравнительно легко удалось захватить власть в свои руки потому, что материальные условия для господства левой линии были исчерпаны, а на «самотермидоризацию» левые не были готовы пойти.

НЕОЛИБЕРАЛЬНАЯ ГЛОБАЛИЗАЦИЯ

Нефтяной кризис и его последствия

Проиграв в Чили борьбу за медь, страны «третьего мира» начали другую борьбу — борьбу за нефть.

Нефть после Второй мировой войны превращается в стратегический товар для всей мировой экономики. Это делает Ближний Восток, где сконцентрированы значительные запасы «черного золота», центром пересечения интересов различных империалистических сил.

Объединенные в Организацию стран — производителей нефти (ОПЕК) страны, большую часть которой составляли государства Ближнего Востока, в знак протеста против поддержки империалистическими странами Израиля в арабо-израильской войне, объявляют Европе и США нефтяной бойкот, поднимая цены на этот продукт в четыре раза. С политической точки зрения эта тактика не принесла успеха — роль Израиля, как главного инструмента имперской политики Запада на Ближнем Востоке только возросла, но экономически империализм был атакован «с тыла».

Энергоемкие экономики Запада погружаются в кризис, который оказался очень глубоким и неожиданным для аналитиков буржуазии, привыкших к «бескризисному» кейнсианскому капитализму 1950—1960-х.

Взлет нефряных цен был, однако, только толчком, причина глубокого кризиса заключалась в ином. Кейнсианская модель исчерпала себя ко времени краха 1973 года, и она должна была уступить свое место неолибе-

*Важно отметить, что
документы с шарами \$!*

ральной модели с ее «глобализацией». Кейнсианская модель базируется на расширении потребления наемных работников, но к началу 1970-х это расширение достигло своих пределов. С точки зрения капиталистов оно становится непомерным и экономически неэффективным. Капиталистам приходится продавать свои акции трудящимся, чтобы вновь вернуть в оборот деньги, выданные в виде зарплаты. Но и это не помогает: рост, основанный на конвейерном производстве, замедляется и его расширение в метрополии уже не может служить прочной базой для роста социальных гарантий. Взлет цен на нефть вообще выбил почву из-под ног «общества потребления». Глобальный капитализм должен был изменить свою стратегию и внутренне перестроиться, чтобы приспособиться к новым условиям.

Нефтяной кризис был сильным ударом по империализму, он ослабил его и дал шанс революциям в «третьем мире», которые прокатились по всем континентам: Гвинея-Бисау (1973), Южный Вьетнам (1974—1976), Эфиопия (1974), Мадагаскар, Лаос, Мозамбик, Ангола (1975), Гренада, Никарагуа, Зимбабве, Иран, Афганистан (1979). В странах «центра» кризис также откликнулся потрясениями: в ноябре 1973 года рабочие и студенты Афин восстали против фашистского режима «черных полковников», 25 апреля 1974 года пал самый старый фашистский режим Европы — диктатура Салазара в Португалии. В 1974 году сменились правительства во всех ведущих странах «центра» — всеобщая забастовка свалила кабинет консерваторов в Британии, пало правительство Вилли Брандта в ФРГ, японский премьер К.Танака и итальянский президент Д.Леоне лишились своих постов по обвинению в коррупции.

Но помощь мировому капитализму пришла «откуда не ждали». Брежневская бюрократия фактически предала солидарность с «третьим миром» и его нефтяной блокадой, активно включившись в мировую капиталистическую систему в качестве поставщика сырой нефти. За счет нефтедолларов руководство КПСС планировало решить многочисленные проблемы, которые возникли у Советского Союза в экономике и которые были не только не решены, но и усугублены рыночной реформой 1965 года. Теперь включался «компенсационный механизм»: за счет нефтяных вливаний можно было поддерживать экономику и подкупать население «брежневским изобилием» — советским вариантом общества потребления. С этого времени начинается интеграция в мировую капиталистическую систему Советского Союза и восточноевропейских стран, причем на невыгодном положении поставщиков сырья.

Предпочтя не революционное решение проблемы — как вовне (поддержка революции в странах капитализма), так и внутри (переход к коммунистическим отношениям), — а реформистское, руководство КПСС предопределило печальную судьбу социализма в СССР.

Кризис приводит к резкому удешевлению кредита, в развитых странах теперь кредит дают под процент, который только-только превышает инфляцию, а иногда дают и под такой процент, который перекрывается инфляцией. Инфляция во время кризиса и правда резко подскочила во всех странах капиталистического «центра». Низкие процентные ставки были не жестом «доброй воли» со стороны банкиров, а жесткой необходимостью — спад производства не позволял эффективно вкладывать деньги, и они остались бы мертвым грузом, если бы не отдавались «в рост».

Эти дешевые кредиты пользовались очень большой популярностью не только в странах «третьего мира», но и у социалистических стран. Кредиты очень часто брались под экономически плохо просчитанные проекты, которые затем провалились.

В этих условиях началась стремительная реинтеграция СССР в мировую капиталистическую систему. В 1970—1975 годах оборот внешней торговли СССР вырос в 2,3 раза и продолжал расти, в основном за счет торговли с капиталистическими странами. Сырьевая составляющая возрастала в структуре экспорта. Так экспорт машин и оборудования снизился за период 1970—1987 годов с 21,5% до 15,5%, зато экспорт топлива вырос с 15,6% аж до 46,5%¹.

Параллельно Восточная Европа становилась рынком сбыта для продукции европейских монополий, в основном — немецких и французских, — здесь к 1975 году реализовывалось 22% продукции машиностроения ФРГ. Так брежневский социализм помогал западноевропейскому капитализму выйти из кризиса.

Однако, когда нефтяные цены стабилизировались, а пик кризиса миновал, процентные ставки по кредитам вновь поползли вверх. Дешевые кредиты оказались очередной порцией бесплатного сыра, располагавшегося в империалистической мышеловке. Внешний долг социалистических стран стремительно рос. К 1981 году долги Польши выросли до \$24 миллиардов, Советского Союза — до 12,4, ГДР — 12, Венгрии — 6,9, Румынии — 9,8. Социалистические страны предпринимают отчаянные попытки сократить задолженность и в отличие от стран «третьего мира» это им отчасти удается. В 1984 году долг СССР уже лишь \$4,2 миллиарда,

---

¹ СССР в цифрах в 1987. М., 1988, с. 32—33.

ГДР — 6,7, Румынии — 6,5, Венгрии — 5,1. Но приходится сократить инвестиции в собственную экономику, замедлился рост уровня жизни, а кое-где и вовсе начал снижаться, перестал работать брежневский механизм «компенсации».

Первой из соцстран последствия этого почувствовала Польша, которая больше всех втянулась в кредитную авантюру. Здесь в 1980 году профсоюз, а по сути — политическая организация «Солидарность» возглавила массовый протест, руководству пришлось ввести военное положение. Кстати, Польша так и не смогла в 1980-х годах снизить долговое бремя, оно даже возросло до \$28,1 миллиарда в 1984 году.

Чтобы отдавать долги, все больше товаров, которые раньше шли на рынок социалистических стран, приходилось отправлять на экспорт. Вырос дефицит, который теперь в гораздо меньшей степени компенсировался за счет импорта с Запада, потому что доход от экспорта сырья опять же шел на обслуживание внешнего долга. Изобилие заканчивается, «застой» превращается в спад.

Отказавшись в 1960-е годы от движения к коммунизму, руководство СССР вынуждено было «компенсировать» этот отказ от социального развития развитием потребления населения, фактически — подкупом. Но когда этот механизм перестал работать, «назад» (к коммунизму) пути уже не было и советской бюрократии ничего другого не оставалось, как окончательно реставрировать капитализм. Фактически же советская экономика начала обслуживать интересы накопления капитала в империалистических странах еще задолго до Горбачева, который лишь довел «брежневский» курс до логического конца.

Итак, именно в 1960—1970-е годы Советское государство окончательно превращается из фактора мировой революции в помощника мировой контрреволюции, поддерживая ее экономически — включением социалистических экономик в капиталистическое мировое разделение труда (эта реинтеграция стала одним из факторов перехода от «социального государства» к неолиберализму, таким образом, Брежнев, как это ни парадоксально, может считаться одним из отцов «глобализации»), и политически — поддерживая и насаждая реформизм в коммунистических партиях.

Коммунистические партии Запада идут вправо даже дальше своего «старшего брата» — КПСС. В Италии лидер компартии Э.Берлингуэр заявляет, что необходим «исторический компромисс» с главной партией буржуазии — христианскими демократами. В Испании руководители компартии заговорили о «демократическом, самоуправляющемся, монархическом социализме». Этими манифестами заявляет о себе «еврокоммунизм», еще более правая, чем советский брежневский «марксизм-ленинизм» идеология европейских компартий.

Откат революции и левые. Реформизм и террор

Откат революционной волны 1968 — конца 1970-х заставил лидеров массового движения протеста выбрать один из двух возможных пути. Большая их часть стала банкирами, бизнесменами, высокооплачиваемыми менеджерами, буржуазными политиками. Классический пример — Йошка Фишер, кричавший в 1960-е «долой государство!», а в 1990-е ставший министром этого самого государства. Меньшая часть выбрала путь вооруженной борьбы. Однако оторванное от масс вооружен-

ное подполье выродилось в индивидуальный террор и потерпело поражение.

Тупиковость этого пути была тогда не так очевидна, как это может показаться сегодня. На первом этапе, когда революционная ситуация еще существовала, городские партизаны пользовались значительной поддержкой у пролетариата и молодежи. Такие организации, как Красная Армия Японии, немецкая Фракция Красной Армии (RAF) и итальянские Красные бригады (BR) росли, число терактов увеличивалось, акции становились все смелее.

Наибольшего успеха добились Красные бригады. Италия тяжелее всего переживала последствия кризиса 1973—1974 годов, а рабочее движение страны было наиболее активным. Фактически, Италия, вместе с Португалией, Испанией, Грецией была «слабым звеном» западноевропейского империализма. Вооруженное подполье здесь не только не было оторвано от класса, но и прямо ставило задачу его организации. В соответствии с маоистской «линией масс» Красные бригады ставили вооруженные акции в подчинение расширению Массового фронта. Создавались ячейки на заводах. Сама организация достигала 25 тысяч членов, то есть была не «группкой террористов», а скорее подпольной политической партией рабочего класса.

В 1969 году забастовки переросли в столкновения на улицах, а радикальные идеи стали проникать в ряды пролетариата: на фабриках стали возникать «комитеты базового единства», находившиеся под влиянием левого направления в коммунизме. Откалываются от компартии и возникают внепарламентские левые группы, которые в 1970 году, после горячих обсуждений, решают создавать ячейки вооруженного сопротивления. Их

задача — использование кризиса капитализма для развертывания гражданской войны. Такая стратегия пользуется поддержкой.

Но к 1977 году Красные бригады переходят к чисто террористической тактике и распускают Массовый фронт. *«Вплоть до этого момента акции были предсказуемыми, и движение несло за них ответственность. Они находились в непосредственной связи со стычками на фабриках, в школах и в жилищах. Для того чтобы возникла такая диалектическая взаимосвязь между авангардом и массами, был необходим некий измерительный инструмент, который воспринимал бы и интерпретировал бы всю совокупность движений и конфликтов. Таким измерительным инструментом был Массовый фронт... Военная концепция победила политическую. Но ведь в революции должно быть ровно наоборот»,* — анализирует деятельность Бригад их бывший активист Тонино Луис Пароли¹.

Похищение и убийство в 1978 году премьер-министра христианского демократа Альдо Моро привело к окончательной изоляции «Красных бригад» от масс. Правительство отказалось обменивать политзаключенных партизан на премьера. *«Они желали смерти Моро, поскольку знали, что это будет означать и наш конец. А мы знали, что другого выхода нет, если дело не дойдет до обмена пленными...»*² В результате этой неудачной акции *«даже рабочий класс, который раньше с нами солидаризировался и выражал нам сочувствие, по-*

---

¹ Субъективность и бунт. Интервью с Тонино Луисом Пароли о возникновении и развитии Красных бригад. Перевод с немецкого выполнен Б.М. Скуратовым и И.М. Чубаровым по изданию «Die Beute», Nr. 15/16, Winter 1997, S. 64—77.

² Там же.

вернулся против нас. Начальники остановили конвейеры и тем самым принудили рабочих к забастовкам против нас»¹, — говорит Пароли.

Таким образом, своим поражением Красные бригады обязаны не самой тактике вооруженной борьбы, а отрывом этой борьбы от масс, — во-первых, в силу изменившихся условий, во-вторых, из-за неправильной тактики, «милитаризации» борьбы, вместо «линии масс».

У подпольных групп, однако, была и изначальная идеологическая ошибка. Это возникший как реакция на правый крен официального коммунизма, левый крен. Суть этого «левого уклона» поясняет Пароли: *«Наша теория не была теорией восстания, в качестве таковой она отстаивалась в Третьем интернационале, то есть на первом месте была агитация и пропаганда, и лишь затем восстание, как в прежних революциях. Из нашего анализа мы заключили, что вооруженный конфликт уже был развязан власть имущими, и поэтому обе фазы модели классовой борьбы необходимо было соединить в вооруженной пропаганде с самого начала»².*

Практика показала, что поворот от тактики Третьего интернационала влево ведет к такому же тупику, как и поворот вправо, осуществленный коммунистическими партиями. Это, однако, не «уравнивает» ответственность правых, «прогнущихся», приспособившихся к нуждам капиталистической системы, и левое подполье, стремившееся к бескомпромиссной борьбе с системой.

Левый поворот уже нес в себе запрограммированную изоляцию от масс. Если в Италии, где ситуация для

---

¹ Субъективность и бунт...

² Там же.

революции была благоприятной, эта тенденция проявилась только после явных ошибок Красных бригад — убийства Моро и «милитаризации» борьбы, то в более спокойной Германии городские партизаны столкнулись с проблемой самоизоляции сразу. Изоляция от масс была, таким образом, для RAF принципиально оправданной и вошла в качестве одного из тезисов в программный текст организации «Концепция городской герильи»: *«Разрабатывая концепцию, мы планировали комбинировать “городскую герилью” с постепенной разъяснительной работой. Мы хотели, чтобы каждый из нас одновременно работал внутри существующих социалистических групп на рабочих предприятиях и в местных регионах, получая опыт, пытаясь влиять на дискуссии, обучаясь. Но стало ясно, что это невозможно. ...Мы уже обучены тому, что комбинировать легальную и нелегальную работу нельзя»¹.*

Этот крен на основе маоистского варианта марксизма критикует один из лидеров партии «Черных пантер» Хьюи Ньютон:

Многие «революционеры» находятся в плену ошибочного представления, что авангардная партия должна быть тайной организацией, о которой властные структуры не знают ничего, о которой не знают ничего и массы — кроме, разве что, писем, изредка приходящих в дома людей по ночам. Подпольные партии не могут распространять листовки, заранее объявляющие о встрече, которая состоится в подполье. Но эти так называемые революционеры не хотят видеть этих противоречий и несообразностей. ...Если бы эти обманщики изучили революционную историю, то они бы увидели

---

¹ Концепция городской герильи. Программный документ RAF.

ли, что авангардная организация всегда начинает работать в открытую, а в подполье ее загоняет агрессор. Пример — кубинская революция. Когда Фидель Кастро разворачивал сопротивление против палача Батисты и американских прихвостней, он начал с публичных речей в студенческом городке Гаванского университета. Впоследствии он был вынужден уйти в горы. Влияние Фиделя на массы неимущих кубинцев было огромным, и то, что он говорил, воспринималось с большим уважением. Когда он скрылся, кубинцы стали специально разыскивать его, уходить в горы, чтобы найти его и его отряд из двенадцати человек. Кастро правильно подходил к вопросу о революционной борьбе, и если мы внимательно изучим историю китайской революции, то увидим, что компартия Китая тоже работала совершенно открыто, дабы заручиться поддержкой масс. Есть еще очень много примеров успешной революционной борьбы, которые могут научить нас правильному подходу: революция в Кении, алжирская революция, которую обсуждает Фанон в книге «Весь мир голодных и рабов», русская революция, работы Председателя Мао Цзэдуна и многое, многое другое»¹.

Реформистское перерождение большинства коммунистических партий и тупик оторванной от масс вооруженной борьбы создал среди пролетариата и интеллигенции почти по всему миру разочарование в левом движении вообще. Это разочарование усугубляется поражением социалистических революций и реставрацией капитализма в Китае, СССР и странах Восточной

---

¹ Ньютон Х. О правильном подходе к революции. 20 июля 1967 года.

Европы. С этого времени начинается поворот антиимпериалистической борьбы в русло национализма и религиозной идеологии. В странах развитого капитализма теряют поддержку как «старые», так и «новые» левые.

Неолиберальный поворот Рейгана — Тэтчер

Антикризисное регулирование эпохи кейнсианства (1945—1970-е) осуществлялось за счет роста государственных расходов в странах метрополии, которые привели к созданию социал-демократического «государства всеобщего благоденствия». «Социальное государство», тем не менее, не предотвратило революционного взрыва 1968 года, а кейнсианство не спасло от кризиса.

В ходе «нефтяного» краха 1973—1975 колоссальные дефициты бюджета, созданные постоянным ростом госрасходов, привели к невиданному ранее явлению — стагфляции, то есть прогрессирующему росту инфляции в условиях экономического спада. Ранее официальная экономическая наука декларировала, что при спаде производства и росте безработицы инфляция должна снижаться.

Выход был найден в переходе к неолиберальной политике: демонтаж «социального государства», сокращение государственных расходов, частичный отказ от государственного регулирования экономики, приватизация национализированных предприятий.

Окончательно кейнсианскую модель добил кризис 1980—1982 годов. В этот период все правительства империалистических стран меняются на неолиберальные. Первой становится Британия, где правительство консерваторов Маргарет Тэтчер начиная с 1979 года насаждает неолиберализм жесткими методами. Именно за них премьер получает кличку «железная леди» (впро-

чем, в наиболее пострадавших низах общества Тэтчер получает распространение куда менее благозвучные прозвища). В 1980 году в США президентом становится Рональд Рейган, экономический блок администрации которого контролируют «чикагские мальчишки» — крайние сторонники неолиберальной модели. В 1982-м неолибералы приходят к власти в ФРГ.

Однако, чуть ранее, с 1973 года, новая экономическая политика международного капитала опробуется в Чили хунтой Пиночета, которая по-военному четко следует указаниям экспертов из Чикаго. Приводит это к экономическому спаду и катастрофическим социальным последствиям, которые хорошо известны. Однако постсоветские экономисты по-прежнему продолжают восхвалять чилийское «экономическое чудо», а неолиберальные политики мечтать о «нашем» Пиночете.

Государственные расходы сокращались следующим образом. В США (здесь мы берем данные о федеральных расходах, которые несколько меньше государственных, но отражают общую тенденцию) расходы возрастали с 1948 по 1982 год, увеличившись с 11% до 23% ВВП. Неолибералы начали снижать госрасходы: в 1991—2000 годах они снижались из года в год. В 2000 году отношение госрасходов к ВВП составило лишь 18,2%, вернувшись на уровень середины 1960-х годов. В Европе наблюдается та же тенденция: отношение общих госрасходов к ВВП стран ЕС снизилось с 51,2% в 1996 году до 47% в 2000-м.

Неолиберальная контрреволюция не ограничилась экономической сферой. Политический вектор стран метрополии также поворачивается вправо: откат революционной волны 1968—1975 годов дал почву реакции. Рейган и Тэтчер становятся на позиции жесткого

антикоммунизма, а СССР превращается из «стратегического партнера» в «империю зла». Под угрозой революции капитал принял политику «международной разрядки», Никсон ручкался с Брежневым и обещал сокращать вооружения. Теперь, когда позиции капитала были восстановлены, с коммунистами не церемонятся. Для советской бюрократии, которая потеряла к тому времени последние остатки марксистского мышления, такой поворот оказался сюрпризом. Бывшие западные «друзья» Брежнева теперь раскручивали изо всех сил колесо «холодной войны».

К тому же СССР в результате своего поведения в ходе кризиса оказался еще и в экономической зависимости от стран капиталистической метрополии, которые ко времени Горбачева начинают открыто диктовать условия советской бюрократии.

Новый длинный цикл

«Длинный» цикл, начавшийся после кризиса 1973—1974 годов, соответствует Б-фазе согласно теории Кондратьева. И это подтверждается фактическими данными. Рост производства, связанный с распространением конвейерного производства и частичной автоматизации, закончился.

Прирост производительности труда ведущих стран «центра» начинает падать с 4% в 1960—1967 и 3,7% в 1973—1979-м он сокращается до 1,6% в 1979—1984 годах. Параллельно падает и норма прибыли корпоративного капитала. С 1974 по 1983 год в семи ведущих капиталистических странах она упала до двух третей от уровня 1960—1968 годов. В промышленности падение было еще более резким — до половины уровня 60-х.

Поскольку новых технологий, развитие которых могло бы увеличить норму прибыли в странах «центра», еще нет (микропроцессор, персональные компьютеры, Интернет, мобильная связь — все это только начинает появляться или появится позже), то промышленное производство перетекает в страны «периферии».

«Третий мир» все больше разделяется на так называемые «новые индустриальные страны» и страны, которые в силу каких-то причин стали бесперспективными для мирового капитала. Среди самих новых индустриальных стран развитие также неравномерно — все больше среди них выделяются так называемые четыре «восточных тигра» — Южная Корея, Тайвань, Гонконг и Сингапур. С ними какое-то время конкурируют Мексика, Бразилия и отчасти Аргентина, но к концу 80-х — началу 90-х они явно проигрывают соревнование, капитал оттуда утекает, а промышленность стагнирует.

Рост транснациональных корпораций

Транснациональные корпорации (к ним по формальным показателям относят фирмы, имеющие годовой оборот, превышающий \$100 миллионов, и филиалы не менее чем в 6 странах) возникли в сфере международной торговли. До Второй мировой войны и они представляли скорее исключение, чем правило. Лишь во второй половине XX века начинается их рост, соответствующий возросшей интернационализации капитализма.

В 1939 году таких корпораций было всего 30. В 1970-м — уже 7 тысяч, в 1976-м — 11 тысяч с 86 тысячами филиалов. В 2004 году количество ТНК возросло до 64 тысяч с 830 тысячами филиалов.

ТНК, вслед за торговлей и финансами, интернационализируют производство. Они протягивают производственные цепочки от стран «центра», где остается в основном менеджмент, научно-технические центры, самые передовые производства, в страны «периферии», куда вывозятся грязные, низкотехнологичные части производственного процесса. Дорогой рабочей силе стран «центра» ТНК предпочли более дешевую рабочую силу «периферии», как только там с развитием национального капитализма появился достаточно грамотный, чтобы применять современное оборудование, персонал.

Это отразилось на структуре международной торговли: резко выросла доля экспорта промышленной продукции из стран «третьего мира» в страны метрополии, в то время как доля сырья и топлива упала.

Доля сырья, топлива и продукции промышленности в товарном экспорте стран «третьего мира» в развитые страны¹

Год	Сырье и переработанное сырье	Топливо	Промышленная продукция
1955	74,4%	20,4%	5,0%
1970	51,0%	33,1%	15,6%
1980	17,7%	66,4%	15,2%
1989	20,5%	24,8%	53,3%

Также вырос и абсолютный «вес» «третьего мира» в международной системе производства. Доля «периферии» в промышленном экспорте выросла за 1970—1991 годы с 7,6% общего мирового экспорта до 19,5%, а в экспорте машин — с 2,1% до 13,9.

¹ *Adrian Wood. North-South Trade, Employment and Inequality: Changing Fortunes in a Skill-Driven World, Oxford, England: Clarendon Press, 1994, p. 2.*

Передвижку ТНК в область промышленности показывают и данные об отраслевой принадлежности крупнейших корпораций.

Отраслевая принадлежность 50 крупнейших ТНК мира¹

Годы	Нефтяная	Сталелит.	Хим.	Автомобилестр.	Электротехн.
1959	12	4	4	3	6
1969	12	3	5	8	9
1979	20	3	5	11	7
1989	9	2	5	11	11

Среди крупнейших 50 мировых монополий все больше тех, чей производственный процесс меньше связан с передвижением сырья через границу, и все больше тех, чье производство теоретически могло бы существовать в национальных рамках.

Только превращение ТНК из торгово-финансовых в производственные сделало их господство тотальным и привело мировую экономику к тому состоянию, которое было названо глобализацией.

Экономическая мощь ТНК сегодня такова, что они контролируют производство, обмен и распределение в мировом масштабе.

— ТНК контролируют примерно две трети мировой торговли;

— на них приходится около половины мирового промышленного производства;

— на предприятиях ТНК работает примерно 10% всех занятых в несельскохозяйственном производстве

---

¹ Bergesen A., Fernandez R. Who Has the Most Fortune 500 Firms? // Journal of World-Systems Research. 1995. Vol. 1. № 12.

(из них почти 60% работают в материнских компаниях, 40% — в дочерних подразделениях);

— ТНК контролируют около 80% всех существующих в мире патентов, лицензий и ноу-хау.

Из 200 крупнейших транснациональных корпораций более 90% приходится на семь стран: США, Японию, Германию, Францию, Британию, Нидерланды и Швейцарию. Каждая из этих крупнейших компаний тесно связана с государством, военной и бюрократической машиной страны, в которой она располагается. Эту связь весьма цинично прослеживают сами апологеты неолиберализма: *«Скрытая рука рынка никогда не действует без скрытого кулака — «Макдональдс» никогда не может процветать без Мак-Доннелл-Дугласа, создателя самолета F-15. И скрытый кулак, поддерживающий мировую безопасность технологий Силиконовой долины, называется армией, военно-воздушными силами, военно-морским флотом и корпусом морской пехоты США»¹.*

«Голова» ТНК, располагающаяся в империалистическом центре, все больше превращается в паразитическую структуру по обслуживанию движения капитала, туда стекаются прибыли, получаемые от эксплуатации рабочей силы на капиталистической периферии. Компании, непосредственно производящие тот или иной вид продукции могут не принадлежать ТНК, а находится в ее подчинении. Таким образом, транснациональный капитал вовсе не теряет национальной привязки, основные его владельцы сконцентрированы в

---

¹ Томас Л. Фридман в газете «New York Times». Цит. по: Л. Мартенс. Революция и контрреволюция в XXI веке.

странах «центра», там же располагается менеджмент и производится большинство технологических разработок. Даже ТНК, которые развились на почве стран «третьего мира», все равно тяготеют к центрам накопления. Примером может служить компания Mittal Steel, стальная империя индийца Лакшми Миттала, купившая в 2005 году крупнейший металлургический комбинат Украины — «Криворожсталь». Превратившись в транснациональную, компания меняет индийскую прописку на британскую, а сам господин Миттал становится подданным английской короны. В дальнейшем компания неоднократно использует политический ресурс британского правительства для решения своих коммерческих вопросов с правительствами Восточной Европы, Средней Азии и т.д.

Таким образом, перенося производство в страны «третьего мира», ТНК не спешат переезжать туда сами, тем более не спешат их владельцы. ТНК могут существовать и выкачивать прибыли из экономик мира, только опираясь на силу основных центров концентрации капитала, которые остаются центрами политической и военной мощи, диктующими всему миру «правила игры» в политике, также как ТНК диктуют их в экономике.

Не удивительным поэтому будет тот факт, что большинство крупнейших ТНК имеют пунктом приписки США, на втором месте следуют страны Западной Европы (Британия, Германия, Франция, Швейцария, Нидерланды), затем Япония, а теперь и Россия. Из стран зависимого капитализма в 50—100 крупнейших ТНК периодически попадают также корпорации Южной Кореи, однако после восточноазиатского кризиса 1997 года это случается все реже.

Небольшой пример приписки

Национальная принадлежность 50 крупнейших ТНК планеты¹

Годы	США	Страны Западной Европы	Япония	Развивающиеся страны
1959	44	6	0	0
1969	37	12	1	0
1979	22	20	6	2
1989	17	21	10	2
2004	30	16	3	1
2012	8	23	5	12

**Международный валютный фонд,
Всемирный банк,
Всемирная торговая организация**

Служебными инструментами транснационального имперского капитала являются международные финансовые структуры. Международный валютный фонд, как декларирует его руководство, призван помогать странам, которые испытывают временные трудности с платежным балансом. Но помощь МВФ предоставляется только при условии, если правительство нуждающейся страны согласится провести у себя «структурную перестройку» в соответствии с рецептами МВФ. Суть таких рецептов сводится обычно к приведению экономики страны в состояние, наиболее удобное для эксплуатации со стороны ТНК.

¹ Bergesen A., Fernandez R. Who Has the Most Fortune 500 Firms? // Journal of World-Systems Research. 1995. Vol. 1. № 12. Данные за 2004 год: Financial Times (<http://www.vedomosti.ru:8000/ft500/2004/global500.html>).

Вступление в ВТО дает право включиться во всемирную «зону свободной торговли», однако для этого нужно отказаться от поддержки отечественной промышленности и сельского хозяйства, которые, как правило, без нее не выдержат конкуренции со стороны ТНК и разорятся, оставив тысячи людей без работы. Вступление в ВТО в странах «третьего мира» обычно выгодно лишь узкой группе капитала, ориентированного на мировой рынок, и подрывает основы существования буржуазии, работающей на внутренний рынок.

Займы ВБ предоставляются на реализацию крупных проектов в тех отраслях, в развитии которых заинтересованы ТНК.

Форумы ВТО и МВФ стали любимым объектом атак участников международного левого движения, названного в прессе «антиглобалистским», хотя большинство участников предпочитает называть себя не антиглобалистами, а антикапиталистами. Ненависть вызывает, конечно, не международная сфера деятельности этих структур, как можно было бы неверно понять из названия «антиглобалист», а именно капиталистический характер этих инструментов господства транснационального капитала.

Долги

Крестьяне Московской Руси, превращаясь в крепостных, по юридическим нормам того времени должны были взять у помещика ссуду. Расписка в ее получении служила правовым основанием для превращения крестьянина в зависимого, крепостного. Что-то подобное происходит со странами «третьего мира» в эпоху неоллиберализма — кредиты, предоставленные этим странам в конце 70-х — начале 80-х, послужили не развитию их на-

циональных экономик, а окончательному превращению в зависимую «периферию» мирового капитализма.

Да это
Бранд?
Можно брать рубль,
а можно научиться
ее любить и жить
счастливо всегда!!

Напомним, что первые кредиты были взяты на условиях, казавшихся очень выгодными — в странах метрополии бушевала инфляция, а процент был низким, потому что экономика «центра» стагнировала и вложить капитал прибыльно было сложно. Но затем, когда экономика империализма была выведена из штопора тэтчеровско-рейгановскими методами, правительства «третьего мира» увидели кроме бесплатного сырья еще и мышеловку.

Теперь,
первый
кредит
де-факто
не про-
сла!!

Теперь новые кредиты, уже на совсем невыгодных условиях, были нужны для «обслуживания» прошлого долга. Задолженность росла со скоростью снежного кома, превращая многие ранее «развивающиеся» страны практически в банкротов, работающих почти исключительно на то, чтобы отдавать процент по долгу. С 1970 года задолженность стран «третьего мира» увеличилась почти в 35 раз, достигнув к 2002 году \$2,5 триллиона. При этом по обслуживанию долга страны «третьего мира» уже заплатили \$4 миллиарда, \$2,7 миллиарда из которых за последние 10 лет¹. Эти выплаты в 55 раз превышают сумму задолженности в 1970 году.

И для этого года
негативные факторы!!!

«Помощь» империалистических стран за то же время составила около \$1 триллиона, в 4 раза меньше, чем то, что тратилось на обслуживание долга, деньги эти шли на заказы все тем же ТНК стран «центра», таким образом, часто просто перекладывались из одного кармана в другой транснациональным капиталом.

¹ Гун Т. От экономического кризиса к мировой войне. Данные World Bank, Global Development Finance // Марксизм и современность. №1—2 (24—25) 2003.

Задолженность стран «третьего мира». 1970—2000 годы¹

	1970	1980	1990	2000
Общий долг, \$ млрд.	72,8	609,4	1458,4	2492,0
Обслуживание долга, \$ млрд.	9,2	93,4	163,8	398,9
Долги/национальный доход, %	10,9	21,0	34,1	39,1
Обслуживание долга/экспорт, %		13,5	18,1	18,1

После Первой мировой войны репарации с проигравшей Германии составляли 7% от ее экспорта, при этом большинство экономистов того времени считали, что это слишком много и не следует в связи с этим надеяться на стабилизацию немецкой экономики в короткие сроки. Если передовая в технологическом и инфраструктурном плане Германия долго не могла справиться с обслуживанием такого долга, то как могут справиться экономики стран «третьего мира» со средним показателем — 18%? Есть страны, например, Танзания, которые вынуждены тратить на обслуживание долга 60% экспортных поступлений².

Как распределяется долг между странами и группами стран? Тяжелее всего бремя долга для стран Африки и Латинской Америки. В Африке долг в 2000 году

¹ Bergesen A., Fernandez R. Who Has the Most Fortune 500 Firms? // Journal of World-Systems Research. 1995. Vol. 1. № 12. Данные за 2004 год: Financial Times (<http://www.vedomosti.ru:8000/ft500/2004/global500.html>).

² Амин С. Африка: жизнь на грани // Monthly Review, March, 2002.

составлял \$370 на каждого жителя континента. Если учесть, что Африка — единственный регион мира, где в 1990—2000-е годы рост ВВП на душу населения был отрицательным (-0,2% в год), то становится понятным, что отдать этот долг Африка не сможет никогда. В связи с этим вовсе не актом альтруизма выглядит списание долга развитыми странами. В Латинской Америке обслуживание долга в среднем отнимает 50% экспортных поступлений.

В 2001 году по долгам было выплачено около \$1 миллиарда. Из них 57% выплатили 8 стран: Бразилия (\$137 млн.), Китай (\$107 млн.), Таиланд (\$69 млн.), Мексика и Индонезия (по \$66 млн.), Турция (\$59 млн.), Россия и Индия (по \$58 млн.). Еще 29% выплатили следующие 14 стран: Южная Корея, Аргентина, Венгрия, Филиппины, Польша, Колумбия, Южная Африка, Алжир, Малайзия, Казахстан, Чили, Пакистан, Украина, Чехия (каждая из них заплатила свыше \$10 млн.).

Большинство из стран этого списка принадлежит либо к «новым индустриальным странам», либо к странам бывшего социалистического лагеря. Очевидно, что это страны с довольно развитой экономикой, тем не менее, именно они подвергаются наибольшей эксплуатации через систему долговой зависимости. Таким образом, внешний долг становится еще одним каналом перекачки прибавочной стоимости, созданной наемными работниками этих стран в страны империалистического «центра». Из всех перечисленных стран только Россия¹ смогла создать собственный центр концентрации

---

¹ Китай в данном случае мы оставляем за пределами анализа.

капитала и стать империалистической страной, пусть и второго сорта. Остальные, включая Южную Корею, пока далеки от этого.

Наглядным примером удушения международными финансовыми институтами национальной экономики является Аргентина. Эта некогда самая развитая страна Латинской Америки довольно эффективно проводила импортозамещающую индустриализацию. Но к 1989 году правительство Аргентины оказалась неплатежеспособным по долгосрочным долговым обязательствам еще 70-х годов. Тогда оно обратилось в МВФ за помощью. Рецепты экспертов этой структуры привели к тому, что экономика страны была разрушена, а Аргентина постепенно превращалась из индустриальной страны в аграрную. Тем не менее, долг не сократился, а, наоборот, вырос с \$49 миллиардов в 1989 году до \$148 миллиардов в 1999-м. Не лишним будет заметить, что выплаты по долгу почти в три раза превысили первоначальную сумму. Рецепты МВФ привели к параличу экономики в 2001 году, когда в восстании против неолиберализма приняли участие не только «низы», но и разоренный «средний класс», до этого десятилетиями поддерживавший правящие режимы.

Но современный капитализм живет в долг не только на своей периферии, хотя задолженность «третьего мира» это львиная доля мирового долга. Внутренний долг отдельных лиц и компаний рос в США начиная с 1990 года со скоростью 6% и 7% соответственно.

Также весь период неолиберальной глобализации росла и государственная задолженность империалистических стран.

*Соотношение государственного долга стран
империалистического центра к ВВП (в %)¹*

	1970	1980	1990	1995	2000
Евросоюз	24,5	30,0	47,0	56,0	48,3
Япония	6,6	40,9	51,7	59,8	105,5
США	28,9	26,4	43,5	50,0	47,0

Таким образом, несмотря на то что экономическая политика направлена на сокращение государственных расходов, неолиберальная система приводит к непрерывному росту задолженности. Для стран «третьего мира» эта задолженность приводит к прямо катастрофическим последствиями, но и в странах метрополии, как видно из вышеприведенных данных, задолженность представляет все большую угрозу — буржуазия ни одной из этих стран не хочет повторить судьбу Аргентины. Наиболее близка к этому оказывается Япония, чье правительство, стремясь спасти национальную промышленность от краха, вкачало начиная с 1995 года более \$1 триллиона в свою экономику для поддержания падающей экономической активности.

Фиктивный капитал

Борьба с инфляцией, которую начали неолиберальные правительства в 80-х, дала решающий перевес финансовому сектору над производственным. Весь неолиберальный период, таким образом, отмечен гипертрофированным развитием финансового «мыльного пузыря».

¹ Гун Т. От экономического кризиса к мировой войне // Марксизм и современность, № 1—2 (24—25), 2003.

Фиктивный капитал, капитал в форме ценных бумаг, в период подъема экономики стремительно разрастается, темпами значительно превышающими темп роста промышленности. Так капитализация Фондовой биржи США выросла с \$3 триллионов в 1990 году до \$16,6 триллиона в 1999 году. Рост составлял 19,2% в год. В тот же период ВВП, который оценивает реальную стоимость, произведенную в стране, рос в среднем всего на 5,2% в год.

Это противоречие разрешается в периодических кризисах и биржевых обвалах, становящихся все более устрашающими весь период неолиберальной глобализации. В 2000 году индекс NASDAQ, который отражает размер инвестиций в высокие технологии, потерял 60-70% своей цены, это означало, что лопнул мыльный пузырь в \$4 триллиона.

В 1999 году один из лидеров высоких технологий America Online имела рыночную капитализацию в \$66,4 миллиарда, при общем количестве работников в 10 000 человек. В то же время General Motors с 600 000 работников стоила всего \$52,4 миллиарда. Распределение прибавочной стоимости все больше отделяется от ее непосредственного извлечения. Еще более показательным является пример компании Yahoo!, которая имела рыночную стоимость в \$33,9 миллиарда, в то время как количество ее работников всего 673 человека.

Такая вопиющая диспропорция современного капитализма рождает систему, подобную известным финансовым «пирамидам». Структура капитала становится похожей на перевернутую пирамиду, где небольшое основание представляет капитал непосредственно занятый в производстве, над которым в несколько слоев возвышается спекулятивный капитал. Пока имеет

место рост производства, цены на акции и другие бумаги растут, капитал притекает и пирамида строится все выше и выше. Когда же приближается кризис, обозначается хотя бы малейший отток капитала, пирамида начинает рушиться и фиктивный капитал лопается как мыльный пузырь.

Именно эта особенность современного этапа развития капитализма обусловила то, что мировой кризис перепроизводства, начавшийся в конце 90-х, внешним образом проявлял себя именно как серия финансовых крахов.

При империализме, особенно на нынешней неолиберальной стадии его развития гигантских размеров достигает отделение собственности на капитал от приложения его к производству. Это отделение при гигантской концентрации и централизации капитала ведет к образованию небольшого слоя финансовой олигархии, которая контролирует огромную часть экономики. Совокупный доход 101 крупнейшего капиталиста больше дохода 1,5 миллиарда жителей планеты¹.

Это означает также «выделение немногих государств, обладающих финансовой «мощью» из всех остальных»².

Центры концентрации капитала

Вывоз и производительное применение капитала из империалистических центров на периферию мирового капитализма и обратное движение прибылей является наиболее важным элементом империалистической эксплуатации.

¹ СРТ/МЛ, General characteristics of imperialism, in «Mao and people war».

² В.И. Ленин. Империализм как высшая стадия капитализма.

Экспорт капитала производится в надежде на сверхприбыли в зоны с более дешевой рабочей силой. Метод экспорта капитала современного империализма связан с появлением ТНК. Большое значение сегодня приобретает уже не инвестиции капитала в предприятия, а открытие собственных предприятий в странах «третьего мира».

Само понятие «экспорт капитала» было связано изначально с выталкиванием излишних, не находящихся применения на внутреннем рынке масс капитала. Сегодня извлечение сверхприбылей из «внешних рынков» становится основным для империализма.

По данным ООН, в 1938 году объем зарубежных вложений в мире составлял \$50 млрд. В 1965—1969 долгосрочные вложения оцениваются уже в \$160—200 млрд. В 1980 году прямые капиталовложения за границей составили \$513 млрд., из которых 500 происходило из капиталистических метрополий и лишь 13 из стран зависимого капитализма (из них 8 из Сингапура). В 1998 г. метрополии экспортировали по всему миру \$3714 млрд., зависимые страны — \$391 млрд.

*Доля ведущих империалистических стран
в общем капитале за рубежом*

	1914	1938	1969	1985	1997
США	18,5%	27,7%	48,3%	36,9%	25,6%
Великобритания	45,5%	39,8%	16,3%	14,8%	11,7%
Германия	10,6%	1,3%	1,2%	8,8%	9,2%
Франция	12,2%	9,5%	6,2%	4,6%	6,4%
Япония	0,1%	2,9%	0,8%	6,5%	10,1%
Всего в мире, млрд. долл.	14,5	26,3	66,1	618,6	3541

Из данных, приведенных в таблице, видно, что пять стран контролировали 63% общего капитала, вложенного за рубежом. Финансовое господство небольшой группы стран сохраняется и усиливается — анализируя это усиление, следует учитывать не только данные этой таблицы, но и принимать во внимание усиление международных финансовых структур (МВФ, ВБ), которые также контролируются империалистическими странами.

США и Евросоюз

В неолиберальную эпоху намечается раскол в едином империалистическом блоке, который сложился в период после Второй мировой войны. Основой его создания было несомненное лидерство США среди капиталистических экономик мира и необходимость противостояния социалистическому лагерю и мировой революции. Но сегодня этот новый «священный союз» дает все новые трещины и грозит вот-вот развалиться на части.

Крах Советского Союза и социалистического лагеря устранил основные политические причины этого союза. Совместное господство над странами «третьего мира», ради которого союз мог бы быть продлен, предполагает, однако, не только совместные действия, но и конкуренцию американских, европейских и японских корпораций на рынках этих стран.

Экономическая основа союза подтачивается тем, что абсолютное экономическое доминирование США в капиталистической миросистеме давно стало прошлым. И хоть последнее десятилетие США в мировой конкурентной борьбе одерживали победы над европейским капиталом, тем не менее, соотношение уже далеко не то, что в 50—60-е годы.

Во-первых, Евросоюз рос чисто количественно, присоединяя к себе все новые и новые страны. В период с 1957 года его население увеличилось более чем в 2,5 раза, в то время как население США лишь в 1,7.

*Динамика изменения населения США и Евросоюза,
1957—2004 годы*

Год	США	Евросоюз
1957	170	170
1973	212	257 (+Дания, Британия, Ирландия)
1986	240	324 (+Греция, Испания, Португалия)
1991	253	346 (+ГДР)
1995	263	372 (+Швеция, Австрия, Финляндия)
2004	293	456

Во-вторых, экономика Евросоюза действительно догоняла весь этот период экономику США. На заре «общего рынка» ВВП Евросоюза достигал лишь 60% ВВП США. В 1973-м — 89%, в 1991-м — 92%, в 2004-м — 93%. Рост производительности труда в 1980—1999 годах в ЕС опережал рост в США. Средняя добавленная стоимость на занятого в промышленности за это время в ЕС возросла в среднем на 133%, а в США всего на 72%.

В-третьих, ЕС занимает все более прочные позиции на рынке экспорта капитала. В середине 1960-х на американские корпорации приходилось 2/3 экспорта капитала. В 1980 году — 44%, в 1998-м — лишь 27%. Корпорации объединенной Европы экспортировали: 10% общего капитала в 1965 году, 25% — в 1980 году, 45% — в 1998 году. Японские компании также наращивали экспорт капитала — в 1965 и 1980 годах их доля составляла 4%, в 1998-м — 8%.

При этом, если доля Великобритании, традиционного союзника США в ЕС, постоянно падала как в экспорте капитала, так и в мировом ВВП, то доля конкурентов — Японии и особенно Германии и Франции — постоянно росла.

Также меняется относительная мощность ведущих финансово-промышленных групп. Среди 350 крупнейших финансово-промышленных групп в 1966 году общий объем продаж американских групп составил \$270 млрд., в то время как группы из всех остальных стран продавали только на \$127 млрд. Из них 40 английских групп с \$45 млрд. и 24 японские с \$17 млрд.

Сегодня на американские группы приходится около 25% мировых продаж — \$3700 млрд. из общих \$13 800 млрд. Японских групп среди ведущих 350 насчитывается 81 с \$2330 млрд. (17% мировых продаж). Европейских — 72 с \$2120 млрд. (15%), из них количество английских сократилось до 21 с \$425 млрд. (лишь 3% мировых продаж).

Явные конкурентные преимущества США над Европой — это прежде всего так называемая «новая экономика», основанная на коммерческом использовании новых технологий, развитых ранее преимущественно в сфере военно-промышленного комплекса. Однако, наряду с этими явными преимуществами, экономика США имеет не менее явные слабости. Например, США в гораздо большей степени зависят от поставок импорта, в том числе из стран «третьего мира». В 2000 году импорт в структуре промышленного производства США составлял 33,6%, тогда как в Европе — 25,8%, а в Японии только 4,3%¹. Таким образом, «новая экономи-

¹ Гун Т. От экономического кризиса к мировой войне. // Марксизм и современность. №1-2 (24-25) 2003.

ка» в значительной степени основана на росте поставок из стран «третьего мира».

Следствием роста значения поставок стал дефицитный торговый баланс США. В 2000 году дефицит составил \$450 млрд. Этот дефицит компенсируется в основном за счет роста инвестиций в экономику США. Но если произойдет весьма вероятное падение финансовых рынков и, как следствие, обвалится курс доллара, то приток инвестиций сократится, и Штаты останутся один на один со своим гигантским дефицитом. Фактически это будет банкротством сверхдержавы.

В период последних кризисов банки ЕС поддерживали курс доллара, но с ростом и укреплением евро они, возможно, довольно скоро уже не будут нуждаться в американской валюте как в финансовом инструменте.

Сам проект евро, основанный фактически на немецкой марке, является решительным шагом на пути обособления самостоятельного европейского центра концентрации капитала с господством германских и французских монополий. Понятно, что такой проект не может не быть направлен прямо против США, чей доллар раньше играл роль мировой валюты.

Но и преимущество США в сфере высоких технологий ставится в последнее время под сомнение. *«Соревнование между ракетами Ariane и NASA, между Airbus и Boeing свидетельствует об уязвимости американского преимущества, — пишет известный экономист Самир Амин. — США противостоят Европа и Япония в сфере высокотехнологичных продуктов, Китай, Корея и другие азиатские и латиноамериканские индустриальные страны в производстве товаров широкого потребления, и Европа и юг Латинской Америки в сфере сельского хозяйства. Вероятно, США не смогут достичь преимущества, если не обратятся к внеэкономическим*

мерам, нарушая принципы либерализма, диктуемые своим конкурентам!»¹

Но есть и несомненное преимущество Соединенных Штатов, которого ЕС пока не может преодолеть. Это — быстрота уничтожения «социального государства».

Уничтожение «социального государства»

С 1913 по 1974 год доля 1% самых богатых людей в общем богатстве империалистических стран сократилось вдвое. За последнюю четверть XX века, в период неолиберальной глобализации, крупнейшие капиталисты взяли реванш. В Британии, Германии и Франции их доля выросла почти на половину, а в США она даже превысила показатель 1913 года².

Рост доходов самых богатых сопровождается падением доходов самых бедных. Доля 90% самых бедных в США в общем доходе снизилась с 66,2% в 1975 году до 54,8% в 1998 году.

Одновременный рост производительности труда показывает, что весь этот период эксплуатация труда капиталом увеличивается. Однако, в этом процессе наблюдается неравенство. Европа, где социальные гарантии были выше в период «социального государства» и наемные работники более организованы и лучше отстаивают свои интересы в коллективной борьбе, буржуазии не удается так эффективно снижать жизненные стандарты пролетариата, как в США.

¹ Амин С. Американский империализм, Европа, Ближний Восток.

² Pakulski, J. and Waters, M. *The Death of Class*, London: Sage, 1996, p. 78; Linstone, H.A. and Mitroff, I.I. *The Challenge of the 21st Century: Managing Technology and Yourself in a Shrinking World*, Albany (NY): State Univ. of New York Press, 1994, p. 228; Nelson, J. *Post-Industrial Capitalism: Exploring Economic Inequality in America*, Thousand Oaks (Ca.), London: Sage, 1995, p. 8-9.

Так, средняя заработная плата в промышленности стран ЕС составляет 22,3 евро/час (в Германии — 26,5 евро/час), тогда как в США — 17,5 евро/час¹. Таким образом, американский уровень оплаты промышленного труда не превышает 78% общеевропейского и 65% немецкого уровня.

В США также наблюдается большее неравенство в оплате труда внутри класса наемных работников, здесь минимальная заработная плата составляет всего 35–38% от ее среднего уровня, в то время как в Германии и Франции — 50–60%².

США обогнали даже Японию по продолжительности рабочей недели, увеличив ее среднюю продолжительность только за 1990–1997 годы на 4%. С 1969 по 2000 год средняя продолжительность рабочей недели в США увеличилась на 22%. При этом 8% американцев работают на двух работах, а 18% вынуждены выполнять часть работы после окончания рабочего дня дома.

Европейская буржуазия не так преуспела в выжимании соков из своих наемных работников, как американская. Однако меньшее увеличение рабочего дня и более высокие зарплаты компенсируются значительной частичной занятостью, а также более высоким показателем безработицы, который уже к середине 90-х превысил 11%, а в некоторых регионах, например, в Южной Испании — 30% и продолжает расти.

Американская буржуазия также добилась больших успехов в сокращении налогообложения в пользу сверхбогатых — максимальный уровень налогообложения снизился здесь с 91% при Джоне Кеннеди до 33% при

¹ Europe in Figures, 5th ed. London: The Stationery Office, 2000, p. 68.

² The Economist, 1998, June 27 — July 3, p. 96.

Джордже Буше-младшем. Лучшее положение только у российской крупной буржуазии, которая при президенте Владимире Путине ввела одинаковый («плоский») 13%-ный налог для самых бедных и самых богатых.

Япония

Япония после Второй мировой войны показывала самые высокие темпы роста. Рост, который был обусловлен относительно меньшей ценой рабочей силы и более высокой степенью ее эксплуатации, прекратился в начале 90-х. Кризис 1990—1992 годов расшатал основы экономического процветания страны. Развитие «новых индустриальных стран» с их сверхдешевой рабочей силой, которая к этому времени стала еще и достаточно квалифицированной, чтобы заменить японских рабочих в производстве электроники и автомобилестроении, сделало японскую промышленность менее конкурентоспособной на мировом рынке. Япония начинает показывать отрицательные темпы роста промышленного производства.

Рост производительности труда при этом сохраняется на высоком уровне — средняя добавленная стоимость на занятого в промышленности за 1980—1999 годы выросла на 169%. Но это сопровождается увеличением безработицы — она выросла с 2,1% в 1990 году до 5,3% в 2002 году. И это при том, что Япония меньше всего непосредственно пострадала от переноса производства в страны «третьего мира».

Количество плохо оплачиваемых и сверхурочных работ в Японии увеличилось с 1970-х до 1990-х годов более чем в 1,5 раза. Более двух третей японцев, согласно социологическим опросам, считают себя постоянно уставшими вследствие занятости на работе. Этот пока-

затель увеличился с 1980-х годов почти в 20 раз. Seriously возросло количество самоубийств среди наемных работников. Также именно Японии принадлежит сомнительная честь быть родиной нового явления — смерти от переутомления на работе («кароши»).

Все это показывает, что правящий класс Японии быстрее буржуазии других империалистических стран и наиболее жестко встал на путь увеличения эффективности экономики за счет класса наемных работников, за счет усиления эксплуатации (рост производительности труда при одновременном сокращении заработной платы и социальных расходов).

Периферия мирового капитализма

Давление на периферийные страны в эпоху неолиберальной глобализации усилилось по сравнению с предыдущим периодом кейнсианского капитализма. Если в 1960-е годы по отношению к странам «третьего мира» можно было говорить о «догоняющем развитии»: они проводили импортозамещающую индустриализацию и т.д., то в 80—90-е стало ясно, что даже эти прогрессивные изменения все равно обращаются на пользу центров концентрации капитала. Страны «центра», обладая монополией в финансовой сфере, обратили все промышленные достижения «третьего мира» на пользу себе.

Неравномерный рост

И все же в постколониальный период экономика стран «третьего мира» росла быстрее, чем в период «классического» империализма: если в 1900—1938 годах ВВП на душу населения в периферийных странах возрастал в среднем ежегодно на 0,4—0,6 %, то в 1950—1998 годах среднегодовой темп прироста этого пока-

зателя достиг 2,6—2,8%. Вырос сравнительный «вес» стран третьего мира в мировой экономике: 27—29% совокупного мирового продукта в 1950 году, 34—35% в 1990 году и 42—43% в 1998 году¹.

Но рост этот распределялся неравномерно, доля одних групп стран стремительно росла, доля других снижалась.

*Доля отдельных стран «третьего мира»
в общем экспорте «третьего мира»²*

Группы стран	Экспорт в целом			Промышленные товары			Машины и оборудование		
	1970	1980	1992	1970	1980	1992	1970	1980	1992
Южная Корея, Сингапур, Тайвань, Гонконг	9,9%	13,0%	37,5%	35,5%	51,8%	56,7%	37,7%	57,0%	65,1%
Индонезия, Филиппины, Малайзия, Таиланд	7,6%	8,0%	11,7%	2,0%	5,0%	11,0%	1,8%	6,8%	11,3%
Итого по первым двум группам	17,5%	21,0%	49,2%	37,5%	56,8%	67,7%	39,5%	63,8%	76,4%
Китай	2,9%	3,1%	9,4%	10,8%	7,5%	12,4%	1,1%	1,7%	6,4%
Аргентина, Бразилия, Венесуэла, Колумбия, Мексика, Чили, Иордания, Кипр, Турция, Сирия, Египет, Марокко, Тунис, Индия	25,7%	15,8%	17,0%	22,3%	16,8%	13,9%	23,0%	18,5%	10,5%
Другие	53,9%	60,1%	24,4%	29,4%	18,9%	6,0%	36,4%	16,0%	6,7%

¹ Эльянов А. Индустриализация развивающихся стран в интерьере мирохозяйственных связей и Россия//Мировая экономика и международные отношения, 1999, № 2. С.3

² Эльянов А. Развивающиеся страны в мировом разделении труда. // Мировая экономика и международные отношения, 1995, № 9.

Как видно из данных таблицы, львиная доля роста приходится лишь на один из регионов «третьего мира» — Юго-Восточную Азию. Именно этот регион «выиграл тендер» на размещение промышленности, вывозимой из стран империалистического центра. Еще в начале 1980-х эксперты спорили о том, какой регион будет «центром» промышленного развития в неолиберальный период, многие называли Латинскую Америку, с ее лидерами — Бразилией, Мексикой, Аргентиной, кое-кто называл Турцию и страны Переднего Востока.

Юго-Восточная Азия выиграла в этой гонке импорта производственного капитала по причине низкой цены рабочей силы (даже по сравнению с Латинской Америкой), а также вследствие «азиатской» дисциплинированности наемных работников. Фактически в страны региона были экспортированы жесткие «японские» методы организации промышленности. Второй причиной стало хроническое падение цен на сырье на мировом рынке. С конца 80-х — начала 90-х цены падают и на нефть. В связи с этим страны Восточной Азии, небогатые сырьем, но богатые «людскими ресурсами», оказались такими привлекательными для ТНК.

Сначала «локомотивами» промышленного развития региона были так называемые «четыре тигра». Это три очень небольшие страны — Сингапур, Тайвань, Гонконг, — и имевшая стратегическое значение в борьбе с коммунизмом Южная Корея. Все эти страны имели на момент начала своего бурного роста полудиктаторские политические режимы, тесно связанные с империалистическим капиталом. Поэтому страны считались «безопасными» с точки зрения ТНК.

Экономики этих стран были сметены кризисом перепроизводства 1997 года, который известен под име-

нем «восточноазиатского кризиса». «Тигры» оказались «бумажными тиграми». Однако капитал не ушел из региона, а лишь распределился по другим странам региона — более густонаселенным, с большим внутренним рынком и потому более стабильным. Все более важное место в этом ряду занимает Китай.

Со времени смерти Мао в Китае изменилось очень многое. Китай сегодня выпускает одну пятую промышленной продукции планеты, а по некоторым оценкам — четверть. В Поднебесной появились миллионеры и миллиардеры, а капиталистов начали принимать в компартию. Специфическая форма реставрации капитализма позволила, с одной стороны продолжить рост производительных сил, с другой — сохранить псевдосоциалистический государственный и партийный аппарат. У Китая нет природных богатств, но есть колоссальные людские ресурсы. Миллиард трудолюбивых работников, цену рабочей силы которых партийная бюрократия в союзе с транснациональным капиталом держит на крайне низком уровне.

Постепенная, медленная интеграция в мировую капиталистическую систему обезопасили китайскую экономику от неизбежных разрушительных кризисов. В начале 1979 года были открыты первые четыре «свободных экономических зоны» на юго-западе страны. Еще четырнадцать прибрежных городов были открыты для иностранного капитала в 1984 году. В 1990-х уже большинство привлекательных для иностранных инвесторов провинций стали «открытыми» для международных капиталистических монополий. Только за десять лет, с 1991 по 2001 год, объем прямых инвестиций из-за рубежа вырос более чем в десять раз — с \$4,37 до \$46,85 миллиарда.

Сегодня из пятисот крупнейших транснациональных корпораций четыреста представлены в Китае. ✓

В то же время заработная плата китайского рабочего сегодня одна из самых низких в мире: в Шанхае заработная плата не превышает \$0,9 в час — самая низкая в Азии. В Поднебесной 150—200 миллионов безработных. С 1993 года приобрели массовое распространение крестьянские волнения, в ряде случаев для их подавления были направлены войска. Множатся рабочие выступления. Но во многих провинциях забастовки запрещены, а выступления трудящихся жестко подавляются. К концу 90-х к ним добавились массовые движения пролетариата, также жестко подавляемые псевдокоммунистической бюрократией. Согласно официальной, заниженной статистике численность таких выступлений в Китае возросло с 10 000 в 1995 году до 74 000 в 2004 году.

На 10% самых богатых китайцев приходится почти треть всех доходов. В стране выросла самая настоящая новая буржуазия, которой XVI съезд КПК (2002 год) к тому же широко распахнул двери в партию.

Кому-то, видимо в качестве издевательства над социализмом, все еще нравится называть существующую в Китае систему социалистической. О стране, где господствует частная и государственно-капиталистическая собственность, где хозяйничают транснациональные корпорации и купающаяся в роскоши бюрократия, где миллионы рабочих живут в нищете и страхе перед безработицей, говорить о такой стране как о социалистической — значит не видеть никакого различия между социализмом и капитализмом.

Ирония истории заключается также и в том, что формально считающийся социалистическим, Китай на деле обеспечивает стабильность капиталистической

системы в целом, с одной стороны, своим демпингом сбивая цены на рабочую силу по всему миру, с другой стороны, став местом приложения избыточного капитала империалистических стран.

Наряду с зонами уникального роста, в мире существуют зоны, где стагнация и спад стали «нормой». 33 страны с общим населением около 600 миллионов человек вступили в XXI век с ВВП на душу населения меньшим, чем в 1975 году. Кроме бывших социалистических стран, это еще и большая часть Черной Африки, часть стран Латинской Америки и Карибского региона, арабские страны-нефтеэкспортеры и Палестина, страны Океании.

Рост неравенства

Экономический прогресс не сопровождался социальным прогрессом. И это касается не только Китая, о котором сказано выше. Например, в Джакарте, столице Индонезии, страны, которая за последние 30 лет вырвалась из вековой отсталости и имеет сравнительно мощную промышленность, 2,5 миллиона жителей живут в трущобах в ужасающей нищете, а в целом по стране из 210 миллионов жителей более 100 миллионов живет за чертой бедности, 70 миллионов голодает. Таким образом, даже там, где технологическая отсталость ликвидируется, социальная отсталость твердо удерживает позиции.

«Третий мир», как мы видели, повысил свой вес в мировом производстве, но мировое потребление по-прежнему гипертрофировано в сторону стран империализма. 210 миллионов индонезийцев потребляют столько же, сколько 5 миллионов жителей американского штата Аризона, 62 миллиона тайландцев — столь-

ко же, сколько 3,5 миллиона жителей Оклахомы, а миллиард индийцев не больше, чем 12 миллионов жителей Пенсильвании.

«Богатейшие 5% людей в мире получают доход в 114 раз больше, чем беднейшие 5%. Богатейший 1% получает столько, сколько беднейшие 57%. А 25 миллионов богатейших жителей США имеют доход, почти равный доходу 2 миллиардов беднейших людей мира»¹, — эту констатацию вопиющего неравенства мы цитируем не из революционной листовки, а из официального отчета ООН.

Неравенство растет не только между странами, но и внутри стран «третьего мира». Как отмечает тот же доклад, *«в пределах национальных границ контроль над активами и ресурсами все более концентрируется в руках немногих людей».*

Таким образом, концентрация капитала увеличивает неравенство между странами и внутри стран. Если учесть также вывод доклада ООН о том, что прогрессирует *«сокращение всемирной группы со средним доходом»*, то мы можем констатировать полное соответствие мирового развития с выводом «Манифеста Коммунистической партии» Маркса и Энгельса о том, что *«общество все более и более раскалывается на два больших враждебных лагеря, на два большие, стоящие друг против друга, класса — буржуазию и пролетариат»²*. И происходит это во всемирном масштабе.

---

¹ Human Development Report, 2003.

² К. Маркс, Ф. Энгельс. Манифест Коммунистической партии // К.Маркс, Ф.Энгельс. Соч. т. 4, с. 425.

То, что отчет ООН отмечает по отношению к доходам, можно увидеть и в отношении к средствам производства. Поляризация населения мира относительно двух полюсов — труд и капитал — происходит и в этом, более важном, отношении.

Численность

В 1861 году, во время написания «Капитала», в Англии на промышленных, строительных и транспортных рабочих приходилось 20% экономически активного населения. Таким образом, критики теории Маркса, заявляющие, что «сегодня» пролетариат не составляет большинства и поэтому не может претендовать на революционную роль, могли бы адресовать свой упрек еще Марксу, потому что в его время промышленный пролетариат был еще дальше от того, чтобы составлять большинство населения. Тем не менее, за 120 лет доля промышленных, строительных и транспортных рабочих увеличилась в Британии до 37%.

В XX веке, только с 1920-х по 1980-е, количество «классического» пролетариата (рабочего класса) выросло в мире в 6 раз. При этом рост его был также неравномерен. В Европе за этот период численность рабочего класса выросла всего в два раза — с 49 до 102 миллионов, в США и Канаде — в 4 раза, с 23 до 95 миллионов. В то время как в странах Азии, Латинской Америки и

Африки численность рабочего класса возросла более чем в 10 раз — с 19 до 217 миллионов (в Латинской Америке с 5 до 63 миллионов, в Азии — с 11 до 130 миллионов, в Африке — с 3 до 24 миллионов)¹. Для сравнения: в середине XIX века, в то время как Маркс писал свой главный труд, в Европе, США и Японии насчитывалось всего 10 миллионов наемных рабочих.

Таким образом, к началу 80-х численность рабочего класса промышленности, транспорта и строительства в странах «центра» и «периферии» сравнялась. Однако неравномерные тенденции его роста сохранились, так что сегодня рабочий класс стран «третьего мира» уже и численно превосходит рабочий класс стран империализма, что, конечно, не может не отражаться на их сравнительном революционном потенциале.

Границы

За этот более чем столетний период выросла не только промышленность. Отношения наемного труда проникли в отрасли, где до этого господствовало мелкое производство. Например, страны «центра» почти полностью перешли на крупнокапиталистический способ хозяйства в аграрной сфере. Все больше подвержено пролетаризации сельское хозяйство «третьего мира». Вышеприведенные данные лишь отчасти фиксируют такое изменение. Еще меньше они охватывают слои, которые находятся в процессе пролетаризации.

Многие профессии, которые во времена Маркса и Ленина давали положение мелкого буржуа, стали во второй половине XX века пролетарскими. В эти данные они не включены. Их представители по всем по-

---

¹ Рабочий класс и современный мир. 1986. №2, с. 23.

казателям принадлежат сегодня к миру наемного труда: это большинство инженеров, врачей, учителей, научных работников, клерков и т.д. Появились профессии, связанные с новыми производительными силами, например, программисты, чья профессия в ряде стран в наше время стала массовой. Большинство наемных работников таких профессий могут быть с полным основанием отнесены к пролетариям. Рядовые работники монополизированного транспорта и торговли, «сферы обслуживания» также являются по своему положению пролетариями.

Эти слои «нового пролетариата», которые отчасти еще находятся в процессе перехода к отношениям наемного труда, часто бывают более активными и революционными, чем «традиционный» рабочий класс крупной промышленности. В 1968 году во Франции дольше всех бастовали торговые работники, вместе с работниками автопарка и шахтерами. На другом конце планеты, в Аргентине, банковские служащие бастовали не реже, чем промышленные рабочие. Все больше наемных работников из числа «нового пролетариата» насчитывает статистика среди электората коммунистических партий мира.

«Новый пролетариат» не представляет ничего принципиально нового для марксистской классовой теории. Новым является его чрезвычайно бурный рост с 1960-х годов и увеличение его значимости в общей политической борьбе пролетариата. Уже в «Капитале» Маркс пишет о том, что в категорию производительных работников входят гораздо более широкие слои, чем просто непосредственные производители материальных благ: *«Продукт превращается вообще из непосредственного*

продукта индивидуального производителя в общественный, в общий продукт совокупного работника, то есть комбинированного рабочего персонала, члены которого ближе или дальше стоят от непосредственного воздействия на предмет труда. Поэтому уже самый кооперативный характер процесса труда неизбежно расширяет понятие производительного труда и его носителя, производительного работника. Теперь для того, чтобы трудиться производительно, нет необходимости непосредственно прилагать свои руки; достаточно быть органом совокупного работника, выполнять одни из его подфункций»¹. Однако, как указывал сам Маркс, понятие пролетариата вовсе не ограничивается даже этим широким понятием «производительного работника», а включает и часть непроизводительных работников, например, торговых рабочих².

Рост «нового пролетариата» более всего заметен в империалистических странах. За 1969—2001 годы число наемных работников в семи ведущих капиталистических странах (США, Канада, Германия, Франция, Великобритания, Япония, Италия) возросло с 183 до 276 миллионов. Количество промышленных рабочих практически не изменилось, незначительно увеличившись с 77 до 78 миллионов. При этом в США, Канаде и Японии их количество возросло на 20-25%, а в европейских метрополиях снизилось на 23%. Число же непромышленных рабочих, «нового пролетариата» почти удвоилось — с 105 до 197 миллионов.

Новые слои пролетариата могут быть менее организованными в самом процессе производства, и у них

---

¹ Маркс К. Капитал. Т. 1, с. 516—517.

² Там же, т. 3, с. 321—331.

меньше возможностей вести экономическую борьбу, чем у традиционного рабочего класса. Часто они работают на дому или в небольших коллективах и т.д. Тем не менее, эти слои ведут борьбу в других формах — они получили в 1990-е годы название «социальных движений» или «новых социальных движений».

Водитель, учитель, врач, «менеджер по продажам» (так называется наемный работник торговли на рыночном новоязе), программист не идентифицируют себя с «рабочим классом». Реальность же такова, что все они оказываются занятыми в звеньях большой, часто транснациональной, производственной цепочки, объединенной под сенью монополистического капитала. Все они — винтики огромной машины, производящей прибавочную стоимость. Их социальная функция одинакова, хотя трудовые функции могут быть совсем разные. Они — живые носители рабочей силы, которую можно продать и которая продается капиталу.

В конечном счете, полностью классовая идентичность этого «лоскутного» класса, объединяющего сегодня множество непохожих профессий, может выступить, как предупреждала Роза Люксембург, только в момент революционного действия, то есть только в политике. Но эта политика тоже будет лишь концентрированным выражением экономического положения, проанализировать которое — задача теории. Положение это вполне адекватно описывает Энгельс, писавший в примечании 1888 года к «Манифесту Коммунистической партии»: *«Под пролетариатом понимается класс современных наемных рабочих, которые, будучи лишены своих собственных средств производства, вы-*

нуждены, для того чтобы жить, продавать свою рабочую силу»¹.

Пользуясь таким, действительно марксистским подходом, численность пролетариата современного мира можно определить где-то в 2 миллиарда из 6 миллиардов населения планеты². Таким образом, пролетариат на сегодня стал самым большим общественным классом, хотя историческая сила пролетариата заключается не в его численности, а в организованности.

Важно также отметить, что классы определяются положением во всей системе общественного производства, а не просто отношением найма на отдельных предприятиях. Это еще раз подтверждает актуальность определения классов, данное Лениным:

«Общественные классы, это большие группы людей, различающиеся по их месту в исторически определенной системе общественного производства, по их отношению (большей частью закрепленному и оформленному в законах) к средствам производства, по их роли в общественной организации труда, а, следовательно, по способам получения и размерам той доли общественного богатства, которой они располагают. Классы, это такие группы людей, из которых одна может себе присваивать труд другой, благодаря различию их места в определенном укладе общественного хозяйства».

По отношению к средствам производства (не конкретному средству производства — будь то станок или сверхсовременный компьютерный сервер) представители «старого» и «нового» пролетариата занимают оди-

---

¹ К.Маркс, Ф.Энгельс. Манифест Коммунистической партии // К.Маркс, Ф.Энгельс. Сочинения. т. 4, с. 424.

² См. напр.: Дениэль Бенсайд. Тезисы сопротивления.

наковое положение, хотя в труде одного больше интеллектуальная составляющая, а в труде другого — физическая.

Активность

Мощный всплеск активности пролетариата приходится на революционную волну 1968—1975 годов. В 1969—1975 годах на одного работника в среднем приходится 0,5 забастовочного дня в год. Забастовочная борьба в этот период носит всеобщий характер, охватывает все сектора экономики. Промышленный пролетариат находится в авангарде борьбы — в этом секторе на одного работника приходится 1,2 забастовочного дня в год.

В следующий период 1976—1984 годов активность пролетариата постоянно падает, теперь на работника приходится в среднем 0,1—0,2 забастовочных дней в год. При этом основной является борьба против увольнений и закрытия производств, которые затронули целые промышленные районы.

В период 1985—2000 годов спад активности продолжился, однако наметилась важная тенденция стирания границы между промышленностью и «сферой услуг» в забастовочной борьбе.

С середины 90-х эта неприятная тенденция прерывается отдельными всплесками, которые становятся все сильнее.

5 декабря 1995 года 350 тысяч парижан прошли под пение «Интернационала» по улицам столицы Франции, всего по стране в демонстрациях приняли участие более 800 тысяч человек, а за день до этого забастовка железнодорожников сорвала совместные военные маневры Франции и Германии. Так началось то, что позднее

назвали «новым социальным движением» — совместные выступления различных пролетарских слоев и студенчества против неолиберальной политики правительства. В 1995 году против правительства Ширака-Жюппе, которое намеревалось по рецептам неолиберальных экономистов сократить дефицит бюджета путем сокращения социальных гарантий, выступили в разных формах 10 миллионов французов.

Революции периода неолиберализма

Как и следовало ожидать от Б-фазы развития капитализма, революционные взрывы не так часто происходили в период неолиберальной глобализации. Более того, отягощенное поражением социализма в СССР, Китае и Восточной Европе, революционное движение переживало период деморализации. Революционные организации массово переходили на буржуазные позиции.

Но и в этих условиях революционный процесс не остановился. Революционный центр в 1980-х перемещается в Центральную Америку, где революционным движением охвачены почти все страны. Революция происходит в Никарагуа, где к власти приходит Сандинистский фронт национального освобождения. Начинается революция в Сальвадоре. Однако эти выступления были либо подавлены (как в Сальвадоре), либо организации, их возглавлявшие, принуждены к компромиссу угрозой вмешательства со стороны США (как в Никарагуа).

Характерной идеологической особенностью центральноамериканской революции становится то, что в единую организацию сливаются различные социалистические тенденции, которые ранее вели между собою

борьбу. Так, в Сальвадоре на основе единой революционной программы объединяются просоветские коммунисты, маоисты, троцкисты и часть социал-демократов. Это отражает изменения центральных вопросов, стоящих перед революционерами — теперь это уже не вопрос о природе СССР, который разделял троцкистов, сталинистов, маоистов.

Революции, которые намечают новую волну мировой революции в конце неолиберальной Б-фазы развития мирового капитализма, еще больше усиливают эту тенденцию. Так революция в Непале, которую возглавила Коммунистическая партия Непала (маоистская), имеет в числе своих противников другие «коммунистические» организации, также рисующие на знаменах Мао. В Венесуэле, где буржуазно-демократическая, антиимпериалистическая революция, начатая под знаменами Симона Боливара, перерастает в социалистическую, президент Уго Чавес является поклонником Мао Цзэдуна, но часто заявляет также о своей приверженности идеям Троцкого, в то же время в числе его советников марксисты, принадлежащие к разным течениям мирового коммунизма, а в состав боливарианского фронта входят коммунистические, маоистские, троцкистские группы.

Марксисты, воспитанные в разных традициях, связанных с драматически противоречивой судьбой социализма в XX веке, на новом этапе революционной истории приходят к одним и тем же выводам. Все более настоятельно требуется единство на основе революционной стратегии. Это объединение будет проходить не по основанию отношения к СССР в тот или иной период его истории (хотя, конечно, дискуссии об этом важны для марксистской теории), а по основанию вы-

бора революционной стратегии в сегодняшних условиях. К сожалению, такой подход наталкивается на рецидивы сектантства, тянущиеся хвостом из предшествующего этапа революционной борьбы.

Конвейер войн

После двух мировых войн, в которых империализм разрешал свои противоречия ценой миллионов жизней, во второй половине XX века войны становятся постоянным явлением, но в локальном масштабе. Они то вспыхивают, то погасают, то в одной, то в другой точке на периферии мирового капитализма. Наряду с «мирной» Европой и Северной Америкой, появляются целые регионы, где война становится постоянным явлением, «нормой». Там, где деколонизация проходила по сценарию империалистических стран, государственные границы были нарезаны так, чтобы этнические или религиозные конфликты не утихали. Примером этого является Индия и Пакистан, рубежи которым нарисовала английская администрация. Другой «фабрикой войн» была и остается Африка. Здесь более развитые племена использовались колонизаторами в качестве охотников за рабами из числа менее развитых. Века работорговли породили стойкую ненависть этих племен друг к другу — только в 90-е годы XX века геноцид и война, которые стали будничными явлениями в Африке, унесли более 10 миллионов жизней. Ближний Восток, где Израиль стал боевым отрядом мирового капитала в борьбе с антиимпериалистическим движением, также продолжает оставаться негаснущим очагом войны. Империализмом была инспирирована ирано-иракская война в 80-е. Тогда США снабжали оружием и поддерживали

сегодняшнего «дьявола во плоти» Саддама Хусейна поставляя ему все виды оружия, включая химическое и бактериологическое. США поддерживали Хусейна, когда он уничтожал иракских коммунистов и курдов, борющихся за независимость.

90-е годы начинаются войной США против Ирака и войной в Югославии, которая также завершается империалистическим вмешательством. В ходе Югославской кампании НАТО обостряются отношения между США и Германией, которые преследуют несколько разные интересы в ходе совместной агрессии.

Новую интенсивность войнам империализма придает кризис 2001 года. Этот кризис, который экономисты сравнивали с Великой депрессией 30-х годов, оказался, однако, менее разрушительным, чем его исторический предшественник. Обвал фондового рынка в области «новых технологий» стал самым серьезным его последствием. Этот же обвал передал фактически власть в США в руки группы неоконсерваторов, тесно связанных с сырьевыми монополиями.

Буш, их кандидат в президенты, пришел к власти, набрав меньшинство голосов на выборах, в результате скандального пересчета голосов во Флориде, фальсификации голосования.

В 30-е годы Гитлер был поставлен во главу Германии крупнейшими немецкими стальными и химическими монополиями — Тиссенем, Круппом и др. Гитлер был нужен крупному капиталу Германии для того, чтобы осуществить скорейший захват рынков сбыта и источников сырья военными методами, потеснив основных конкурентов Германии — Британию и Францию. Буш поставлен с той же целью американскими корпорациями «Дженерал электрик», «Экссон Мобил», «Шев-

рон», «Нортрон», «Хеллибертон». Большая часть американской администрации напрямую связана с энергетическими монополиями, наиболее реакционной, крайне правой, профашистской частью бизнеса США. Вице-президент Дик Чейни — бывший глава и нынешний совладелец корпорации «Хеллибертон». Советник национальной безопасности Кондолиза Райс — бывший член совета директоров корпорации «Шеврон».

Первой жертвой агрессивной политики новой администрации стал Афганистан. Война была начата в 2001 году, поводом стала террористическая атака в Нью-Йорке. Однако связь между атакой террористов и завоеванием Афганистана уже тогда казалась сомнительной общественному мнению даже внутри США. Появившиеся позже свидетельства показывают, что военная операция готовилась заранее. Бывший министр иностранных дел Пакистана Ниаз Наак заявил в июле 2001 г., что *«американские государственные служащие сообщили ему о плане американцев начать военную акцию против режима талибов и заменить их правительством «умеренных» афганцев. Акция должна проводиться с баз в Таджикистане. Ему также было сказано, что, если будет принято решение о поддержке акции, она может быть проведена в середине октября»*¹.

Причиной войны стал кризис перепроизводства, а решением — увеличивающийся военный заказ. В Афганистане американская армия применяла прежде всего самое дорогостоящее вооружение. Военно-промышленный комплекс, таким образом, стал тем «маленьким мотором», который заводил «большой мотор» капиталистической экономики США. Война в Афганистане, а

---

¹ Людо Мартенс. Контрреволюция и революция в XXI веке.

потом и война в Ираке, помогли США гораздо быстрее преодолеть последствия кризиса, чем их европейским конкурентам.

Военные расходы США снизились с \$382,5 миллиарда в 1985 году до \$276,3 миллиарда в 1997 году. Потоптавшись на этой отметке в 1998—2000 годах, военные расходы резко скакнули в 2001 году, и продолжают расти. В 2006 году они составили \$561,8 миллиарда. Увеличение военных расходов в два раза не могут быть объяснены реальной военной угрозой — ни Ирак, ни Иран, ни крошечная Северная Корея не представляют для США военной угрозы. Причины сугубо экономические, война — лишь следствие противоречий развития капиталистической экономики. Бум в военной промышленности становится основным фактором роста американского капитализма, ВПК сменил «новую экономку» в качестве локомотива экономического развития. У американских компаний, занимающихся производством оружия, увеличение продаж составило почти 60% (с \$157 миллиардов в 2000 году до \$268 миллиардов в 2004 году).

Важной для постсоветского пространства является война в Чечне, которую российский империализм ведет с небольшими перерывами с 1994 года. Из средства получения дополнительных сверхприбылей путем банковских спекуляций она превратилась в средство постоянного обогащения за счет военных заказов, «восстановления» и других способов потребления бюджетных средств. Здесь, как и в США сегодня, сырьевые и военные монополии задают тон внутренней политике и военной политике правящего класса. Не удивительно поэтому, что обе масштабные «операции» российских войск в Чечне совпадают с периодом роста цен

на нефть на мировом рынке. Фактически война идет за контроль над Каспийской нефтью и ее транспортировкой, в которой компания «Транснефть» выступает конкурентом европейско-турецкого консорциума. Народ Чечни становится жертвой этого империалистического конфликта.

В США и в России военная истерия служила удобным поводом к ужесточению внутреннего режима, принятию «антитеррористического» законодательства, серьезно ограничивающего права и свободы человека. Это еще раз доказывает, что без борьбы за свободу угнетенных наций никогда не достигнут свободы и нации-угнетатели.

Можно догматически восклицать, что у капитализма нет будущего. В длительной перспективе это, несомненно, так. Но революционный марксизм основывает свой прогноз конца капитализма вовсе не с детерминистским представлением о «неизбежности» социалистической революции, которая «автоматически» будет порождена движением стихийных сил капитализма.

Противоречие между детерминистским и диалектическим подходами к этому вопросу составляло суть дискуссии между В.И. Лениным и Розой Люксембург, проанализированная Георгом Лукачем в его знаменитой работе «История и классовое сознание». Это противоречие внутри революционного крыла марксистского движения.

Ленин противостоит детерминистскому подходу (который не доведен до крайности у Розы Люксембург, но в неразвитом виде содержится в ее теоретических построениях), подчеркивает значение классового сознания. Роза Люксембург видит революционность в конечном счете в стихийном движении пролетариата. В этом плане она является идейной предшественницей тех, кто сегодня говорит о самодостаточном значении социальных движений, противопоставляя их «косности» политических партий. Роза Люксембург также видит в организованной социал-демократии своеобразный тормоз развития стихийной революционности масс. Массы на-

пирают слева на окостеневший партийный аппарат и он поворачивается в революционную сторону, борьба между оппортунизмом и революционным марксизмом разрешается под этим давлением внутри одной партийной структуры, где эти два направления сосуществуют в качестве «течений» — к этому можно свести революционную тактику Люксембург.

Ленин, напротив, считает, что противоречие нужно доводить до организационного разрыва с оппортунизмом. Это теоретическое различие «опредметилось» в различных судьбах российской и германской революций.

Пролетариат вступает в борьбу внутренне расколотым — на оппортунистическое и революционное направления. Массы, до этого политически пассивные, вовлекаясь в движение, примыкают, как правило, к оппортунистическому направлению и составляют меньшевистские Советы в России и правительство и Советы из правых социал-демократов в Германии. Левые должны «завоевать» эти массы на свою сторону.

Если организационное размежевание двух линий не завершилось до кризиса, то провести это размежевание во время кризиса оказывается гораздо труднее, что приводит немецкую революцию и, к сожалению, саму Розу Люксембург к гибели. Та же ошибка была допущена революционерами в Венгрии в 1919 году. Они объединились со старой социал-демократией, полагаясь на стихийную революционность масс и формальное признание социал-демократами диктатуры пролетариата.

Развитие производительных сил капитализма вовсе не ведет «автоматически» к социализму, они лишь создают предпосылки революционного переворота. Сами

по себе они превращаются из производительных сил в разрушительные силы, делая все более реальной не альтернативу «социализм или варварство», а альтернативу «социализм или смерть».

Развиваясь производительные силы вовсе не натываются как на некую преграду на производственные отношения капитализма и «требуют» революции. Чисто экономическое развитие продолжается. И тут ошибались даже выдающиеся марксисты прошлого, такие как Троцкий и Сталин.

Троцкий в 1938 году начинает манифест создаваемого им Четвертого интернационала словами: *«Экономическая предпосылка пролетарской революции давно уже достигла наивысшей точки, какая вообще может быть достигнута при капитализме. Производительные силы человечества перестали расти»*¹. Сталин приходил фактически к тем же выводам в последней своей работе «Экономические проблемы социализма в СССР» в 1952 году: *«Можно ли утверждать, что известный тезис ... об относительной стабильности рынков в период общего кризиса капитализма, высказанный до Второй мировой войны, — все еще остается в силе? ... Можно ли утверждать, что известный тезис Ленина, высказанный им весной 1916 года, о том, что, несмотря на загнивание капитализма, «в целом капитализм растет неизмеримо быстрее, чем прежде», — все еще остается в силе? Я думаю, что нельзя этого утверждать. Ввиду новых условий, возникших в связи со Второй мировой войной, оба тезиса нужно считать утратившими силу»*².

---

¹ Агония капитализма и задачи Четвертого интернационала.

² Сталин И. Экономические проблемы социализма в СССР. М., 1952.

Сталин и Троцкий разделяют убеждение в том, что если общественная система капитализма определяется движением экономических сил, то и пределы ее развития очерчены бунтом экономических сил против этой системы. Но сам по себе этот бунт рождает лишь возможность перехода к социализму. Экономическое развитие на капиталистическом основании не прекратилось ни в 1938-м, ни в 1952-м, продолжилось и накопление разрушительного потенциала системы, пропорционально которому растет значение классовой сознательности, «субъективного фактора», значение теории и значение организации.

Но если развитие стихийных сил капитализма продолжается, то мы можем и должны в общих чертах представлять себе его ближайшие результаты.

Кризис неолиберализма и переход к новой фазе капиталистического развития

Неолиберальная система исчерпывает свой ресурс. Кризис 2001 года обнажил это. Капитализм в наиболее развитых странах не может продолжать следовать неолиберальной модели, она ведет к стремительному росту задолженности, в том числе в империалистических странах, с трудно предсказуемым финалом. Территориальное расширение рынков, связанное с поражением социализма и открытием рынков Восточной Европы, России и Китая с его миллиардным населением, исчерпало свой ресурс. Китай из импортера превратился в экспортера. Российский капитал, пользуясь благоприятной конъюнктурой цен на сырье, создает свой центр концентрации капитала.

Таким образом, «длинный» цикл, начавшийся в 1973—1975 годах, подходит к концу.

Кризис неолиберализма требует увеличения государственных расходов. Мы видели, что для Японии увеличение государственных расходов становится вопросом выживания. Тем не менее, причины краха «социального государства» и социал-демократической политики не исчезли. И новый переход к стратегии послевоенного кейнсианства вряд ли возможен.

То, что возможно сегодня, это уже отчасти реализуемая администрацией Буша стратегия «военного кейнсианства», то есть увеличение госрасходов за счет военной сферы. Начавшись как мера противодействия кризису, она уже начинает превращаться в норму.

Второй особенностью новой фазы капитализма будет переход к протекционистской политике, по крайней мере, ведущими империалистическими странами, а также стремительно растущим Китаем. Протекционистские барьеры уже вырастают между США и Европой. Конкуренция в сфере высоких технологий, автомобильной промышленности и авиастроении дополнилось резким противостоянием энергетических корпораций в ходе войны в Ираке.

Ближний Восток — основной поставщик нефти в Европу, Японию, Китай. Капиталисты США заинтересованы в ослаблении экономики своих конкурентов, прежде всего Германии и Франции. В результате военной оккупации Ирака европейским капиталистам придется закупать нефть у американских компаний, обогащая американских капиталистов. Оккупационные власти поставили под свой контроль природные ресурсы Ирака. Это позволит американским капиталистам безраздельно хозяйничать в Ираке. *«На колониальном рынке*

легче (а иногда единственно только и возможно) монополистическими путями устранить конкурента, обеспечить себе поставку, закрепить соответствующие «связи» и пр.»¹.

Правительства Германии, Франции и России выступали против войны в Ираке, потому что российские и франко-германские корпорации подписали с правительством Хусейна контракты на разработку нефтяных месторождений на миллионы долларов.

Тем не менее, рост цен на нефть продолжился и после захвата Ирака. И это было на руку и европейскому капиталу (экономика Европы наиболее эффективна в плане энергозатрат, к тому же сильное евро компенсирует рост цены на нефть), и тем более российскому. Кто действительно проиграл, так это Китай, против которого и направлена в перспективе стратегия США. Китай относится к числу наименее эффективных потребителей нефти в мире, для его экономики рост цен на нефть окажется серьезным ударом. Афганской войной США отрезали Китай от энергоресурсов Центральной Азии, а войной в Ираке и инспирированной США войной Израиля против Ливана продолжили подогревать рост цены «черного золота».

Китай в результате также будет пытаться отгородиться протекционистскими барьерами, стать центром восточноазиатского единого рынка, противостоящего Европе и США.

Перспектива войны и революции

Протекционистский курс и «военное кейнсианство» логично ведут к переходу от «конвейерной войны» не-

---

¹ В.И. Ленин. Империализм как высшая стадия капитализма.

олиберального периода к полномасштабному противостоянию по типу первых двух мировых войн. Это пессимистический прогноз, но это именно то, к чему ведут стихийные силы капитализма.

Нам предстоит наблюдать процесс блокообразования вокруг торговых зон с собственной валютой — долларом, евро и иеной либо юанем, а также, возможно, зоной рубля, которая не будет иметь самостоятельного значения, но примкнет к одному из центров накопления в военно-политическом противостоянии.

Не нужно иметь специальной подготовки, чтобы заключить, что это именно те экономические условия, которые существовали перед Первой и Второй мировыми войнами.

Хотелось бы с оптимизмом Мао Цзэдуна сказать: *«Что касается вопроса о мировой войне, то существуют только две возможности: или война вызовет революцию, или революция предотвратит войну»*¹. Но реальность гораздо сложнее. Революционные силы все еще не перестроились после исторического поражения, закончившегося реставрацией капитализма в СССР и Китае. Революционное марксистское движение не организовано на международном уровне, в нем все еще сильны пережитки сектантства и влияние оппортунистической идеологии.

Капитализм и/или экология

Человеческое общество является продуктом преобразования природы в условия жизни человека. Этот

---

¹ Выступления и статьи Мао Цзэдуна разных лет, ранее не публиковавшиеся в печати. Сборник. Выпуск шестой. М., «Прогресс», 1976. С. 261.

процесс называется общественным производством, в ходе которого, преобразуя природу, преобразовывается и человек, меняя формы общественного взаимодействия в соответствии с его (производства) потребностями.

Человек не может существовать, не преобразуя природу в условия своего существования, то есть в не-природу. Таким образом, концепции, провозглашающие идеалом «гармонию с природой» являются утопическими. Российский ученый, доктор философских наук И.К. Лисеев пишет об этом: *«Человек никогда не находился в полной гармонии с природой и не довольствовался только приспособлением к ней. Это всего-навсего религиозный миф о первобытном рае, в котором жили Адам и Ева. Почему-то миф этот перекочевал и в научную литературу по экологическим проблемам»*¹.

Сторонники «гармонии с природой» по сути предлагают вернуть человечество к временам, когда преобразование природы также осуществлялось, но в несравнимо меньших масштабах, чем сейчас. Такой возврат означал бы также и пропорциональное сокращение культуры, в том числе духовной культуры, которая при более низком уровне производственной практики оказалась бы ненужной и излишней, а значит, и общественный регресс.

Тем не менее, существующие способы преобразования природы человеком в рамках планеты Земля, если они будут и далее применяться в том же или даже в большем масштабе приведут к неизбежной экологической катастрофе. Эта катастрофа в перспективе сделает

---

¹ Современные философские проблемы естественных, технических и социально-гуманитарных наук. М., 2006, с. 298.

саму жизнь человека на нашей планете невозможной, приведет человечество к вырождению, а возможно, и к уничтожению биологических форм вообще. Такие пессимистические прогнозы делают многие ученые и специалисты, основываясь на богатом фактическом материале.

Итак, перед нами альтернатива: или возврат к примитивным способам преобразования природы и соответственно примитивным общественным формам (а это не только идеализируемые отношения племен, живущих якобы в гармонии с природой, но и рабство, феодализм и т.д.); или неизбежная гибель человечества в экологической катастрофе.

Первый выбор может быть сделан только группами энтузиастов, поскольку большинство человечества не откажется от преимуществ современной цивилизации, несмотря на ее также очевидные минусы. Можно себе представить скорее в качестве сюжета антиутопии, чем в качестве реальной исторической возможности, перспективу установления жесткой диктатуры, которая политическими средствами ограничит производство и потребление до экологически безопасного уровня. Однако, кроме того, что такой исход был бы нежелателен из гуманистических соображений, отсутствует общественная сила, чей материальный интерес непосредственно требовал бы установления такой диктатуры. Таким образом, неизбежен второй выбор? Человечество обречено семимильными шагами идти к неминуемой экологической катастрофе?

При современной экономической системе, да. Представляется, однако, возможным избежать этого второго выбора.

Реальность угрозы

Экологическая угроза не является чем-то возникшим лишь в последнее время. Недаром все известные крупные пустыни возникли на местах расположения самых древних цивилизаций. Причиной первого экологического кризиса была неолитическая революция (X—IX тысячелетия до н.э., то есть более чем за десять тысяч лет до появления машинного производства), в ходе которой резко увеличились численность домашних животных, земледельческих угодий, что достигалось в то время за счет сжигания лесов. В мезолите Сахара была богатейшей саванной, развитие скотоводства превратило ее в пустыню. Человеческая цивилизация передвинулась на север, где были освоены новые территории, освободившиеся после таяния ледников, на новых местах развивалось орошаемое земледелие, которое было уже менее варварским по отношению к окружающей среде способом производства, чем прежний...

В наше время радикально расширились масштабы и увеличилась интенсивность преобразования природы человеком. Не осталось действительно «девственных уголков» природы, никак не затронутых деятельностью человека.

Ежегодно из недр земли извлекается более 100 миллиардов тонн различных пород. По масштабам это сравнимо с тектоническими процессами, а по темпам значительно их превосходит. Для обеспечения жизни одного человека в современной цивилизации требуется в год 200 тонн твердых веществ, которые при помощи 800 тонн воды и 1000 Вт энергии превращаются в продукты потребления. Общий расход энергии на одно-

го человека в сутки составлял в первобытном обществе примерно 4000 кал, в феодальном — 12 000, на заре индустриализации — 70 000, а в современном обществе достигает 250 000 кал.

При сегодняшних способах производства все это приводит к уничтожению окружающей среды. Леса исчезают с земной поверхности со скоростью несколько десятков гектаров в минуту. Это влечет за собой уничтожение верхнего плодородного слоя почвы со скоростью 44 гектара в минуту. Исчезновение лесов приводит к снижению концентрации кислорода в воздухе — за последнее столетие его содержание снизилось с 20,948% до 20,8%, а в городах — ниже 20%.

Ежегодно в атмосферу выбрасывается около 20 млрд. тонн CO_2 , 300 млн. тонн CO ; 50 млн. тонн оксидов азота; 150 млн. тонн SO_2 ; 4–5 млрд. тонн H_2S и других вредных газов; более 400 млн. тонн частиц пыли, золы, сажи.

Ежегодно в водоемы сбрасывается около 600 млрд. тонн промышленных и бытовых стоков, более 10 млн. тонн нефти и нефтепродуктов...

Современная экономическая система и ее основная тенденция

Современный экономический порядок основан на частном предпринимательстве и рынке. Стимулом развития частной инициативы является стремление к получению максимально возможной прибыли. Прибыль субъектов частного предпринимательства это, в конечном счете, разница между ценой рабочей силы наемных работников и ценой произведенного ими продукта.

вред здоровью и окружающей среде

В этой экономической системе воспроизводство окружающей среды возможно только при изъятии части прибыли (путем налогообложения или добровольно) и затраты ее на экологические цели. Однако это противоречит стремлению к максимизации прибыли, которое является субъективной стороной возможности функционирования всей экономической системы. Проще говоря, никто не будет тратить прибыль на экологические нужды, если ее можно потратить на увеличение капитала и личное потребление. А если и найдется такой «чудак», то он быстро погибнет в конкурентной борьбе с менее «совестливыми» соперниками.

Кроме этого, существует также зафиксированная экономической наукой тенденция нормы прибыли к понижению. То есть прибыль составляет все меньший процент от затраченного капитала. Происходит это потому, что с ростом производительных сил человечества, технического прогресса все большую долю в капитале составляют затраты на машины, оборудование, сырье, помещения, инфраструктуру и т.д. (т.н. основной капитал), и все меньшую — затраты на найм работников (т.н. переменный капитал), которые, собственно, и являются источником прибыли.

В то же время масштабы преобразования природы продолжают увеличиваться — пропорционально увеличению основного капитала — а значит, все большие средства должны идти на воспроизводство окружающей среды, очистку и переработку выбросов и т.д.

Эту проблему рассматривает один из ведущих теоретиков школы анализа мировых систем Иммануил Валлерстайн в своей книге «Конец знакомого мира.

Социология XXI века» (*The End of the World as We know It. Social Science for the Twenty-First Century*). Он пишет: «Средняя норма прибыли должна неизбежно снижаться. В условиях такого давления на норму прибыли особое значение приобретает сокращение издержек, не связанных с оплатой труда». Увеличение прибыли за счет сокращения оплаты труда сталкивается с противодействием наемных работников, организованных в профсоюзы. Таким образом, возникает проблема компенсации издержек. Государство не может компенсировать издержки, просто выделяя субсидии, они становятся «все более непопулярными. Против них громко протестуют как конкурирующие предприятия, так и налогоплательщики». Все чаще это снижение происходит «даруемым властью избавлением от необходимости включать в себестоимость производственной операции те издержки, которых потребовало бы восстановление прежнего состояния окружающей среды»¹.

Сокращения вреда окружающей среде производится двумя способами: либо сокращением вредного воздействия, либо восстановлением ранее использованных природных ресурсов. Оба эти способа «встречают резкое сопротивление со стороны компаний, которые столкнулись бы с трудностями в случае, если бы такие предложения были приняты; утверждается, что эти меры крайне дороги и потому неизбежно вызовут сокращение производства»².

---

¹ Валлерстайн И. Экология и издержки производства при капитализме. Нет выхода. Основной доклад на PEWS XXI, «Глобальная окружающая среда и миро-система», Калифорнийский университет, США, 2—5 апреля 1997 года. // Валлерстайн И. Конец знаемого мира. Социология XXI века. М. 2004. с. 111.

² Там же, с. 112.

Глобальное измерение проблемы

Меры по внедрению экологической безопасности, которые все-таки были предприняты начиная с 1960—1970-х годов развитыми странами, часто приводили лишь к тому, что часть производств, представляющих наибольшую опасность для окружающей среды, были перенесены на периферию мировой экономической системы — в страны «третьего мира».

Более того, развитые страны могут выкупать у стран «третьего мира» неиспользованное «право на загрязнение» и использовать его сами. В итоге все равно наибольшее загрязнение окружающей среды производят развитые страны. По выбросам CO₂ на душу населения среди тех стран, где выбросы превышают 10 тонн в год, большинство составляют европейские страны (7 стран), кроме них в список входят нефтедобывающие арабские страны (5 стран), в Азии — также развитые Австралия, Бруней и Сингапур. Но все они вместе набирают меньше трети от тех объемов, которые ежегодно выбрасывают США.

Расширение производства за счет стран «третьего мира» не ослабляет, а усиливает нагрузку на окружающую среду. В то же время от правительств этих стран трудно ожидать давления на компании с целью компенсации экологического вреда, поскольку именно в погоне за более низкими издержками и большими прибылями капитал и устремляется в «третий мир».

В рамках всей системы международного разделения труда продолжает действовать стремление к снижению издержек за счет усиления нагрузки на окружающую среду.

«Имеет место удручающая тенденция выставлять в качестве врагов науку и технологию», — пишет И. Валлерстайн¹. Эта тенденция позволяет свалить ответственность «с больной головы на здоровую».

«Загрязнение атмосферы, — пишет известный российский ученый В.М. Найдыш, — катастрофы на атомных электростанциях, повышение радиоактивного фона в результате испытаний ядерного оружия, «озонная дыра» над планетой, исчезновение многих видов растений и животных — эти и другие экологические проблемы люди склонны объяснять самим фактом существования науки. Но дело не в науке, а в том, в чьих руках она находится, какие социальные интересы за ней стоят, какие общественные и государственные структуры направляют ее развитие»².

Ведь очевидно, что наука и технология, совершенствуясь, создают не только такие формы производства, которые оказывают разрушающее воздействие на окружающую среду, но и в не меньшей степени способны ее сохранения, восстановления. То, что первые активно используются, а вторые все еще находятся в зачаточном состоянии — не вина науки, это вина той системы, которая нацеливает человечество на получение прибыли и сокращение расходов.

Экологическая борьба при таком неверном подходе превращается в форму современного луддизма. Социальную бесперспективность такой борьбы отмечает

¹ Валлерстайн И. Экология и издержки... С. 116.

² Найдыш В.М. Концепции современного естествознания. М., 2005, с. 554.

и И. Валлерстайн: «На практике это проявляется в защите экзотических животных, о которых большинство людей никогда не слышало и потому испытывает к ним полное равнодушие; в такой ситуации ответственными за сокращение рабочих мест становятся принадлежащие к среднему классу чудаковатые городские интеллектуалы»¹.

Переход от «индустриального» к «постиндустриальному» обществу, на который уповали многие, также не приносит желанного избавления от экологической угрозы. «Постиндустриальные» технологии как бы надстраиваются над усложняющейся промышленной технологической базой и приводят не к ее сокращению, а, наоборот, к увеличению. Об этом свидетельствуют и данные по выбросам в атмосферу, где США, наиболее продвинутая в плане «постиндустриального общества» страна, занимает первое место.

Возможность выхода

Дилемма, таким образом, заключается в следующем: или эффективное накопление капитала при стремительном разрушении окружающей среды, или бережное отношение и воспроизводство окружающей среды и невозможность эффективной работы системы, основанной на накоплении капитала. В такой постановке вопрос уже может иметь ответы. Мы не можем представить себе человека, не преобразующего природу. Но мы можем представить себе общественную систему, основанную не на накоплении капитала, частном предпринимательстве и рынке. *Новая система не гарантирует бережного отношения к Природе !!*

Технически и технологически человечество готово к тому, чтобы достаточно бережно относиться к окру-

¹ Валлерстайн И. Указ. соч., с. 115.

жающей среде, чтобы иметь чистый воздух, воду, сохранить видовое разнообразие животных, птиц, рыб, насекомых. Но все это оказывается «слишком дорого».

Чтобы решить экологическую проблему, человечеству необходимо, таким образом, отказаться от экономической системы, основой которого остается частное предпринимательство, наемный труд, рынок и накопление капитала. В рамках такой системы максимизация прибыли имеет значение единственной цели экономической деятельности.

не факт

Реальная альтернатива такой системе — не отказ от прогресса, а производство, основанное на демократическом планировании производства и непосредственно общественном владении, пользовании и распоряжении средствами производства. Целью такой системы станет не производство прибыли, а «производство» общественного человека. Таким образом, снимется противоречие между целями производства и целью сохранения окружающей среды, которое мы отмечаем в современной экономической системе как неразрешимое.

Значит, решение не в переходе к «постиндустриальному обществу», которое предполагает только совершенствование технологии, но не условий и способов применения этой технологии, а в переходе к «пострыночному», «посткапиталистическому» обществу.

Этот переход, который, согласно гуманистической философской традиции, является необходимым условием снятия отчуждения, создаст общественные условия для того, чтобы человек в каждой из сфер своей деятельности имел всеобщий закон в качестве метода, действовал со знанием дела, свободно; преобразовывал природу всегда в соответствии с ее собственными законами, а не по произволу.

Еще не все достигнуто!
248 Природа от нас зависит!

Такие изменения, как пишет И. Валлерстайн, «предполагают не только новую социальную систему, но и требуют новых структур знания, где философия и естественные науки не будут разделены»¹.

Язык, нация, класс

Национальный и языковой вопрос — для марксиста это вторая и третья производные от классового вопроса. Логично, что разные классы не только по-разному на эти вопросы отвечают, но и по-разному ставят их. Даже не в силу умысла, а потому что они для разных классов по-разному стоят. Проблема коммуникации или национальной идентичности преломляются в социальной практике наемного работника и капиталиста по-разному. Маркс заостряет этот вопрос в формулировке, которую не очень-то любят современные «коммунисты»: у пролетариев нет отечества, отрезает он.

Национальность, национальная идентичность для капиталиста, так же как и язык, являются средством в конкурентной борьбе. Среди наемных работников использовать язык или нацию в качестве конкурентного преимущества могут только представители наиболее высокооплачиваемых категорий класса наемных работников, в особенности лица интеллектуального труда («рабочая аристократия», если пользоваться термином классического марксизма). Для подавляющего большинства пролетариев язык остается в лучшем случае нейтральным фактором в классовой борьбе (для пролетариев коренной нации), а в худшем — помехой, ведущей к прямому ухудшению их материального положения (для мигрантов, пролетариев нетитульной нации и т.д.)...

... и я решил Брежнев...
¹ Валлерстайн И. Указ. соч. С. 115.

При этом для буржуазии угнетенных наций (например, кавказских народов в России) нация все равно может быть положительным фактором в ее борьбе — за счет горизонтальных связей общин мелкая буржуазия этих наций может пытаться конкурировать с крупным капиталом, по крайней мере в сфере торговли. Для пролетариата угнетенной нации его национальность, его язык — это скорее гиря на ногах.

Причем, как показывает мировая практика, проблема не снимается «ассимиляцией». Французские арабы, большинство которых живет в метрополии уже во втором или третьем поколении, прекрасно говорят по-французски и по сути ничем не отличаются от «коренных». Тем не менее, они все равно оказываются в угнетенном положении, в «низах» французского пролетариата, среди бедных, что еще раз продемонстрировало восстание «аш-эль-эмов»¹ в 2005 году.

Дело в том, что капитализму любой империалистической страны (Россия не исключение) нужно иметь «функциональный подкласс» наиболее угнетенного, наиболее эксплуатируемого пролетариата. В основном эту роль выполняют мигранты, в том числе внутренние мигранты, как в России. Возникающий таким образом раскол эксплуатируемого класса выгоден и с экономической и с политической точки зрения. С экономической, угнетенный субпролетариат давит на рынок труда. Московский капиталист может сказать: соглашайтесь на эту зарплату или я найму узбеков и заплачу им еще в четыре раза меньше. С политической, противопоставление «коренных» наемных работников «приез-

---

¹ Районы многоквартирных домов, районы компактного проживания арабской бедноты в пригородах Парижа.

жим» эффективно потому, что мешает их солидарным действиям.

Проблема эта имеет два решения: полная и безусловная легализация всех работников-мигрантов, предоставление им того же статуса, что и коренным рабочим, что предполагает организацию совместных профсоюзных и политических организаций интернационалистического типа. Второе решение: ужесточение миграционной политики и таким образом охрана внутреннего рынка рабочей силы.

Второй вариант на самом деле представляет собой псевдорешение. И даже не потому что оно негуманно — закрытие границ для мигрантов приводит только к большей смертности, большим лишениям при попытках эту границу пересечь (вспомним тысячи задохнувшихся при попытках добраться с континента бедности — Африки на континент богатства — Европу в трюмах утлых суденышек, вспомним украинских гастарбайтеров, задохнувшихся в багажниках автомобилей на польско-немецкой границе), к большим поборам со стороны чиновников и полиции (это вам подтвердит любой москвич).

На самом деле меры по ограничению трудовой миграции лишь понижают цену рабочей силы рабочего-мигранта: чем меньше у него прав, тем меньше ему будут и платить. А значит, эти меры становятся и способом снижения зарплаты коренного рабочего. Круг замыкается: национализм титульной нации бьет по рабочему этой титульной нации (вернее, по большинству рабочих, не по высшему слою, которому национальное угнетение может быть как раз на руку).

Ограничение миграции, вроде «стены Буша» на границе с Мексикой, или мер, которые предлагает карман-

ная неонацистская организация Кремля — ДПНИ, могут быть к тому же и мерами по недопущению увеличения численности субпролетариата выше определенного процента, когда это может стать опасным с политической точки зрения.

Здесь примером могут быть не только недавние французские бунты, но и история чернокожего пролетариата США. Чернокожие которых разросшаяся за годы Второй мировой и капиталистического бума «золотых 50-х» американская промышленность рекрутировала на фабрики¹, выполняли именно роль субпролетариата. Чернокожие на заводах Детройта были чем-то вроде узбеков и таджиков московских строек. Однако, дав чернокожим экономическую силу и значимость, капитализм дал им в руки и политическое оружие, создав условия для пробуждения классового сознания. Это сознание быстро развилось от буржуазных идей «равноправия» или «черного расизма» к революционному марксизму партии «Черных пантер». Политически опасному черному субпролетариату пришлось давать подачки (благо самая богатая буржуазия мира имела для этого ресурс) — дать возможность переходить в ряды рабочей аристократии, политического и карьерного роста в рамках системы и т.п. Тех же, кто не соглашался на подачки, уничтожали, как было с теми же «Черными пантерами». Субпролетариат начинает рекрутироваться из ибероамериканских стран Юга, которые, в отличие от чернокожих, не являясь гражданами США, были гораз-

---

¹ Интересны в этом смысле воспоминания Хьюи Ньютона о том, как в годы войны рядом с негритянскими гетто вырастали новые заводы, как черные, которые раньше никому не были нужны (особенно в годы Великой депрессии, когда и белым-то работы не было), вдруг стали частью рабочего класса.

до менее успешными в экономической борьбе. Однако, и они стали теперь опасными политически — поэтому возводится «стена Буша», поэтому администрация протаскивает антииммигрантские законы.

Буржуазия России, которая в мировой империалистической табели о рангах стоит ниже американской и европейской, вынуждена думать на несколько ходов вперед. Именно поэтому, антииммигрантские настроения в ее среде появляются раньше, чем действительная политическая опасность субпролетариата. Ну нельзя же считать несколько забастовок, организованных левыми группами на «Донстрое» в Москве, действительной опасностью?

Российский субпролетариат пугает своей численностью. По разным подсчетам, число «нелегалов» достигло уже 15 миллионов человек. А в своей массе — это именно наемные работники, буржуазия без труда легализуется. Возможно, это уже крупнейший отряд российского рабочего класса. И, уж во всяком случае, самый быстрорастущий.

Кроме строек и транспорта, это теперь уже и во все большем масштабе промышленность. Прибавьте сюда внутреннюю «русскую» миграцию из депрессивных регионов, а также субпролетариат из национальных республик РФ (эти люди не считаются «нелегалами»), и вы получите гигантскую, потенциально революционную силу, которая сейчас не имеет своего политического голоса.

Проблемы этой части рабочего класса не лежат, таким образом, в плоскости национальной политики. Более того, сам этот субпролетариат национально безразличен, а во втором поколении он и вовсе потеряет национальную идентичность. Вторая и главная осо-

бенность этого слоя состоит в том, что его проблемы принципиально не решаются реформистским путем — субпролетариат располагается вне поля социальной политики государства. Причем, если западная буржуазия в годы «социального государства» могла пытаться расширить сферу его действия на часть субпролетариата (сегодня не может), то российская буржуазия не может делать даже таких попыток, так как это противоречит как мировой неолиберальной тенденции, так и внутренней политике Путина по уничтожению социального сектора.

То, что субпролетариат, таким образом, лежит вне реформистской политики и не рассматривается реформистскими левыми в качестве своей социальной базы, делает его (не автоматически, а в перспективе) социальной базой революционного левого движения.

СОДЕРЖАНИЕ

Цикл и революция	5
Империализм: 1900—1945	13
Сталинизм: за и против	34
Кейнсианский капитализм и революция 1968 года	72
1968—1975: третья волна мировой революции	82
По ту сторону железного занавеса. СССР и Китай	114
Неолиберальная глобализация	175
Мировой пролетариат	218
Будущее капитализма	232

У

||

Шапинов Виктор Владимирович
ИМПЕРИАЛИЗМ ОТ ЛЕНИНА ДО ПУТИНА

Редактор *О.В. Селин*
Художественный редактор *С.В. Груздев*
Верстка *А.А. Кувшинников*
Корректор *Н.Н. Самойлова*

ООО «Алгоритм-Книга»
Лицензия ИД 00368 от 29.10.99, тел.: 617-0825
Оптовая торговля: Центр политической книги — 733-9789
«Столица-Сервис» — 375-3211, 375-2433, 375-3673
Мелкооптовая торговля: г. Москва, СК «Олимпийский». Книжный клуб
Торговое место № 30, 1-й эт. Тел. 8-903-519-85-41

Подписано в печать 20.07.2007. Формат 84×108 1/32.
Гарнитура «Таймс». Печать офсетная. Бумага тип. Усл. печ. л. 13,44.
Тираж 4000 экз. Заказ № 1240.

Отпечатано с готовых диапозитивов
в ОАО «Рыбинский Дом печати»
152901, г. Рыбинск, ул. Чкалова, 8.

Материальные условия для переноса
и «коммунизма» возможно создать
лишь ^{тогда, когда} ~~при условии, что~~ будут гаранти-
рованы все три формы собствен-
ности на средства производства:
индивидуальная, коллективная и
общественная. Однако достичь высшего
уровня благосостояния каждого члена
общества возможно лишь при усло-
вии, что будет обеспечена механиз-
м материальной защиты рес-
урсов, в основе которого закрепи-
ны собственности на природные ресурсы
страны (минеральные ресурсы) за
каждым гражданином. А только ме-
ханизм материальной защиты рес-
урсов является важным процессом в Промыш-
ленной Конституции СССР, т.е. Союза Суве-
рентно Сохраняют Россию.

Что означает простое работника от собственности?
Что такое советская собственность? Да это по-
прежнему, это так же и по своему своему является собственным
на средства производства. Отсюда возникает идея
обобщения средств производства и всеобщим
форме всеобщего равенства. Но на практике обо-
бщение приводит к уравниловке и, как сле-
дует, к сполнению производственной труда. Кро-
ме того, быстро пошла в массы укреплений с
пенсиями перерастают в класс советников.

Но ведь если в возможности то обобщения
(затой — отсюда) средства производства и вла-
сти переход на владение средствами произ-
водства — практика глубоко корытная. Она
и больше всего имеет тенденцию к
индивидуального развития, как масса
рыночного, так и в категории духа
наша. Моделие соединяет при этом инди-
видуально стремятся в своем развитии к
системе самоуправления или иными
словами. Где же выход?

С одной стороны, конкуренция интернациона-
льная имеет в урбанистическом мире
долг справедливое и способность делиться
своей, как и периодически — в народную формулу

и первая, и вторая форма развития общества
без державности принципов приводит к де-
градации и к массовой гибели людей.

Выход в моделии ^{через перемены} правами собствен-
ника природного богатств в каждого гражданина
и в структурном действии способа реализации
этих прав. Но первое условие между-
личности фундаментального общественного устройства

второе условие состоит в следующем:
надо как можно больше число участников про-
изводства сделать совладельцами средств произ-
водства. Иными словами это все равно что

форма и содержание. При этом надо свести к ми-
нимуму варианты, когда каждый работник не
является совладельцем средств производства.

Они временно там, где это возможно, замят.
но и масса абсолютно всех участников про-
изводства должна быть связана с производством
предприятия, такое условие обратными для
предприятия всех трех форм собственности;
индивидуальной, коллективной и общественной

Такая форма, моделии каждого производят
на правах собственности природного богатств и ка-
ждого работника правом собственности средств
производства, но не имеют правовой фундамент
общественного устройства, при котором обществен-
ные отношения станут наименее противоречивы
и дадут даром массового проявления
масса советников с относительно высоким
уровнем, демократия, демократии правом законо-
творческой и законодательный мичнапост.

Авария проекта введена продолжена, но не показала пути
решения. Стр. 125-126 — утомля.

19 10 07

ISBN 978-5-9265-0431-3

9 785926 504313 >

242.00

Виктор Шапинов

ИМПЕРИАЛИЗМ ОТ ЛЕНИНА ДО ПУТИНА

Буржуазия подходит к историческим образам не менее утилитарно, чем ко всему остальному. Она приспособливает Сталина под текущие политические нужды. Когда ей нужно было ускорить процесс приватизации и укрепления связей с мировым капиталом — российская буржуазия пугает обывателя сталинскими репрессиями, «сталинизмом», единственным спасением от которых и является тотальная либерализация всего и вся. Так «Сталин» помогал либерализации.

Когда национализированная собственность в основном поделена и встает задача стабилизации системы, нужно сильное государство, способное защитить собственность — тут буржуазия превращает Сталина в патриота-государственника и отчасти даже в «хорошего парня». Все буржуазные политики поднимают за Сталина рюмочки.

Все газеты и журналы печатают статьи к сталинскому юбилею.

Так «Сталин» помогает «стабилизации».

О подобных парадоксах и шатаниях в развитии империализма в XX — XXI вв. вы прочтете в книге В. Шапинова, представленной вашему вниманию.